

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ПРАВО»

Редколлегия журнала

- В. А. Азаров, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Н. Ахпанов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва (Астана, Казахстан)
- С. Н. Бабулин, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, президент Ассоциации юридических вузов России, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, президент международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Москва, Россия)
- Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)
- С. Ю. Головина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой трудового права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. Л. Иванов, канд. юрид. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- Пьеранджело Каталано, доктор права, заслуженный профессор Римского университета Ла Сапиенца (Рим, Италия)
- В. В. Кванина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
- Р. В. Кирсанов, канд. юрид. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, профессор, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- И. Н. Колядко, канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)
- И. А. Коновалов, д-р ист. наук, профессор, декан юридического факультета, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Н. Костюков, д-р юрид. наук, профессор, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. А. Ларичев, д-р юрид. наук, доцент по кафедре международного и конституционного права, зав. кафедрой государственного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Карельский филиал (Петрозаводск, Россия)
- Горазд Мешко, д-р юрид. наук, профессор, директор Института уголовного правосудия и безопасности, Университет Марибора (Марибор, Словения)
- Е. Л. Невзгодина, канд. юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Д. Прошляков, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)
- Якуб Стэлина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой по трудовому праву факультета права и администрации, Гданьский университет (Гданьск, Польша республика)
- Л. А. Терехова, д-р юрид. наук, профессор, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- Фернандо Сезар Коста Шавьер, канд. наук, д-р международных отношений, адъюнкт профессор, Федеральный университет Рорайма (Боа-Виста, Бразилия)
- С. Ю. Чуча, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН (Москва, Россия)
- Н. В. Щедрин, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры деликтологии и криминологии, Юридический институт, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)
- А. В. Юдин, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва (Самара, Россия)
- Анна Юрковска-Зайдлер, доктор права, профессор, заместитель декана по научной работе, профессор кафедры финансового права факультета права и администрации, Университет Гданьска (Гданьск, Польша республика)
- Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, профессор, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

*Научный журнал
Выходит 4 раза в год*

ОСНОВАН В 2004 г.

*Издаётся в творческом
сотрудничестве
с Арбитражным судом
Омской области*

2020. Т. 17, № 4

ISSN 1990-5173

Включён в перечень ВАК

*Учредитель
ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского»*

Адрес редакции:
644077, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, каб. 302

тел. (3812) 63-21-20
omgu-vestnikpravo@mail.ru

Главный редактор
Елена Львовна Невзгодина
Ответственный редактор
Татьяна Фёдоровна Ящук

Редактор *Е. В. Коськина*
Технический редактор *М. В. Быкова*
Дизайн обложки *З. Н. Образова*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-72197
от 15 января 2018 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Объединённый подписной каталог
«Пресса России». Индекс 35914

Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах
научных электронных библиотек
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
С 2007 г. журнал включён
в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Адрес издателя и типографии:
644077, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

Дата выхода в свет 28.12.2020
Ризография. Формат 60х84 1/8.
Печ. л. 15,75. Усл. печ. л. 14,6.
Уч.-изд. л. 14,6.
Тираж 60 экз. Заказ 190.

*Academic periodical
Published four times a year*

FOUNDED IN 2014

*Published in creative collaboration
with the Arbitration Court
of the Omsk Region*

2020. Vol. 17, no. 4

ISSN 1990-5173

Included in HAC list

Founder

*Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Dostoevsky Omsk State University”*

Address of editorial office:
office 302, 55a, Mira pr., Omsk,
Omsk Oblast, 644077, Russia

*Phone: +7 (3812) 63-21-30
E-mail: omgu-vestnikpravo@mail.ru*

Editor-in-Chief

E.L. Nevzgodina

Executive editor

T.F. Yashchuk

Editor E.V. Koskina

Technical editor M.V. Bykova

Design of cover Z.N. Obrazova

Journal Registration Certificate

PI No. FS77-72197

from January 15, 2018

given Russian Federal Surveillance

Service for Compliance

with the Legislation

in Mass Media and Cultural

Heritage Protection

United subscription catalog

“The Russian Press”. Index 35914

Free price

The full text version of the journal
is posted on the websites
of scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and Cyberleninka (cyberleninka.ru).
Included in Russian science citation
index (RSCI)

Address of publisher

and printing house:

55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast,
644077, Russia

Date of publication December 28, 2020

Risography. Format 60x84 1/8.

Printed p. 15,75.

Conventionally printed p. 14,6.

Accounting publishing p. 14,6.

Edition 60 copies. Order 190.

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series “LAW”

Editorial staff

V.A. Azarov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

A.N. Akhpanov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Professor at the Department of Criminal Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

S.N. Baburin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the RAS, President of the Association of Law Schools, Professor of Dostoevsky Omsk State University, Professor of Moscow Witte University, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Moscow, Russia)

N.L. Bondarenko, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

S.Yu. Golovina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)

R.L. Ivanov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Pierangelo Catalano, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor Emeritus at the University of Rome La Sapienza (Rome, Italy)

V.V. Kvanina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Business, Competition and Environmental Law, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)

R.V. Kirsanov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

M.P. Kleymenov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

I.N. Kolyadko, Ph.D. in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure and Labor Law, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

I.A. Konovalov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in History, Professor, Dean of the Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

A.N. Kostyukov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

A.A. Larichev, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associate Professor at the Department of International and Constitutional Law, Head of the Department of State Law, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Karelian Branch (Petrozavodsk, Russia)

Gorazd Meshko, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Director of the Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor (Maribor, Slovenia)

E.L. Nevzgodina, Ph.D. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

A.D. Proshlyakov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)

Jakub Stelina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk, Republic of Poland)

L.A. Terekhova, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Fernando Cesar Costa Xavier, Ph.D. in International Relations, Associate Professor, Federal University of Roraima (Boa Vista, Brazil)

S.Yu. Chucha, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Civil Law, Civil and Arbitration Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

N.V. Shchedrin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Professor at the Department of Delictology and Criminology, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Udin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University (Samara, Russia)

Anna Jurkovska-Zaydler, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Deputy Dean for Research, Professor at the Department of Financial Law, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk, the Republic of Poland)

T.F. Yashchuk, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Кожевина М. А., Яцук Т. Ф.* Историография истории права и государства России: дореволюционный и советский периоды 5
- Кодинцев А. Я.* Организация органов правосудия в Остяко-Вогульском национальном округе в 1930-е гг. 16

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

- Галушко Д. В.* Деятельность Евразийской экономической комиссии как основного регулирующего органа Евразийского экономического союза 25
- Чумаченко И. Н.* Особенности разрешения внутригосударственных и трансграничных коллизий в США* 31

ГРАЖДАНСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А.* Источники правового регулирования спортивных отношений в Российской Федерации и зарубежных странах 41
- Курченко О. С.* Правовые средства предотвращения необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей 53
- Семенова О. О.* К понятию убежища. Право или обязанность государства? 65

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

- Клейменов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И.* Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» 75
- Ревягин А. В., Гудков А. Ю.* Понятие нераскрытой преступности 81
- Некоз С. С.* Эволюция научных представлений об ответственности за пособничество в совершении преступления 86
- Шут О. А.* Мошенничество в социальных сетях и способы его осуществления 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Невзгодина Е. Л., Темникова Н. А.* Научная новизна в диссертации Е. В. Кротовой 107
- Азаров В. А., Ревенко Н. И.* Рецензия на монографию Р. Г. Ардашева, Н. Н. Китаева 111

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 114

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Law", 2020, vol. 17, no. 4

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- Kozhevina M. A., Yashchuk T. F.* Historiography of the History of Law and the State of Russia: Pre-Revolutionary and Soviet Periods 13
- Kodintsev A. Ya.* Organization of Justice in the Ostyak-Vogul National District in the 1930s 23

INTERNATIONAL AND FOREIGN LAW

- Galushko D. V.* Activities of the Eurasian Economic Commission as the Main Regulatory Body of the Eurasian Economic Union 29
- Chumachenko I. N.* Specific Issues of the Resolving of the Internal and Cross-Border Conflict of Laws in the United States of America 39

CIVIL AND SOCIAL LAW

- Kovalenko E. Y., Shavandina O. A.* Sources of Legal Regulation of Sports Relations in the Russian Federation and Foreign Countries 50
- Kurchenko O. S.* Legal Means to Prevent Unjustified Payment of Pensions to Citizens Living Abroad 62
- Semyonova O. O.* To the Concept of Asylum. Right or Duty of the State? 73

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY

- Kleymentov M. P., Kozlovskaya M. G., Savelyev A. I.* "AUE" Extremist Criminal Community 79
- Revyagin A. V., Gudkov A. Y.* The Concept of Unsolved Crime 84
- Nekoz S. S.* Evolution of Scientific Ideas on Responsibility for Aiding and Abetting a Crime 95
- Shut O. A.* Fraud in Social Networks and Ways to Implement 105

SCIENTIFIC LIFE

- Nevzgodina E. L., Temnikova N. A.* Scientific Novelty in the Dissertation by E. V. Krotova 110
- Azarov V. A., Revenko N. I.* Review of the Monograph by R. G. Ardashev, N. N. Kitaev 113

INFORMATION FOR AUTHORS 121

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 5–15.

УДК 340.158

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

М. А. Кожевина¹, Т. Ф. Ящук²

¹ Омская академия МВД России, г. Омск, Россия

² Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Историографический опыт изучения истории права и государства России не являлся предметом самостоятельного научного анализа. Отдельные аспекты затрагивались в предисловиях к переизданиям классических научных трудов, публикациях биографического характера, в обзорах литературы, предваряющих основную часть работ. В современной гуманитаристике возрастает интерес к научно-ведческим проблемам генезиса и эволюции отдельных дисциплин. История права и государства России является частью юридического и исторического знания и требует предметного рассмотрения. **Цель.** Поставлена цель определить основные концептуальные подходы, формирующиеся и развивающиеся в рамках историко-правовой науки на протяжении дореволюционного и советского периодов. **Методология.** Методология представлена рядом методов. Хронологический метод и метод периодизации использовались для выстраивания последовательности историографического процесса. Историко-сравнительный метод в диахронном варианте позволил провести сопоставление содержания дореволюционного и советского периодов в историографии вопроса, выявить особенности каждого периода. Институциональный метод показал процесс отграничения истории права и государства России от иных научных дисциплин. Метод герменевтики был необходимым для текстуального анализа работ юридического и исторического содержания. **Результаты.** Показан процесс институционализации истории права и государства России. В итоге это привело к появлению в её рамках собственной историографии. Систематизированы основные исследовательские направления; выявлены факторы, повлиявшие на развитие историко-правовой науки в дореволюционный и советский периоды; установлен круг учёных, занимающихся историко-правовой проблематикой; указаны наиболее значимые публикации. **Заключение.** Выделены и охарактеризованы два периода историографии истории права и государства России. Создаётся основа для изучения следующего современного периода.

Ключевые слова: история права и государства; юридическая наука; историография; методология; история науки.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII–XX вв.».

1. Введение

История права и государства России как самостоятельная область научного знания обладает собственной историографией, которая формировалась по мере становления самой науки. Как научное направление историография возникает лишь тогда, когда история признаётся наукой, и у историков появляется потребность в самопознании, т.е. на рубеже XVIII–XIX столетий, и эволюционирует вме-

сте с ней. Вначале историография понималась как историописание исторической мысли, несколько позже, к середине – концу XIX в., ставится задача создать общую картину развития истории, показать смену теорий и взглядов, «направляющих науку теоретических побуждений» [1, с. 91–127]. В современной научной литературе нередко понятия «историография» и «история науки» употребляются как равнозначные. В частности,

подобный подход был предложен А. М. Сахаровым [1, с. 91–127], и многие современные историки так и мыслят: историография и история исторической науки – понятия тождественные.

С точки зрения науковедения данный аспект видится иначе. История науки более ёмкое понятие. Она включает в себя не только описание тех или иных проблем науки, но и анализ процесса накопления научных знаний с учётом реальных исторических условий, в которых зарождались и развивались те или иные научные концепции, теории, направления, школы, формировался исследователь как учёный, его «историографический быт», его научная практика, а также определение степени влияния государственной политики на науку, уровня популяризации научного знания и т. п. Поэтому будем придерживаться позиции, когда историография мыслится как часть истории науки – дисциплина, позволяющая выявить масштаб изученности отдельных научных проблем или направлений в рамках одного или нескольких периодов развития науки. История отечественного права и государства как наука зарождается в недрах отечественной исторической науки. Поэтому, создавая свой предмет, она активно культивировала преемственные связи с общей историей, вбирая её историографический опыт.

Историография истории права и государства России пока не стала предметом самостоятельного научного анализа. Отдельные её аспекты нашли отражение в предисловиях к научным трудам историков права, публикациях биографического характера, в обзорах литературы, предваряющих основную часть работ. Существенное значение для выделения и анализа историографического компонента в истории права и государства России имеют работы, посвящённые науковедческим проблемам, генезиса и эволюции отдельных отраслей гуманитаристики [2], а также истории юридической науки [3] и образования [4]. Подготовленный под руководством В. М. Сырых 4-томный энциклопедический словарь представляет собой уникальный источник по истории юридической науки и одновременно серьёзное историографическое издание, охватившее основные направления юридических исследований как в ретроспективе, так

и максимально приближенно к современности [5–8].

Накопленный массив публикаций исторического и юридического содержания создаёт основу для достижения поставленной цели – определить основные концептуальные подходы, формирующиеся и развивающиеся в рамках историко-правовой науки на протяжении дореволюционного и советского периодов.

2. Методология

В основу исследования положены как исторические, так и юридические научные подходы и методы познания. Институциональный подход позволил отграничить историю права и государства России от иных научных дисциплин и показать процесс её становления и развития. Хронологический метод и метод периодизации использовались для выстраивания последовательности историографического процесса. Историко-сравнительный метод в диахронном варианте позволил провести сопоставление содержания дореволюционного и советского периодов в историографии вопроса, выявить особенности каждого. Метод герменевтики был необходим для текстуального анализа работ юридического и исторического содержания.

3. Историография истории права и государства России в дореволюционный период

Общепризнано, что отечественная историко-правовая наука сформировалась под влиянием немецкой исторической школы права в середине – второй половине XIX в., однако интерес юристов к истории права и государства пробуждается намного раньше. Можно выделить несколько историографических направлений.

Первое из них, по определению Г. С. Фельдштейна, историко-догматическое в совокупности с историко-сравнительным, имело практико-ориентированный характер. Цель исследований заключалась в составлении систематических сборников и руководств к применению исторически сложившегося отечественного законодательства. В числе первых работ называется рукопись «Краткого руководства к российским правам» Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона, профессора университета Российской академии наук, переданная на хранение в 1750 г. в библиотеку Академии [9, с. 130, 131].

Другое произведение – речь «О начале и переменах российских законов», произнесённая 6 сентября 1766 г. Ф. Г. Штрубе де Пирмоном, «есть первое печатное исследование по истории русского права», оно «обращает на себя внимание потому, что в ней учёный применил приёмы сравнительного правоведения»¹. В последующем научный интерес немецкого учёного проявился к истории права в исследованиях Древнерусского государства. Поддерживая позицию М. В. Ломоносова о славянском происхождении Руси, он в 1785 г. опубликовал «Рассуждение о древних Руссах» (на русский язык переведено в 1791 г.), где критиковал Герхарда Миллера [10, с. 97]. Таким образом, Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона можно назвать в числе первых юристов – историков права.

Начало изучения русского права «по-русски» связано с именем С. Е. Десницкого. В «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» он указывал на методологические основания науки. Исследование русского права, по его мнению, должно было осуществляться «порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассуждением» [11, с. 153–154].

Историко-догматическое направление в историографии истории права и государства России получило дальнейшее развитие и в неофициальных систематизациях. К концу XVIII в. появляются так называемые «словари», представляющие хронологическую систематизацию отечественного законодательства с комментариями авторов. Первым таким сборником стал изданный в 1788 г. «Словарь юридический», составленный Лангансом². Позже такую попытку предприняли И. Наумов, Л. Максимович, братья П. и Т. Хавские, отец и сын Ф. и А. Правиковы, А. Фиалковских и др.

В первой трети XIX в. историко-догматическое направление юридической историографии расширило свои границы в связи с официальной систематизацией российского законодательства. В последующем сложилось, на наш взгляд, самостоятельное направление, которое мы бы условно обозначили как источниковедческое. Оно тесно связано не столько с формированием источнико-

вой базы юридической науки и практики, сколько со становлением и развитием истории права как самостоятельной научной дисциплины. Для истории права наиболее значимыми результатами работы всех государственных комиссий конца XVIII – первой четверти XIX столетий по систематизации законодательства стал «Полный хронологический реестр законодательных актов, со времени правительства Алексея Михайловича до 1825 года» с краткой аннотацией к каждому акту [12, с. 236], а также «исторические» своды для «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов Российской империи». Огромное значение представляет вышедшая после издания систематических сборников аналитическая работа М. М. Сперанского «Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся в II Отделении Собственной его Императорского Величества канцелярии» (СПб., 1833).

С этого момента отечественная юридическая наука оживилась, 1840-е гг. фактически определили самостоятельный научный путь истории русского права. Однако первые исторические экскурсы мы находим в работах по теории права. Поэтому в историографии выделим как самостоятельное историко-теоретическое направление. К. А. Неволин в «Энциклопедии законоведения» впервые указал на необходимость разграничения истории законов и истории законоведения. Он определил способы изложения истории законов и истории законоведения, указал на различия в определении времени развития законов и законоведения, обозначил порядок изложения истории законов и законоведения³, определил особенности и этапы развития отечественного законоведения⁴. Заметным событием в науке стала публикация речи экстраординарного профессора Казанского университета А. Г. Stanisлавского «О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления»⁵, исторический обзор русской энциклопедии права осуществил Н. К. Ренненкампф⁶, и т. д. Значимыми, несмотря на отраслевую ориентацию, стали работы Г. Ф. Шершеневича и Г. С. Фельдштейна⁷. Они синтезируют исторический опыт научной юриспруденции в области истории отечественного права.

Собственный всесторонний историографический опыт отечественная история права и государства приобрела лишь во второй половине XIX столетия. К этому времени сложилась группа исследователей, посвятивших себя изучению общих вопросов развития права в России⁸. В частности, была предложена периодизация становления и развития истории русского права как науки. Первый этап ограничивался XVIII – началом XIX в. и определялся как время зарождения в недрах отечественной истории на фоне написания истории Российского государства (В. Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и др.). Первая четверть XIX в. – следующий этап, в рамках которого история права становится частью отраслевых юридических дисциплин⁹, заинтересованность проявилась прежде всего в изучении гражданского и уголовного законодательства. Начало третьего этапа – 1930-е гг. – связывалось с появлением работ профессоров Дерптского университета И. Ф. Г. Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» и А. М. Ф. фон Рейца «Опыт истории российских государственных и гражданских законов». Первый учёный был воспринят как основатель родовой теории происхождения государства, второй преподнёс российской науке первый «опыт полного и систематического курса истории русского права» [13, с. 34].

Вместе с тем следует выделить институциональные аспекты в развитии историко-правовой науки. Вторая половина XIX в. ознаменована яркими событиями, повлиявшими на её становление. Университетский устав 1863 г. закреплял список обязательных учебных дисциплин, в числе которых была история русского права, история важнейших законодательств древних и новых, отдельно история славянских законодательств. В результате в университетах появляются кафедры истории права, вокруг которых формируется научное сообщество историков права. Объединительным центром любителей истории России стала и Археографическая комиссия, созданная ещё в 1834 г., ею публиковались памятники истории, проводились публичные лекции, что позволяло популяризировать историческое знание, тем самым делая его более востребованным. Заметную

роль в этом процессе сыграл Н. В. Калачев, основатель и издатель научных журналов (1850–1861 гг.) «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» и «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», «Юридического вестника» (с 1861 г.), таким образом появилась площадка для опубликования результатов историко-правовых исследований.

По мнению Н. П. Загоскина, в это время получили дальнейшее развитие несколько научных направлений, он называет их школами. Часть из них появилась ещё в недрах исторической науки в середине XVIII – начале XIX в., к примеру скандинавская, или норманская (М. Н. Погодин и др.), и славянская школы (Ф. Л. Морошкин и др.), поддерживающие дискуссии об истоках русской государственности. На этом фоне развитие получили две основные теории происхождения русского государства – теория родового быта (Г. Эверс) и теория общинного быта (И. Д. Беляев, Н. В. Лешков). Свою нишу в науке заняла и так называемая скептическая школа (М. Т. Каченовский), которая культивировала критическое отношение в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Новым веянием в развитии науки истории русского права во второй половине XIX в. стало формирование, если можно так выразиться, условно солидаризированных групп исследователей на базе ведущих университетов. Среди тех, кто состоял в этом тандеме, можно назвать историков К. С. Аксакова, К. Н. Бестужев-Рюмина, Д. А. Валугева, П. А. Иванова, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, С. Ф. Платонова, М. П. Погодина, С. М. Соловьёва и юристов, оставивших заметный след в историко-правовой науке, И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. М. Дмитриева, М. А. Дьяконова, Н. П. Загоскина, Н. Д. Иванишева, К. Д. Кавелина, Н. В. Калачова, В. Н. Латкина, Ф. И. Леонтовича, В. Н. Лешкова, М. М. Михайлова, Ф. Л. Морошкина, П. Н. Мрочека-Дроздовского, К. П. Победоносцева, Д. Я. Самоквасова, В. И. Сергеевича, А. Н. Филиппова, Б. Н. Чичерина и др.

Методологический инструментарий мыслился достаточно широко. Прежде всего он формировался на междисциплинарной

основе. Предполагалось использование результатов вспомогательных исторических дисциплин – археологии, исторической географии, генеалогии, геральдики, библиографии¹⁰. Таким образом, к концу периода история русского права и государства стала аккумулирующей научной дисциплиной, являлась предметом исследования не только узких специалистов – историографическое сопровождение юридических работ любой тематики считалось нормой научного познания.

4. Советский период историографии истории права и государства России

Становление истории русского права как самостоятельной науки и, соответственно, её историографическое осмысление были прерваны в связи с революционными событиями 1917 г. и последовавшими за ним организационным переустройством и идеологической переориентацией юридической науки и образования. До середины 1930-х гг. не приходится говорить о каких-либо серьёзных историко-правовых исследованиях.

Восстановление историко-правового компонента сначала в структуре учебных программ подготовки юристов, а затем в виде отдельного научного направления связано с деятельностью С. В. Юшкова, занимавшегося в разные периоды преподавательской деятельностью в Саратове, Ленинграде, Свердловске, Москве, а также работавшего в академических и отраслевых научных учреждениях юридического профиля. При непосредственном участии С. В. Юшкова была создана первая специализированная кафедра – кафедра истории государства и права в г. Свердловске, а сам учёный стал её первым заведующим.

С. В. Юшков, являясь крупнейшим теоретиком и методологом истории государства и права России, выделил периоды её становления и развития, указал наиболее значимые доктринальные достижения. Применительно к первой половине XIX в., когда обозначается процесс институционализации данной науки, он особо отмечал значение трудов К. А. Неволлина и И. В. Калачева, рассматривая вторую половину XIX в., подчёркивал выдвижение на лидирующие позиции государственной школы, идеи которой наиболее ярко и последовательно выражали С. М. Соловьёв и Б. Н. Чичерин. С. В. Юшков признавал дос-

таточно ранний поворот к марксистскому пониманию истории права, относя его к началу XX в. и связывая с именем Г. В. Плеханова [14, с. 41], но такую трактовку можно считать в значительной степени вынужденной и обусловленной жёстко заданными идеологическими установками времени.

Первые серьёзные дискуссии в среде немногочисленных учёных, вовлечённых в изучение историко-правовой тематики, развернулись по поводу оценки достижений дореволюционной школы, её влияния на формирование доктрины советского права. Обоснование предметной области историко-правовой науки, возможности и результативности её познания на основе марксистской методологии нашло отражение в научных публикациях, учебной литературе, рецензиях на рукописи, уже изданные труды, а также сборники законодательства. В ряде публикаций данного периода присутствовали существенные заимствования из дореволюционных изданий. Этот приём был обусловлен не столько научной недобросовестностью авторов (хотя такие упреки в их адрес звучали), сколько их органической невозможностью выйти из юридической догматики, усвоенной в императорских университетах, невозможностью заменить её новыми разработками на основе советской идеологии. Поэтому в составленном И. И. Крыльцовым и И. И. Яковкиным «Сборнике памятников по истории государства и права народов СССР» Б. И. Сыромятников, неопубликованную рецензию которого цитирует современный исследователь М. А. Киселёв, обоснованно усматривает «элементарное учебное пособие для вузов хрестоматийного типа по образцу известной “Хрестоматии” проф. Владимирского-Буданова, перепечаткой которой... в значительной своей части и является настоящее издание» [15, с. 126].

Очевидные фрагменты из дореволюционных учебников по истории русского права были замечены в работах С. В. Юшкова: в «Конспекте лекций по истории государства и права СССР» 1940 г. с грифом «на правах рукописи», а затем написанном на его основе учебнике «История государства и права СССР». На прямое цитирование трудов М. А. Дьяконова, А. Д. Любавского, В. Н. Латкина, без ссылок на их авторство, указыва-

лось в рецензиях С. А. Покровского и Б. И. Сыромятникова [15, с. 131].

С историографической точки зрения к достижениям начального этапа советского периода следует отнести следующее. Во-первых, признавалась преемственность в изучении русского права и сохранении научной традиции [16, с. 30]. Во-вторых, закреплялся в качестве единственно возможного классовый подход в оценке историко-юридического научного наследия, откуда следовал вывод, что перед революцией «история русского права стала полностью на службу русской буржуазии, она имела своей конечной целью доказать извечность капиталистического строя» [16, с. 30]. В-третьих, впервые по-новому был сформулирован предмет науки истории государства и права за счёт включения в него истории государства и права других народов СССР, что повлекло расширение территориальных и хронологических рамок, определяющих содержание предмета. В-четвёртых, были определены концептуальные подходы к структуре историко-правового знания, среди которых наиболее значимым представлялся тезис о необходимости включения в неё истории отдельных отраслей права, что расширяло предмет науки.

Важным итогом данного периода стало формирование круга исследователей, специализирующихся на изучении историко-правовой тематики. В обсуждении спорных вопросов активную профессиональную позицию заняли молодые учёные (З. М. Черниловский, И. Д. Мартысевич, С. Л. Ронин и др.), ставшие впоследствии авторами крупных монографий и учебных изданий¹¹.

С конца 1950-х гг. начинается новый этап в развитии истории государства и права, который продолжался до конца существования Советского государства. Важным направлением стала реконструкция государственно-правового развития союзных и автономных республик, отдельных народов, обладающих автономией различного уровня в составе СССР. Устойчивый интерес вызывали темы, касающиеся органов суда, прокуратуры, истории советской милиции. Постепенно исследователи стали обращаться к изучению других государственных учреждений. Предметом исследований стали все крупные акты по истории русского права как

дореволюционного, так и советского периодов. Особое внимание обращалось на акты систематизации законодательства. Расширилась география исследований. Актуализируются проблемы предмета науки истории государства и права, его отграничения от предмета других исторических и юридических наук, выбора методологии, проведения периодизации истории государства и права и её обоснования. Различные варианты решения этих вопросов задавали параметры всех иных направлений научных поисков.

Новые концептуальные подходы рассматривались на научных мероприятиях [17, с. 124–125], отражались в публикациях. Авторы одной из первых статей, посвящённых предмету истории государства и права СССР, ленинградские учёные Г. Б. Гальперин и А. И. Королёв, связали предмет науки с её задачами и местом истории государства и права СССР в системе юридических наук. Ими было предложено два понятия предмета историко-правовой науки: краткое, идеологически нейтральное [18, с. 100], и развёрнутое [18, с. 107], где отражались основные постулаты марксистского понимания исторического процесса как последовательной смены общественно-экономических формаций, в которых государство и право являются элементами надстройки, производными от материального базиса, а двигателем социального прогресса выступает классовая борьба.

Несмотря на идеологическую заданность, в это время расширяется методологический инструментарий историко-правовых исследований. Обращается внимание на единство исторического и логического в познании государства и права [19]. Вопросы периодизации истории государства и права СССР затрагиваются в большей степени в прикладном аспекте. Дискуссионность проблемы, вариативность критериев выделения периодов сохранялась на протяжении советского периода и остаётся в современной науке [20].

Накопление эмпирического материала, активизация научных исследований сделали возможным историографическое обобщение, примером чего стал коллективный труд «Советская историко-правовая наука: очерки становления и развития» [21]. Содержание книги построено по предметно-хронологическому принципу. Определены три крупных

направления: исследования по истории государства и права СССР досоветского периода; исследования по истории Советского государства и права; исследования в области всеобщей истории государства и права. Выделены периоды развития советской историко-правовой науки, идентичные применительно к каждому направлению: 1917–1936 гг.; 1937–1959 гг.; 1960–1977 гг. Изданная более 40 лет назад книга остаётся единственной работой, которая даёт цельную картину о персональном составе историков права каждого периода, опубликованных сборниках законодательства, основной тематике исследований, наиболее значимых трудах.

К крупным и успешными исследовательскими проектами позднего советского периода следует отнести два продолжающихся издания. Первое отражает процесс развития русского права на протяжении веков [22–25]. Второе – «Российское законодательство X–XX веков» [26], несмотря на своё первоочередное источниковедческое назначение, является и историографическим памятником.

Планировалось подготовить и издать фундаментальный труд, отражающий историю Советского государства и права. Центром такой работы выступил Институт государства и права Академии наук СССР. В итоге было последовательно выпущено три тома, но издание удалось довести только до 1945 г. [27–29].

Среди учёных советского периода, внёсших наибольший вклад в развитие историко-правовой науки, называют К. А. Сафроненко, А. И. Королева, О. И. Чистякова, В. М. Курицына, Е. А. Скрипилева, И. Д. Мартысевича, Ю. П. Титова и др. [30, с. 27]. Сюда же можно включить и предложившего данный перечень автора – Р. С. Мулукаева, ещё 1958 г. получившего учёную степень кандидата юридических наук и продолжающего активную научную деятельность до настоящего времени.

5. Заключение

Историография истории права и государства России складывается по мере становления историко-правовой науки и эволюционирует вместе с ней как неотъемлемая часть самостоятельной области научного знания. В её развитии прослеживается преемственная связь с общей историей России, а также между дореволюционным и совет-

ским периодами. Заметное влияние на историографический опыт оказывали процессы институционализации и дисциплинарного структурирования отечественной юридической науки. Вместе с тем существуют рельефно выраженные отличия, определяющие особый вектор развития истории права и государства России в каждом обозначенном периоде. Если в дореволюционном периоде отечественная историко-правовая наука формировалась под влиянием немецкой исторической школы права, имела вначале практико-ориентированный характер, затем развивалась в междисциплинарном поле, то в советский период в основе научного поиска лежала марксистская парадигма, научные изыскания строились на критике дореволюционного опыта, а результаты исследований согласовывались с общими идеологическими установками Советского государства. Однако доктринальные различия периодов не повлияли на широту историко-правового исследовательского диапазона, вобравшего как работы общего характера, так и труды, раскрывающие отдельные аспекты истории права и государства, а также аналитику эмпирической базы. Опыт, накопленный отечественными правоведами, настолько богат, что сегодня может стать предметом не одного научного изыскания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1908. – С. 254.

² Словарь юридический, или Свод российских узаконений по азбучному порядку с прибавлением, против напечатанного в университете трёх годов 788, 789 и 790. – Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1791. – 210 с.

³ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. // Полн. собр. соч. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1857. – Т. 1. – С. 116–126.

⁴ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. // Полн. собр. соч. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1857. – Т. 2. – 513 с.

⁵ Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. – СПб. : Тип. Академии наук, 1853. – 110 с.

⁶ Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1880. – С. 13–25.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России / под ред. Т. Е. Ем. – М. : Статут,

2003. – 250 с. ; *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 542 с.

⁸ См., например: *Леонтович Ф. И.* История русского права. – Одесса : Гор. тип. Сод. Алексомати, 1869. – 153 с. ; *Михайлов М. М.* История русского права. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1871. – 344 с. ; *Самоковасов Д. Я.* История русского права. – М. : Тип. Императ. Моск. ун-та, 1908. – 616 с. ; *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. – М. : Тип.-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. – 730 с. ; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – 672 с. ; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов н/Д. : Феникс, 1995. – 639 с. ; *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. – СПб. : Тип. Я. И. Либермана, 1888. – 372 с. ; *Ясинский М. Н.* Лекции по внешней истории русского права.

Вып. 1. – Киев : Тип. Императ. ун-та Св. Владимира, 1898. – 162 с. ; *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Т. 1. – Казань : Тип. Императ. ун-та, 1899. – 515 с. ; *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. Ч. I. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. – 796 с.

⁹ См., например: *Васильева И. В.* Извлечение из истории уголовного законодательства в России. О смертной казни // Вестник Европы. – 1823. – № 9. – Май. – С. 3–14 ; *Коровецкий А.* Историческое обозрение российского гражданского и уголовного права // Сын отечества и Северный архив. – 1829. – Т. 8, № 48. – С. 103.

¹⁰ Подробнее см.: *Загоскин Н. П.* История русского права. Ея вспомогательные знания, источники и литература. – Казань : Тип. Н. А. Ильяшенко, 1891. – 527 с.

¹¹ Спорные вопросы истории государства и права // Советское государство и право. – 1949. – № 2. – С. 61–63.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сахаров А. М.* Методология истории и историография. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 214 с.
2. *Долгова Е. А.* Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. – М. : РГГУ, 2020. – 469 с.
3. *Кожевина М. А.* Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. – Омск : Ом. акад. МВД России, 2013. – 198 с.
4. «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII – XX в.) / под ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – 160 с.
5. Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В. М. Сырых. – М. : Юрист, 2009– . – Т. 1: XI – начало XX в. – 2009. – 918 с.
6. Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В. М. Сырых. – М. : Юрист, 2009– . – Т. 2: (1917–1964 гг.). – 2011. – 973 с.
7. Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В. М. Сырых. – М. : Юрист, 2009– . – Т. 3: (1965 – 1 января 2011 г.). – 2015. – 1055 с.
8. Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В. М. Сырых. – М. : Юрист, 2009– . – Т. 4: (1965 – 1 января 2011 г.). – 2015. – 942 с.
9. *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества : в 2 т. – М. : Зерцало, 2007. – Т. 1. – 672 с.
10. *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества : в 2 т. – М. : Зерцало, 2007. – Т. 2. – 672 с.
11. *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. – М. : Зерцало, 2010. – 216 с.
12. *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой половине XIX века. – М. : Зерцало, 2010. – 280 с.
13. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 640 с.
14. *Кривенький А. И.* Развитие концептуальных основ учебной дисциплины «История государства и права России» (на примере трудов профессора С. В. Юшкова) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2012. – № 1. – С. 32–43.
15. *Киселёв М. А.* Конфликты советских историков права из-за плагиата в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 3. – С. 124–133. – DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-124-133.
16. *Юшков С. В.* Развитие науки истории государства и права СССР за тридцать лет // V научная конференция, посвященная тридцатилетию советского государства и права. – М. : РИО ВЮА, 1947. – С. 30–32.
17. *Сафронова И. П.* Совещание по вопросам истории государства и права СССР // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 124–125.
18. *Гальперин Г. Б., Королёв А. И.* О предмете науки истории государства и права СССР // Правоведение. – 1960. – № 4. – С. 100–112.

19. Историческое и логическое в познании государства и права / под ред. А. И. Королёва. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 152 с.
20. Ящук Т. Ф. Круглый стол «Периодизация истории государства и права» // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 3. – С. 182–190.
21. Советская историко-правовая наука: очерки становления и развития / отв. ред. В. М. Курицын. – М. : Наука, 1978. – 352 с.
22. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М. : Наука, 1986. – 287 с.
23. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1992. – 307 с.
24. Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1994. – 314 с.
25. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1997. – 364 с.
26. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1984.
27. История Советского государства и права : в 3 кн. Кн. 1. Становление Советского государства и права (1917–1920 гг.) / отв. ред. А. П. Косицын. – М. : Наука, 1968. – 607 с.
28. История Советского государства и права : в 3 кн. Кн. 2. Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.) / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1968. – 622 с.
29. История Советского государства и права : в 3 кн. Кн. 3. Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.) / отв. ред. А. П. Косицын. – М. : Наука, 1985. – 358 с.
30. Мулукаев Р. С. К вопросу о методологии отечественного государства и права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 26–29.

Информация об авторах

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства

Омская академия МВД России

Адрес для корреспонденции: 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

SPIN-код: 8958-6795, Author ID: 682964

Ящук Татьяна Фёдоровна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: yashukomsu@mail.ru

SPIN-код: 5320-8909, Author ID: 490627

Информация о статье

Дата поступления – 22 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Историография истории права и государства России: дореволюционный и советский периоды // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 5–15. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15.

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF LAW AND THE STATE OF RUSSIA: PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIODS

M. A. Kozhevina¹, T. F. Yashchuk²

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The historiographic experience of studying the history of law and the state of Russia was not the subject of independent scientific analysis. Certain aspects were touched upon in the prefaces to the reprints of classical scientific works, publications of a biographical nature, in the literature reviews preceding the

main part of the works. In modern humanities, there is an increasing interest in the scientific problems of the genesis and evolution of individual disciplines. The history of law and the state of Russia is a part of legal and historical knowledge and requires substantive consideration. **Purpose.** The goal is to determine the main conceptual approaches that have formed and developed within the framework of historical and legal science during the pre-revolutionary and Soviet periods. **Methodology.** The methodology is represented by a number of methods. The chronological method and the method of periodization were used to build the sequence of the historiographic process. The historical-comparative method in the diachronic version made it possible to compare the content of the pre-revolutionary and Soviet periods in the historiography of the issue, to reveal the features of each period. The institutional method showed the process of delimiting the history of law and the state of Russia from other scientific disciplines. The method of hermeneutics was necessary for the textual analysis of works of legal and historical content. **Results.** The process of institutionalization of the history of law and state of Russia is shown. As a result, this led to the emergence of its own historiography within its framework. The main research directions are systematized; the factors that influenced the development of historical and legal science in the pre-revolutionary and Soviet periods are identified; a circle of scholars dealing with historical and legal problems has been established; the most significant publications are indicated. **Conclusion.** Two periods of the historiography of the history of law and the state of Russia are highlighted and characterized. The basis for the study of the next modern period is being created.

Keywords: history of law and state; legal science; historiography; methodology; history of science.

Acknowledgments. The Research was supported by the RFBR, project no. 20-011-00523 "Evolution of the science of the history of law and state in Russia in the XVIII – XX centuries".

REFERENCES

1. Sakharov A.M. *Methodology of history and historiography*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1981. 214 p. (In Russ.).
2. Dolgova E.A. *The birth of Soviet science: scientists in the 1920s – 1930s*. Moscow, RGGU Publ., 2020. 469 p. (In Russ.).
3. Kozhevina M.A. *Formation and development of domestic legal science in the XVIII – XIX centuries*. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 198 p. (In Russ.).
4. Zakharov V.V., Zipunnikova N.N. (eds.). *"To study jurisprudence as art is right". Essays on the history of legal education in Russia (late XVII – XX centuries)*. Kursk, Publishing House of Kursk State University, 2008. 160 p. (In Russ.).
5. Syrykh V.M. (ed.). *Legal science and legal ideology of Russia: an encyclopedic dictionary of biographies*. Moscow, Yurist Publ., 2009. Book 1: XI – early XX century. 918 p. (In Russ.).
6. Syrykh V.M. (ed.). *Legal science and legal ideology of Russia: an encyclopedic dictionary of biographies*. Moscow, Yurist Publ., 2011. Book 2: (1917-1964). 973 p. (In Russ.).
7. Syrykh V.M. (ed.). *Legal science and legal ideology of Russia: an encyclopedic dictionary of biographies*. Moscow, Yurist Publ., 2015. Book 3: (1965 – January 1, 2011). 1055 p. (In Russ.).
8. Syrykh V.M. (ed.). *Legal science and legal ideology of Russia: an encyclopedic dictionary of biographies*. Moscow, Yurist Publ., 2015. Book 4: (1965 – January 1, 2011). 942 p. (In Russ.).
9. Tomsinov V.A. *Russian jurists of the 18th – 20th centuries. Essays on life and work*, in 2 volumes. Moscow, Zertsalo Publ., 2007. Vol. 1. 672 p. (In Russ.).
10. Tomsinov V.A. *Russian jurists of the 18th – 20th centuries. Essays on life and work*, in 2 volumes. Moscow, Zertsalo Publ., 2007. Vol. 2. 672 p. (In Russ.).
11. Tomsinov V.A. *Legal education and jurisprudence in Russia in the 18th century*. Moscow, Zertsalo Publ., 2010. 216 p. (In Russ.).
12. Tomsinov V.A. *Legal education and jurisprudence in Russia in the first half of the 19th century*. Moscow, Zertsalo Publ., 2010. 280 p. (In Russ.).
13. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Review of Russian Legal History*. Rostov-on-Don, Feniks, 2005. 640 p. (In Russ.).
14. Krivenkiy A.I. Development of the conceptual foundations of the academic discipline "History of State and Law of Russia" (on the example of the works by the professor S.V. Yushkov). *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Yuridicheskiye nauki" = Vestnik of Moscow City University. Series "Legal Sciences"*, 2012, no. 1, pp. 32-43. (In Russ.).
15. Kiselev M.A. Conflicts of Soviet legal historians due to plagiarism in the mid-1930s – early 1940s. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, 2020, no. 3, pp. 124-133. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-124-133. (In Russ.).
16. Yushkov S.V. Development of science of history of state and law of the USSR for thirty years, in: *V scientific conference dedicated to the thirtieth anniversary of the Soviet state and law*. Moscow, Military Law Academy Publ., 1947, pp. 30-32. (In Russ.).

17. Safronova I.P. Meeting on the history of the state and law of the USSR. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *Soviet State and Law*, 1958, no. 12, pp. 124-125. (In Russ.).
18. Galperin G.B., Korolev A.I. On the subject of science of history of state and law of the USSR. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *Soviet State and Law*, 1960, no. 4, pp. 100-112. (In Russ.).
19. Korolev A.I. *Historical and logical in the knowledge of state and law*. Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 1988. 152 p. (In Russ.).
20. Yashchuk T.F. Round table "Periodization of the history of state and law". *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* = *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2011, no. 3, pp. 182-190. (In Russ.).
21. Kurizyn V.M. (ed.). *Soviet historical and legal science: essays on the formation and development*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 352 p. (In Russ.).
22. Nersesyants V.S. (ed.). *Development of Russian law in the XV – first half of the XVII century*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 287 p. (In Russ.).
23. Skripilev E.A. (ed.). *Development of Russian law in the second half of the XVII-XVIII centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 307 p. (In Russ.).
24. Skripilev E.A. (ed.). *The development of Russian law in the first half of the XIX century*. Moscow, Nauka Publ., 1994. 314 p. (In Russ.).
25. Skripilev E.A. (ed.). *The development of Russian law in the second half of the XIX – early XX century*. Moscow, Nauka Publ., 1997. 364 p. (In Russ.).
26. Chistyakov O.T. (ed.). *Russian legislation in the 10th – 20th centuries*, in 9 volumes. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. (In Russ.).
27. Kositsyn A.P. (ed.). *History of the Soviet state and law*, in 3 volumes. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1: Formation of the Soviet state and law (1917-1920). 607 p. (In Russ.).
28. Skripilev E.A. (ed.). *History of the Soviet state and law*, in 3 volumes. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 2: Soviet state and law during the construction of socialism (1921-1935). 622 p. (In Russ.).
29. Kositsyn A.P. (ed.). *History of the Soviet state and law*, in 3 volumes. Moscow, Nauka Publ., 1985. Vol. 3: Soviet state and law on the eve and during the Great Patriotic War (1936-1945). 358 p. (In Russ.).
30. Mulukaev R.S. On the question of the methodology of the domestic state and law. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the South Ural State University*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 26-29. (In Russ.).

About the authors

Kozhevina Marina – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor at the Department of Theory and History of Law and State

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Postal address: 7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

SPIN-code: 8958-6795, Author ID: 682964

Yashchuk Tatyana – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor at the Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: yashukomsu@mail.ru

SPIN-code: 5320-8909, Author ID: 490627

Article info

Received – September 22, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Kozhevina M. A., Yashchuk T. F. Historiography of the History of Law and the State of Russia: Pre-Revolutionary and Soviet Periods. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* = *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 5-15. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15. (In Russ.).

УДК 351.87

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).16-24

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ПРАВОСУДИЯ В ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 1930-е гг.*

А. Я. Козинцев

Северо-Западный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия

Введение. В публикации раскрывается история организации советских органов юстиции в национальных районах Западной Сибири в 1930-е гг. На примере деятельности судебных работников показана государственная политика по организации новых судов в изолированном регионе России. **Цель.** Целью статьи является выявление особенностей организации органов советской юстиции в труднодоступных районах севера Западной Сибири. **Методология.** Основные методы, использованные в исследовании, включают исторический подход, системно-структурный метод и метод сравнительного анализа. **Результаты.** С 1931 г. в северных районах Уральской, а затем Омской областей формируются окружные органы юстиции. Органы окружного правосудия подчиняли себе народных судей, нотариусов и судебных исполнителей. Они выполняли роль главного регионального органа юстиции в условиях отдалённости от областных судов. Перед ними стояла задача по улучшению кадрового состава правоохранительных органов региона. Выполнить эту задачу они не смогли по объективным причинам. Большинство работников юстиции составляли молодые коммунисты и комсомольцы, выдвинувшиеся в 1920-е гг. Низкий уровень компетентности они пытались компенсировать за счёт энергичной деятельности. Однако чистки и репрессии не позволяли им длительное время удерживаться на своих рабочих местах. Выдвиженцы часто вызывали раздражение у местных органов власти из-за своих попыток следовать закону. Репрессии, низкая оплата труда, тяжёлые природные условия выталкивали судебных работников из системы и из региона. **Заключение.** Изучение истории организационных «пертурбаций» на севере Западной Сибири позволяет выявить общие тенденции в кадровой политике Советского государства в труднодоступных регионах России в XX в.

Ключевые слова: Уральский областной суд; Обь-Иртышский областной суд; Омский областной суд; Остяко-Вогульский окружной суд; коренизация; народный суд.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РРФИ и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в рамках научного проекта № 18-49-860012.

1. Введение

Советское правосудие всегда было важным элементом государственного аппарата. Региональные органы советской юстиции соответствовали общероссийской структуре. В то же время в отдалённых регионах РСФСР формирование этих учреждений было чрезвычайно затруднено. Не хватало кадров, даже малограмотных. Трудно было проконтролировать, что происходит на окраинах государства.

В публикации раскрывается история организации советских органов юстиции в национальных районах Западной Сибири в 1930-е гг. На примере деятельности судебных работников показана государственная поли-

тика по организации новых судов в изолированном регионе России. Целью статьи является выявление особенностей организации органов советской юстиции в труднодоступных районах севера Западной Сибири.

Историография исследования включает тысячи работ. Упомянем только некоторые, наиболее важные публикации. В советский период применительно к указанному региону можно выделить общие работы. Это, например, подробное и до сих пор не превзойдённое исследование М. В. Кожевникова по истории советского суда [1; 2]. В 1990–2000-е гг. интерес к истории органов советской юстиции существенно вырос, что было связано с рас-

* Автор выражает глубокую признательность РРФИ и Департаменту образования и науки ХМАО-Югры за финансирование исследования.

секречиванием архивов и снятием идеологических ограничений. Среди общих работ по истории советского судоустройства можно выделить исследования И. Л. Лезова [3].

В последнее десятилетие вышла серия новых исследований, углубляющих и расширяющих наше представление о советском судоустройстве в сталинские годы. Кадровая проблема стала активно разрабатываться в последние годы. Вышли публикации М. И. Мумлевой и Д. С. Севрюкова, раскрывшие особенности кадровой политики в судебной системе РСФСР [4; 5].

В том числе вышли исследования автора по истории органов юстиции севера Западной Сибири [6–9]. Выполнено несколько исследований по истории юстиции Зауралья. Например, по материалам южной части Тюменской области И. К. Шабанова выполнила работу, посвящённую истории судов в 1918–1938 гг. [10], Л. В. Алексеева описала общую организацию государственных органов в округе [11]. В 2007 г. вышло издание «На весах Фемиды». Юбилейное издание, посвящённое всем судам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО), содержит обширные исторические справки по отдельным народным судам и массу нарративного материала по организации и судебной деятельности в советский период [12]. Вышла серия интересных работ по советскому правосудию в Сибири в 1920-е гг. [13–18].

На Западе сложилась группа исследователей, занимающихся историей советской юстиции, главное достоинство которых заключается в независимом подходе к анализу советской юриспруденции. Будучи ограниченными небольшим объёмом доступного материала, они проработали его целиком. Среди основных исследователей можно выделить Герольда Бермана, Питера Джуливера, Самуэля Кучерова, Питера Соломона, Джерарда Ван дер Берга [19–25].

2. Методология

Основные методы, использованные в исследовании, включают исторический подход, системно-структурный метод и метод сравнительного анализа.

3. Организация окружных органов юстиции в 1-й половине 1930-х гг.

В 1930 г. советские и партийные органы активно обсуждали вопрос о создании на-

циональных округов в районах Севера. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК постановил: «Образовать на территории расселения малых народностей Севера... Остяко-Вогульский национальный округ (окружной центр Самарово), районы Берёзовский, Кондинский, Лариакский, Самаровский, Сургутский и Шурышкарский». Все районы до принятия этого постановления входили в состав Уральской области. Ларьякский район (будущий Нижневартовский) был передан из Западно-Сибирского края. В 1934 г. была сформирована Обь-Иртышская область (с центром в Тюмени), в состав которой вошли два национальных округа, Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий). В том же году Обь-Иртышская область вошла в состав Омской области. В 1937 г. Шурышкарский район был выделен из состава округа и передан в Ямало-Ненецкий округ. В том же году был сформирован новый, Микояновский район. Округ приобрёл современные очертания.

Образование округов проходило в условиях нехватки управленческих кадров. Государство не раз обязывало органы власти укомплектовать штатный состав учреждений северных округов. Предпринимались попытки провести коренизацию аппарата Севера (укомплектовать органы власти местными жителями). Но существенных результатов она не принесла. С момента организации округа в его аппарате доминировали представители европейских народов. В Остяко-Вогульском округе не было ни одного города. Старинные города Сургут и Берёзово были переименованы в рабочие посёлки. На севере Самаровского урмана возник новый посёлок Остяко-Вогульск. При этом формально ещё более года два национальных округа входили в состав Тобольского округа. Наконец 7 января 1932 г. постановлением ВЦИК Тобольский округ был упразднён и границы округов определены. В 1931 г. в округе была создана окружная прокуратура, окружной суд.

10 июня 1931 г. президиум Уральского областного суда (УОС) принял решение о реорганизации судебных органов на Тобольском Севере. Теперь народный суд вводился в каждом районе¹. Постепенно количество судебных органов в округе возрастало, но, по мнению ОГПУ, недостаточно быстро. Большое число быстрорастущих спецпосёлков

было плохо обеспечено судебной помощью. Дела разбирались медленно. Дела затягивались настолько, что прекращались за давностью. Начальник отдела спецпоселений ОГПУ А. Черемных и начальник ГУЛАГа Берман неоднократно просили УОС открыть народные суды в четырёх крупнейших спецпосёлках. Однако УОС неоднократно давал отказ².

В 1934 г. при выделении Обь-Иртышской области был создан Обь-Иртышский областной суд. В конце 1934 г. при создании новой области был создан Омский областной суд. Окружные суды северных округов подчинялись областным судам³.

Президиум Остяко-Вогульского исполкома внимательно следил за низовой системой юстиции. Например, 25 мая 1932 г. президиум рассмотрел вопрос о перевыборах народных заседателей и сельсудов. Было избрано 390 заседателей, туземцев 212 человек (54 %). В том числе избрано 145 женщин (37 %). Из 212 туземцев 74 были нацменками. Бедняки и колхозники составляли 75 %. Президиум Остяко-Вогульского окружного совета формально избирал народных судей. Причём представлял их не председатель областного суда (Уральского или Омского), а председатель окружного суда⁴. Неграмотных крестьян и охотников привлекали в основном в качестве второстепенных персонажей в системе юстиции. В 1936 г. было избрано 768 народных заседателей, в том числе 228 хантов и 71 манси⁵.

В 1935 г. народные суды округа и Омской области в целом подверглись энергичному давлению с требованием усилить общественно-правовую работу. Исполняя это требование, народные судьи проводили инструктажи и обследования туземных и сельских судов. Организовывали соцсоревнования между органами юстиции. Например, в 1935 г. 1-й участок Самаровского района и Берёзовский суд заключили между собой договор, который предусматривал ряд пунктов, в настоящее время выглядящих как насмешка. Суды обязывались соревноваться в том, что обязаны были делать в любом случае (например, привести все дела в порядок, рассматривать дела в хронологическом порядке, дела рассматривать своевременно, проводить правовые беседы и пр.).

Большинство судей к участию в социалистическом соревновании подходили формально. Но имелись и другие примеры. Судья Коскина, единственная в округе, организовала соцсоревнование между Сургутским и Ларьякским нарсудами «на лучшую постановку работы нарсуда». Она привела нарсуд «в культурный вид», добилась снижения остатков дел, раздавала сельсоветам указания по исполнительному производству, регулярно печатала статьи в газетах. Коскина организовала конкурс на лучшего секретаря суда и т. д. Окружной суд обязал судей немедленно организовать общественную работу под угрозой принятия жёстких мер⁶.

С самого начала на окружной суд возлагались функции по управлению органами юстиции округа. В 1935 г. Остяко-Вогульский окружной суд (ОВОС) во 2-м полугодии обследовал четыре нарсуда. Все народные судьи прошли практику в окрсуде. В окрсуд постоянно направляли практикантов из числа коренных малочисленных народов Севера, но удержаться в системе юстиции они не смогли⁷. Связь с Большой землёй была минимальна. Председатели северных окружных судов были вынуждены посылать почту в Свердловск на самолёте. Кризис управления был глубоким. Например, с 22 июня 1936 г. по 19 сентября 1937 г. Верховный Суд СССР и Наркомат юстиции (НКЮ) СССР направили 12 запросов в Омский облсуд с требованием добиться исполнения по исполнительному листу в пользу гр-ки Худяковой. Но не получили ни одного ответа⁸.

Окрсуд располагался в здании Дома советов Ханты-Мансийска. Само здание просуществовало в городе до 90-х гг. XX в. и было снесено в 1997 г. Окружной суд и в 1940 г. не имел своего помещения, занимал три комнаты в Доме советов. Одну комнату занимал председатель (23,4 м²), во второй комнате (34,56 м²) располагалась общая канцелярия, нотариальная контора, зал судебных заседаний, третью (30,2 м²) занимали члены окрсуда⁹.

В Кондино в кабинете суда располагалась совещательная комната и райпрокурор вместе со следователем, а также судебный исполнитель¹⁰. В конце 1930-х гг. Микояновский суд находился в здании коммунального отдела райсовета – 54,4 м² и включал зал судебных заседаний, комнату судьи, канцеля-

рию. В канцелярии располагались нотариус, адвокат, судoisполнитель и секретарь канцелярии. Не было комнаты для свидетелей, камеры для вещественных доказательств и для архива. В итоге судья Лыбин оборудовал необходимые помещения за свой счёт. Здание суда много лет не имело необходимой мебели. Не хватало лошади (отдалённые пункты находились на расстоянии 450 километров от райцентра)¹¹.

Первые годы на весь округ оставался только один судебный исполнитель, при Самаровском райнарсуде. Исполнение по-прежнему производили сельсоветы. Исполнительные листы лежали годами. В 1935 г. только в Нахрачинском сельсовете лежало исполнительных листов на 54 379 рублей, в Болчаровском сельсовете – на 18 458 рублей. Окрсуд добивался введения исполнителей во всех районах. С 1937 г. судебные исполнители появляются в крупнейших пунктах округа. Об их деятельности ничего не известно, кроме фамилий. Не велись отчёты, не осуществлялось руководство¹².

4. Кадровая политика государства

В 1930-е гг. на севере Урала продолжалось хаотическое перемещение должностных лиц. Государство стремилось удержать сотрудников. С этой целью 10 мая 1932 г. вышло Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР. Все работники, работающие на Севере, были разделены на две категории.

1-я категория имела повышенные льготы (большие отпуска и пр.). В том числе к 1-й группе были отнесены все судьи, прокуроры и их помощники, народные следователи и нотариусы. По просьбе наркома юстиции СССР 15 ноября 1939 г. СНК РСФСР принял Постановление № 649, распространившее эти льготы и на судебных исполнителей¹³.

В 1931 г. при организации округа аппарат судов был укомплектован на 80 %. Постепенно были укомплектованы все органы юстиции. Тем не менее кадровый состав оставался крайне неудовлетворительным. Комитет Севера РСФСР пытался провести коренизацию аппарата управления. Планировалось довести долю коренных малочисленных народов Севера в 1933 г. в окружных и районных органах власти до 40 %. В органах юстиции они достигли немногого. В 1936 г.

следователем работал хант Сергей Константинович Хватов, должности народных судей занимали Пётр Никифорович Лелин и Семён Николаевич Чучелин, а членом окрсуда был Алексей Афанасьевич Кутмаров¹⁴.

В 1932 г. первым председателем ОВОС стал Зудов, после него – Ольга Сергеевна Волина (1934–1935). Должности членов окрсуда были систематически не замещены. Уровень юридической квалификации многих судей оставался низким. Их биографии свидетельствуют об отсутствии серьёзной профессиональной подготовки. Например, хант Семён Николаевич Чучелин родился в 1914 г. в юртах Чучелинские Сургутского уезда в семье рыболовов. Юного рыбака мобилизовали в ВЛКСМ, а затем направили в школу туземного актива советского строительства (Берёзово), где, как он писал в анкете, получил специальность «рабочий советского строительства». Затем Чучелин 6 месяцев проучился в Свердловской правовой школе, где получил специальность «народный судья». В июле 1934 г. 20-летний хант стал народным судьёй Шурышкарского района¹⁵.

Судья Николай Степанович Спасенников, 1906 г. рождения (Уватский район Тобольского уезда), окончив 3-классную сельскую школу, длительное время трудился в хозяйстве своего отца. С 1930 г. работал продавцом, секретарём сельсовета, секретарём Самаровского нарсуда. С 1932 по 1937 г. работал народным судьёй Ларьякского района. В 1937 г. Спасенников принял какое-то неудачное судебное решение и в октябре 1937 г. был исключён из партии «за защиту жулика, как за антипартийный поступок и притупление бдительности и невыдержанность». Тут же он превратился в безработного. В марте 1938 г. Спасенникова восстановили в партии и он устроился на работу счетоводом. Вскоре он вернулся на должность судьи сначала в Кондинский, а затем в Самаровский район (1-й, а затем 3-й участок). Основной проблемой судьи было его чрезмерное увлечение женщинами. Он часто женился и имел много любовниц. Его похождения были предметом частых обсуждений на партсобраниях. Спасенников неоднократно каялся и продолжал грешить. В 1939 г. на короткий срок Самаровский райком отстранил Спасенникова от должности. После многочисленных жалоб

обманутых женщин в январе 1940 г. Спасенников был исключён из партии, но повторно восстановлен в ней окружным комитетом партии. Тем не менее в феврале 1940 г. его сняли с должности нарсудьи. Спасенников отправился заведовать рыболовным пунктом в юрте Вершина. Позже он работал председателем национального совета села Вершина, заместителем председателя Самаровского райсовета. В апреле 1945 г. с него сняли партвысказание 1940 г. Как мы увидим ниже, Спасенников вернулся в юстицию и продолжал занимать различные должности¹⁶.

Народная судья Мария Петровна Какшина родилась в крестьянской семье. Получила 2-классное приходское образование. После 1917 г., покинув отца, Какшина работала воспитательницей детского сада, библиотекарем, чернорабочей и была вовлечена в комсомольское движение. В 1930 г. мобилизована на советскую работу. В 1931 г. вступила в партию и была направлена в народные судьи, «перемещалась» на север из Чернаковского района в Самаровский, а затем в Шурышкарский. Неоднократно получала партийные выговоры.

11 февраля 1933 г. Какшина была исключена из партии как «перерожденка» за связь с кулаками, принятие на работу уволенного за прогул и как политически неграмотная. Накануне Какшина «допустила политическую ошибку» – купила на убой трёх нетелей. Судья вступила в длительный конфликт с райкомом партии. Основное обвинение против судьи сводилось к тому, что она якобы не разбирала кулацкие дела, не проводила публичные процессы, проживала у кулаков. Какшина подала апелляцию в окружную контрольную комиссию.

В борьбе с райкомом прошёл год. Наконец 25 февраля 1934 г. состоялось заседание районной контрольной комиссии с участием представителя окружной контрольной комиссии. Оказалось, что все обвинения против Какшиной были ложными. Она была признана всего лишь политически неграмотной, не понимающей партийных установок. Решение об её исключении из партии было отменено, но Какшина была понижена до кандидата. В конечном счёте примириться с райкомом у неё не было возможности, и в 1935 г. она покинула район¹⁷.

В 1935 г. новым председателем ОВОС стал Николай Иванович Максимов, членами суда – Алексей Афанасьевич Кутмаров (направлен в органы юстиции в 1932 г.) и Василий Семёнович Савиновский. Кроме того, работали, народный судья 1-го участка Самаровского района Фёдор Анатольевич Тарасов (арестован в 1937 г. как враг народа), судья 2-го участка Самарово М. П. Какшина (1904 г. р.), Берёзовского района А. М. Сухарев (1905 г. р.), Сургутского района А. Коскина (1899 г. р.), Ларьякского района Н. С. Спасенников (1906 г. р.), Кондинского района Т. П. Самолапов (1900 г. р.), 2-го участка Берёзовского района Лаврентьев, Шурышкарского района С. Н. Чучелин (1914 г. р.). То есть и в 1930-е гг. сохранялась традиция мобилизации молодых малограмотных комсомольцев. Средний возраст народного судьи составлял 25 лет¹⁸.

В 1937–1938 гг. работники судебных и прокурорских органов округа подверглись частичным репрессиям или массово увольнялись.

А. Коскина трудилась шитницей на кожевенных заводах и мастерских Тобольска. В 1920 г. вступила в партию, и практически сразу её направили на рабфак Томского университета. Несколько лет Коскина проработала заведующей детским домом в Тобольске, инструктором окружного отдела народного образования. В 1928 г. партия направила Анну Ивановну на работу в юстицию, которой она посвятила более 30 лет своей жизни. Окончив Пермские областные юридические курсы, Анна Ивановна работала народным судьёй Байкаловского района, Чернаковского района, Сургутского района. В характеристиках указывались только положительные черты. «Политически и юридически развита достаточно». В 1936–1938 гг. она была членом ОВОС и в течение 9 месяцев (1937–1938) исполняла обязанности председателя окружного суда. В 1928 г. вступила в брак с Павлом Петровичем Усковым из старинного казачьего рода. В 1937 г. муж был арестован (его отец был полицейским приставом), а Ускова была исключена из партии и вернула себе девичью фамилию. На Коскину неоднократно поступали рапорты из окружного отдела НКВД о её якобы «нелюбви» к органам внутренних дел. 4 июня 1938 г. она была уволена

из суда и несколько месяцев ожидала ареста. Муж был оправдан, Большой террор закончился, но скомпрометированного работника решили не возвращать на прежнюю должность и назначили нотариусом. В партии восстановили. Должность нотариуса она занимала до 1959 г.¹⁹

В 1937–1938 гг. органы юстиции округа были погружены в дразги, которые сопровождались доносами и арестами. В делах царил полный хаос. Новые судьи писали жалобы на старых.

Старожилом остяко-вогульской юстиции мог считаться Сухарев. Родился «патриарх» югорской юстиции в 1905 г. в Тобольске в семье плотника. Учился в школе и подрабатывал кровельщиком. Этой профессией Сухарев занимался до 1922 г. Одновременно подрабатывал рассыльным и кочегаром. Пройдя практику, он работал счетоводом в разных сёлах округа. С 1923 г. проживал на северо-востоке округа в сёлах Нижневартовское и Александровское. И там он менял работу каждый год: делопроизводитель нарсуда, милиционер, счетовод. В 1928–1930 гг. Сухарев был секретарём Обдорского нарсуда, секретарём Абалакского нарсуда, судебным исполнителем Тобольского округа. Наконец с 1930 по 1939 гг. Сухарев работал народным судьёй Берёзово (с перерывом в 1932 г.). В 1937 г. вступил в партию. С января 1939 г. Сухарев стал заместителем председателя ОВОС²⁰.

По тем или иным причинам Сухарев часто предпочитал решать конфликты через органы юстиции и партийные органы, не отставиваясь ни перед чем. Например, у него разгорелся конфликт с районным прокурором Берёзово – Лаптевым – в 1935–1936 гг. Сухарев добивался рассмотрения дела на «пьяниц» Лаптева и Лаврентьева (нарсудья 2-го участка Берёзовского района) на партколлегии Омской области. В конце концов рассмотрение не состоялось, а окружком спешно перевёл Лаптева и Лаврентьева на другое место работы. Работая народным судьёй Берёзовского района, Сухарев в марте 1939 г. написал донос на прокурора района Тандалова. Якобы постоянно пьянствующий прокурор арестовал судебного исполнителя Панкратова, с которым у него сложились личные неприязненные отношения. Прокурор разгла-

шал тайну следствия и совершал прочие аморальные действия. Тандалов лишился работы. Когда Сухарев стал ревизором УНКЮ Омской области в ХМАО (в 1940 г.), т. е. фактически руководителем всех народных судов округа, он начал проводить жесточайшие ревизии, подвергая судей пристрастному анализу и критике²¹.

Неоднократно коллеги стремились сместить, переместить, уволить Сухарева. Но Сухарев считался опытным работником и сохранил судебную должность.

5. Заключение

Органы юстиции Остяко-Вогульского национального округа формировались в условиях потрясений, охвативших страну в 1930-е гг. Структура органов юстиции северных округов РСФСР была типовой. Окружная юстиция подчинялась областной. Окружные органы правосудия осуществляли управление местной юстицией. Также они выполняли роль органа политической юстиции.

Кадровый состав судебных органов оставался по-прежнему неудовлетворительным. Большинство судебных работников были в возрасте до 30 лет, являлись активными членами партии или комсомола. Чистки, репрессии, низкая оплата труда, тяжёлые природные условия выталкивали молодых судей из северных регионов. Те, кто оставался, имели возможность сделать стремительную карьеру в пределах своего региона.

Дальнейшее изучение вопроса позволит понять, какую роль в системе юстиции северных регионов России играли прокуратура, адвокатура и другие органы юстиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 2. Д. 2. Л. 209.

² ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 542. Л. 33–38.

³ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 3. Д. 3. Л. 5.

⁴ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГА ХМАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 32а. Л. 50.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 6. Л. 95.

⁶ ГА ХМАО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–88.

⁷ ГА ХМАО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 19. Л. 158.

⁹ ГА ХМАО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29. Л. 38.

¹⁰ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 624.

- ¹¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 551. Л. 1–15.
- ¹² ГА ХМАО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.
- ¹³ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 37. Д. 379. Л. 3, 5, 6, 13, 14.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 6. Л. 95–96 ; Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 150. Л. 12.
- ¹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 2. Д. 133. Л. 1–5.
- ¹⁶ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 2. Д. 545. Л. 1–4 ; Оп. 4. Д. 303. Л. 1–7.
- ¹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 4. Д. 150. Л. 6–33.
- ¹⁸ ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 259. Л. 11.
- ¹⁹ Архив Управления Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области. Д. 867 ; ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 2. Д. 426. Л. 1–7.
- ²⁰ ИАОО. Ф. 17. Оп. 41. Д. 733. Л. 2–16.
- ²¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 452. Л. 26 ; ИАОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 81. Л. 30–34.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козевников М. В. История советского суда. (1917–1947). – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 376 с.
2. Козевников М. В. История советского суда. (1917–1956). – М. : Госюриздат, 1957. – 383 с.
3. Лезов И. Л. Развитие советской судебной системы (1922–1940). – М. : Всерос. акад. внешней торговли, 2007. – 140 с.
4. Мумлева М. И. К вопросу о правовом положении народных судей СССР в период формирования административно-командной системы // Право. Законодательство. Личность. – 2011. – № 1. – С. 145–148.
5. Севрюков Д. С. Правовое регулирование прекращения полномочий судей судов общей юрисдикции в 1917–1938 гг. // Право и политика. – 2013. – № 5 (161). – С. 684–690.
6. Козинцев А. Я. Нотариат Югры: из прошлого в будущее. – Н. Новгород : Дятловы горы, 2015. – 320 с.
7. Козинцев А. Я. Коррупционные преступления советских судей в 40-е годы XX века // Российский судья. – 2017. – № 6. – С. 54–58.
8. Kodintsev A. Ya., Shkarevsky D. N. Soviet Medieval Justice // Russian law: theory and practice. – 2018. – № 2. – Р. 127–136.
9. Козинцев А. Я. Современная историография советского судоустройства в 1930–1950-е годы // Российский судья. – 2020. – № 1. – С. 59–64.
10. Шабанова И. К. Особенности кадровой политики органов юстиции и судопроизводства в Тюменском крае в условиях формирования тоталитаризма // Омский научный вестник. – 2008. – № 5. – С. 14–17.
11. Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.). – Ханты-Мансийск : Нижневарт. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 193 с.
12. На весах Фемиды (посвящается 75-летию судебной системы Югры). – Можайск : Зауралье, 2007. – 208 с.
13. Исаев В. И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920-е – 1930-е гг. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2014. – 280 с.
14. Судебные органы Сибири в 1920-е – 1930-е годы : сб. док. – Новосибирск : Параллель, 2013. – 275 с.
15. Михеев Д. Ю. Суды Сибири в 1928–1938 гг. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. воен. ин-та ВВ МВД России, 2015. – 124 с.
16. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М. : РОССПЭН, 2012. – 440 с. – (История сталинизма).
17. Папков С. А. Страница истории советской юстиции. Прокуроры и судьи в Сибири в эпоху террора. 1937–1939 гг. // Российский судья. – 2018. – № 12. – С. 53–58.
18. Шкаревский Д. Н. Деятельность военного трибунала Нижне-Иртышского бассейна на территории Ханты-Мансийского автономного округа // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 14–25. – DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(2).14-25.
19. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М. : РОССПЭН, 1998. – 464 с.
20. Berman H. Justice in the USSR. – Cambridge : Harvard University Press, 1963. – 364 p.
21. Van der Berg G. P. The Soviet System of Justice: Figures and Policy. – Dordrecht ; Boston : M. Nijhoff Publishers ; Hingham : Distributors for the United States and Canada, Kluwer Academic Publishers, 1985. – xii, 374 p. – (Series: Law in Eastern Europe ; no. 29).
22. Juviler P. Revolutionary Law and Order. – New York : [s. n.], 1976. – 238 p.
23. Kuchero S. The Organs of Soviet Administration of Justice: Their History and Operations. – Leiden : [s. n.], 1970. – 422 p.
24. Rittersporn G. T. Soviet Officialdom and Political Evolution: Judiciary Apparatus and Penal Policy in the 1930's // Theory and Society. – 1984. – № 13. – P. 211–237.
25. Solomon P. Jr. Criminalization in Soviet Criminal Policy, 1917–1941 // Law and Society Review. – 1981–1982. – Vol. 16, № 1. – P. 9–44.

Информация об авторе

Кодинцев Александр Яковлевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Адрес для корреспонденции: 199178, Россия, Санкт-Петербург, В.О., 10-я линия, д. 19 лит. А

E-mail: Balsak1@yandex.ru

SPIN-код: 9315-3825, Author ID: 679446

ORCID 0000-0002-2269-6788

Researcher ID: D-8860-2018

Информация о статье

Дата поступления – 16 января 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Кодинцев А. Я. Организация органов правосудия в Остяко-Вогульском национальном округе в 1930-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 16–24. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).16-24.

ORGANIZATION OF JUSTICE IN THE OSTYAK-VOGUL NATIONAL DISTRICT IN THE 1930s*

A.Ya. Kodintsev

Northwest Institute (branch) All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

Introduction. The publication reveals the history of the organization of the Soviet justice authorities in the national regions of Western Siberia in the 1930s. The example of the activities of judicial officials shows the state policy on organizing new courts in an isolated region of Russia. **Purpose.** The purpose of the article is to identify the features of the organization of bodies of Soviet justice in remote areas of the north of Western Siberia. **Methodology.** The main methods used in the study include the historical approach, the system-structural method and the comparative analysis method. **Results.** Since 1931 in the northern regions of the Ural and then Omsk regions, district justice bodies have been formed. District justice bodies subordinated to themselves the people's judges, notaries and bailiffs. They performed the role of the main regional justice body in conditions of remoteness from regional courts. They faced the task of improving the personnel of law enforcement agencies in the region. They could not complete this task for objective reasons. Most justice workers were young Communists and Komsomol members who advanced in the 1920s. They tried to compensate for the low level of competence through vigorous activity. However, the purges and repressions did not allow them to stay in their workplaces for a long time. The nominees often irritated the local authorities because of their attempts to follow the law. Repressions, low pay, and harsh environmental conditions pushed judicial officers out of the system and from the region. **Conclusion.** The history of organizational "perturbations" in the North of Western Siberia allows us to identify general trends in the personnel policy of the Soviet state in remote regions of Russia in the 20th century.

Keywords: Ural Regional Court; Ob-Irtysh Regional Court; Omsk Regional Court; Ostyako-Vogul District Court; indigenization; people's court.

Acknowledgments. The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, grant № 18-49-860012.

* The author expresses deep gratitude to the RFBR and the Department of Education and Science of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra for funding the study.

REFERENCES

1. Kozhevnikov M.V. *The history of the Soviet court. (1917-1947)*. Moscow, Jurid. publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 376 p. (In Russ.).
2. Kozhevnikov M.V. *The history of the Soviet court. (1917-1956)*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 383 p. (In Russ.).
3. Lezov I.L. *Development of the Soviet judicial system (1922-1940)*. Moscow, All-Russian Academy of Foreign Trade Publ., 2007. 140 p. (In Russ.).
4. Mumleva M.I. On the question of the legal status of people's judges of the USSR during the formation of the administrative-command system. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' = Law. Legislation. Personality*, 2011, no. 1, pp. 145-148. (In Russ.).
5. Sevryukov D.S. Legal regulation of termination of powers of judges of courts of general jurisdiction in 1917-1938. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2013, no. 5 (161), pp. 684-690. (In Russ.).

6. Kodintsev A.Ya. *Notary of Ugra: from the past to the future*. Nizhny Novgorod, Dyatlov Gory Publ., 2015, 320 p. (In Russ.).
7. Kodintsev A.Ya. Corruption crimes of Soviet judges in the 40s of the twentieth century. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2017, no. 6, pp. 54-58. (In Russ.).
8. Kodintsev A.Ya., Shkarevsky D.N. Soviet Medieval Justice. *Russian law: theory and practice*, 2018, no. 2, pp. 127-136.
9. Kodintsev A.Ya. Modern historiography of the Soviet judicial system in the 1930-1950s. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 1, pp. 59-64. (In Russ.).
10. Shabanova I.K. The Peculiarities of the Judicial Hr Politics and the Judicial Proceeding in the Tyumen Region in the Totalitarianism Forming Conditions. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2008, vol. 5, pp. 14-17. (In Russ.).
11. Alekseeva L.V. *Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the first decade (December 1930 – June 1941)*. Khanty-Mansiisk, Nizhnevartovsk State Humanitarian University Publ., 2008. 193 p. (In Russ.).
12. *On the scales of Themis (dedicated to the 75th anniversary of the judicial system of Ugra)*. Mozhaisk, Zaural'ie Publ., 2007. 208 p. (In Russ.).
13. Isaev V.I., Mikheev D.Yu., Ugrovatov A.P. *Between Politics and Law: Courts of Siberia in the 1920s – 1930s*. Novosibirsk, Institute of History, SB RAN Publ., 2014. 280 p. (In Russ.).
14. *Judicial authorities of Siberia in the 1920s-1930s*, collection of documents. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2013. 275 p. (In Russ.).
15. Mikheev D.Yu. *Courts of Siberia in 1928-1938*. Novosibirsk, Publishing House of the Novosibirsk Military Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 124 p. (In Russ.).
16. Papkov S.A. *Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 440 p. (History of Stalinism). (In Russ.).
17. Papkov S.A. Page of the history of Soviet justice. Prosecutors and judges in Siberia in the era of terror. 1937-1939. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2018, no. 12, pp. 53-58. (In Russ.).
18. Shkarevsky D.N. The Activity of the Military Tribunal of the Lower Irtysh Basin on Territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 14-25. DOI: 10.25513/1990-5173.2019.16(2).14-25. (In Russ.).
19. Solomon P. *Soviet justice under Stalin*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 446 p. (In Russ.).
20. Berman H. *Justice in the USSR*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1963. 364 p.
21. Van der Berg G.P. *The Soviet System of Justice: Figures and Policy*. Dordrecht, Boston, M. Nijhoff Publishers, Hingham, MA, USA, Distributors for the United States and Canada, Kluwer Academic Publishers, 1985. xii, 374 p. (Series: Law in Eastern Europe, no. 29).
22. Juviler P. *Revolutionary Law and Order*. New York, 1976. 238 p.
23. Kuchеров S. *The Organs of Soviet Administration of Justice: Their History and Operations*. Leiden, 1970. 422 p.
24. Rittersporn G.T. Soviet Officialdom and Political Evolution: Judiciary Apparatus and Penal Policy in the 1930's. *Theory and Society*, 1984, no. 13, pp. 211-237.
25. Solomon P.Jr. Criminalization in Soviet Criminal Policy, 1917-1941. *Law and Society Review*, 1981-1982, vol. 16, no. 1, pp. 9-44.

About the author

Kodintsev Alexander – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Ph.D. in History, Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law

Northwest Institute (branch) All-Russian State University of Justice

Postal address: 19 lit. A, 10 line, V.O., St. Petersburg, 199178, Russia

E-mail: Balsak1@yandex.ru

SPIN- code: 9315-3825, Author ID: 679446

ORCID 0000-0002-2269-6788

Researcher ID: D-8860-2018

Article info

Received – January 16, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Kodintsev A.Ya. Organization of Justice in the Ostyak-Vogul National District in the 1930s. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 16-24. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).16-24. (In Russ.).

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 25–30.

УДК 341.1/8

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).25-30

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ КАК ОСНОВНОГО РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОРГАНА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Д. В. Галушко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва, Россия

Введение. Одним из важнейших аспектов функционирования современных региональных международных интеграционных организаций является деятельность их исполнительных и регулирующих органов, их взаимодействие с национальными компетентными органами власти. Это является особенно актуальным в процессе функционирования Евразийского экономического союза и развития правопорядка данного интеграционного объединения. Основным регулирующим органом Евразийского экономического союза является Евразийская экономическая комиссия, с деятельностью которой зачастую ассоциируется деятельность самого Союза, так как сама Комиссия, во многом отвечая признакам наднационального органа, определяет характер взаимоотношений между Евразийским экономическим союзом и органами власти государств-членов в том числе через собственную правотворческую деятельность. **Цель.** Цель работы заключается в исследовании и анализе наиболее важных аспектов деятельности Евразийской экономической комиссии в контексте взаимодействия с национальными регулирующими органами. **Методология.** В ходе исследования использовались как общенаучные методы познания – анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, так и частноправовые методы (формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии). **Результаты.** В статье раскрывается специфика правового статуса Евразийской экономической комиссии как главного регулирующего органа Евразийского экономического союза, его специфика в контексте набора наднациональных полномочий, во многом благодаря чему развиваются интеграционные процессы в рамках Союза. **Заключение.** Выводы, сделанные в результате исследования, могут быть использованы в отношении совершенствования и развития правовых систем международных организаций региональной интеграции с участием Российской Федерации, в частности Евразийского экономического союза, а также процесса взаимодействия национальных органов государственной власти с Евразийской экономической комиссией.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; международная организация; региональная интеграция; наднациональность; государства-члены; Евразийская экономическая комиссия.

1. Введение

Статус, место и роль любого органа Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) обуславливается объёмом полномочий, которыми он наделён и реально осуществляет. Важную роль в системе органов ЕАЭС играет Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия), которая является постоянно действующим регулирующим органом Союза, что прямо предусмотрено в Положении о ЕЭК (далее – Положение)¹. Статья 1 данного Положения ус-

танавливает обеспечение условий функционирования и развития Союза, а также разработку предложений в сфере экономической интеграции в рамках данного интеграционного объединения в качестве основных функций Комиссии [1, с. 47].

При исследовании статуса ЕЭК буквальное толкование положений учредительного договора традиционно довольно ограничено очерчивает круг её полномочий, не давая полного представления о настоящей роли и значении данного органа. Практика

путём расширительного толкования рамочных положений учредительных документов способствует формулировке неписаного принципа, который предусматривает участие ЕЭК при осуществлении многих управленческих и регуляторных функций и принятии решений в форме собственных правовых актов во взаимодействии с национальными компетентными органами власти.

2. Методология

В ходе исследования использовались как общенаучные методы познания – анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, так и частноправовые методы (формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии).

3. Вопросы правового статуса Евразийской экономической комиссии

На официальном сайте ЕАЭС, указывается, что ЕЭК – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган Союза. Однако Договор о ЕАЭС (далее – Договор) не использует данный термин в отношении ЕЭК. Понятие «наднациональности» используется в Договоре только дважды, и оба раза в тех положениях, которые не имеют прямого отношения к ЕЭК. В частности, ст. 38 Договора устанавливает отсутствие наднациональной компетенции Союза при осуществлении координации в сфере внешней торговли услугами. Кроме того, в ст. 103 предусматривается принятие решение о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка и о его создании в 2025 г.

При этом сама дефиниция понятия «наднациональность» в Договоре не раскрывается, а указанные упоминания производных данного термина носят обрывочный и казуистичный характер. Тем не менее, несмотря на закрепление прямого отрицания наднациональной компетенции в обозначенных сферах, анализ Договора и практики Суда ЕАЭС, общий наднациональный характер (как минимум частичный) ответственности ЕЭК явно подразумевается. В частности, Договор признаёт Союз международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью (п. 2 ст. 1), закрепляя при этом в Договоре автономную правовую и институциональную систему ЕАЭС (ст. 6, 8) [2, с. 74].

В одном из своих консультативных заключений Суд констатировал наднациональный характер деятельности органов Союза и ограничение суверенных полномочий государств-членов в соответствующих сферах.

Тем не менее имеются предпосылки говорить о балансировании между статусом ЕЭК как наднационального органа и межправительственным характером взаимодействия в рамках Союза. В частности, в Положении сформулированы основные принципы деятельности ЕЭК, среди которых:

- обеспечение взаимной выгоды, равноправия и учёта национальных интересов государств-членов;
- экономическая обоснованность принятых решений;
- открытость, гласность и объективность.

Как мы видим, уже самый первый закреплённый принцип говорит о первичности учёта интересов государств-членов, а не интересов самого Союза. Тем не менее, как отмечают исследователи, по аналогии с Комиссией Европейского союза положения, регулирующие структуру ЕЭК, закрепляют её наднациональный статус. И отражением такого статуса, его гарантией является наделение членов Коллегии ЕЭК, а также должностных лиц и сотрудников её департаментов статусом международных чиновников, не имеющих императивных мандатов от своих государств [3, с. 870].

С другой стороны, в структуре Комиссии выделяются Совет и Коллегия. В Совет ЕЭК входят по одному представителю от каждого государства-члена, каждый из которых является заместителем главы правительства соответствующего государства-члена. Это означает, что они занимают эту должность в силу своего официального должностного положения в своей стране. Поэтому характер принимаемых решений и всей деятельности Совета носит политический межправительственный характер. Причём согласно ст. 18 Договора решения в большинстве случаев принимаются только на основе классического принципа принятия решений в международном праве – на основе консенсуса. Тем самым любой член Совета ЕЭК обеспечивает национальные интересы соответствующего государства-члена. Высший Евразийский

экономический совет может наделить ЕЭК правом подписывать международные договоры по вопросам, относящимся к компетенции ЕЭК, а ст. 10 Положения определяет, что ЕЭК пользуется всеми правами юридического лица. Коллегия является исполнительным органом Комиссии, а её состав формируется из представителей государств-членов по принципу равного представительства [4, с. 76].

4. Правотворчество Евразийской экономической комиссии

Одной из важнейших характеристик деятельности Коллегии является правотворческая функция ЕЭК, которая в пределах своих полномочий вправе принимать решения, распоряжения и рекомендации, занимается разработкой проектов международных договоров и решений, принимаемых Советом ЕЭК, а также других документов, необходимых для реализации полномочий Комиссии [5].

Сам термин «Право ЕАЭС» впервые был закреплён в Договоре, в который заложен «нормативистский» подход при использовании очевидной дихотомии: ст. 6 Договора оперирует двумя видами международно-правовых актов, указывая, во-первых, международные договоры и акты органов ЕАЭС (решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и ЕЭК, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза), во-вторых [6, с. 55].

По аналогии с правом Европейского союза, акты ЕЭК рассматриваются в качестве актов вторичного порядка, иными словами в качестве международно-правовых актов, которые принимаются органами Союза [7, с. 67]. А сама система интеграционного права ЕАЭС, обладая рядом характерных черт, начинает выступать в качестве самостоятельного правового порядка, формирующегося по собственным квалифицирующим признакам и закономерностям на основе общепризнанных принципов и норм международного права и отличной от других систем права [8, с. 42]. Более того, эффективность процессов формирования и функционирования ЕАЭС зависит не только от того, насколько адекватно конкретный инструментарий достижения целей международной интеграции, в том числе правовая система ЕАЭС, отражает его

специфику, а также особенности «внешней среды», в которой Союз формируется и функционирует, но и от степени сближения и гармонизации национальных правовых систем государств-членов этого межгосударственно-интеграционного объединения [9, с. 50].

Положение о ЕЭК указывает, что данный орган в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов. Такие решения являются частью права Союза, при этом, в соответствии с п. 13 Положения, будучи подлежащими непосредственному применению на территории государств-членов. Всё это способствует их эффективной реализации [10, с. 83].

Договор (ст. 6) относит к числу источников права Союза как решения, так и распоряжения. Такое обстоятельство свидетельствует о коллизии внутри единого документа, носящего в праве ЕАЭС основополагающий, программный характер [11, с. 74]. Кроме того, вышеуказанные нормы Договора позволяют трактовать их в качестве придания документам ЕЭК прямого действия [12].

Нормотворческие полномочия принадлежат как Совету ЕЭК, так и её Коллегии. Принимаемые ЕЭК акты, прежде всего решения, не требуют специальных внутригосударственных имплементационных мер, являются обязательными для исполнения всеми физическими и юридическими лицами, а также прочими субъектами на территории государств-членов. Данная норма позволяет рассуждать о прямом действии норм таких актов, что также, в определённой мере, свидетельствует об интеграционном наднациональном характере как актов, так и всей деятельности ЕЭК, даже несмотря на то, что все решения принимаются на основе консенсуса. Несмотря на то, что принцип прямого действия источников права Союза в Договоре не закреплён, данный вопрос может быть разрешён Судом ЕАЭС [13]. В частности, Суд уже выразил свою позицию в отношении свойств права Союза в одном из своих консультативных заключений, придя к выводу о том, что общие правила конкуренции обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами как нормы, закреплённые в международном договоре. Как указывается в доктрине, «в

этом смысле заключение Суда Союза по делу о вертикальных соглашениях можно рассматривать как новый шаг на пути применения наднациональных норм в правовых порядках государств-членов»².

5. Заключение

Деятельность ЕЭК, в особенности её правотворчество, подтверждает ключевую роль данного органа в институциональном механизме ЕАЭС и в его взаимодействии с компетентными регулирующими органами государств-членов. ЕЭК реализует полномочия, необходимые для обеспечения согласованной работы механизма Союза, активно сотрудничая как со всеми органами ЕАЭС, так и с соответствующими компетентными органами власти государств-членов. Набор предоставленных ЕЭК полномочий, а также её роль основного регулирующего органа Союза свидетельствуют, что фактически данный орган является главным связующим зве-

ном, благодаря которому обеспечивается координация и эффективное функционирование как правового, так и институционального механизмов ЕАЭС, стремящихся к решению вопросов и достижению целей современной евразийской интеграционной повестки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Положение о Евразийской экономической комиссии. Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 15 марта 2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Kalinichenko P. A Principle of Direct Effect: The Eurasian Economic Union's Court Pushes for More Integration [Electronic resource]. – URL: <https://verfassungsblog.de/the-principle-of-direct-effect-the-eurasian-economic-unions-court-pushes-for-more-integration/> (accessed 12 January 2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапенко М. В. Организационно-правовая основа Евразийского экономического союза // Современные евразийские исследования. – 2017. – № 2. – С. 43–58.
2. Чайка К. Л. Конституционализация интеграционных правовых порядков как феномен международного права? // Международное правосудие. – 2020. – № 1. – С. 67–78.
3. Лукьянова В. Ю. Правовой статус Евразийской экономической комиссии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения // Journal of foreign legislation and comparative law. – 2014. – № 5. – С. 865–875.
4. Балытников В. В., Боклан Д. С. Евразийский экономический союз: предпосылки создания, проблемы формирования, перспективы развития // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 3. – С. 69–82.
5. Байльдинов Е. Т. Договор о Евразийском экономическом союзе: шаг вперёд, два шага назад // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10. – С. 25–34.
6. Ануфриева Л. П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 48–62.
7. Капустин А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. – 2015. – № 11. – С. 59–69.
8. Исакова Ж. Т. Система интеграционного права Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2016. – № 2 (20). – С. 40–44.
9. Лукьянова В. Ю., Павлушкин А. В. Новые юридические технологии в государствах – участниках Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 5. – С. 49–64.
10. Лукьянова В. Ю., Плюгина И. В. Институциональные основы функционирования интеграционных объединений на евразийском пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 1 (56). – С. 78–87.
11. Бакаева О. Ю. Акты Евразийской экономической комиссии как источник права ЕАЭС // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 3. – С. 73–76.
12. Боклан Д. С., Лифшиц И. М. Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе // Международное право. – 2016. – № 2. – С. 1–13.
13. Исполинов А. С. Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права Евразийского экономического союза // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 1-2. – С. 11–21.

Информация об авторе

Галушко Дмитрий Вячеславович – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)

Адрес для корреспонденции: 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49

E-mail: galushkodv@gmail.com

SPIN-код: 1710-5918, Author ID: 703890

ORCID: 0000-0002-9301-9565

Информация о статье

Дата поступления – 13 января 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Галушко Д. В. Деятельность Евразийской экономической комиссии как основного регулирующего органа Евразийского экономического союза // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 25–30. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).25-30.

ACTIVITIES OF THE EURASIAN ECONOMIC COMMISSION AS THE MAIN REGULATORY BODY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

D.V. Galushko

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), Moscow, Russia

Introduction. One of the most important aspects of the functioning of modern regional international integration organizations is the activity of their executive and regulatory bodies in cooperation with national competent authorities. This is especially relevant in the process of the functioning of the Eurasian Economic Union and the development of the legal order of this integration association. **Purpose.** The purpose of the study is to study and analyze the most important aspects of the activities of the Eurasian Economic Commission in the context of interaction with national regulatory authorities. **Methodology.** The study used both General scientific methods of cognition – analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, and private law methods (formal legal, technical-legal, and the method of legal analogy). **Results.** The article reveals the specifics of the legal status of the Eurasian Economic Commission as the main regulatory body of the Eurasian Economic Union, its specificity in the context of a set of supranational powers, largely due to which the integration processes within the Union are developing. **Conclusion.** The conclusions made as a result of the study can be used in relation to the improvement and development of the legal systems of international organizations of regional integration with the participation of the Russian Federation, in particular, the Eurasian Economic Union, as well as the process of interaction of national government bodies with the Eurasian Economic Commission.

Keywords: Eurasian Economic Union; international organization; regional integration; supranationality; member states; Eurasian Economic Commission.

REFERENCES

1. Lapenko M.V. Organizational and legal framework of the Eurasian Economic Union. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya = Modern Eurasian Studies*, 2017, no. 2, pp. 43-58. (In Russ.).
2. Chajka K.L. Constitutionalization of Integration Law and Order as a Phenomenon of International Law? *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2020, no. 1, pp. 67-78. (In Russ.).
3. Luk'janova V.Ju. Legal status of the Eurasian Economic Commission. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*, 2014, no. 5, pp. 865-875. (In Russ.).
4. Balytnikov V.V., Boklan D.S. Eurasian Economic Union: prerequisites for creation, problems of formation, development prospects. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2015, no. 3, pp. 69-82. (In Russ.).
5. Bajl'dinov E.T. Treaty on the Eurasian Economic Union: one step forward, two steps back. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2014, no. 10, pp. 25-34. (In Russ.).
6. Anufrieva L.P. EAEU and "EAEU law" in the international legal dimension. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2016, no. 4, pp. 48-62. (In Russ.).
7. Kapustin A.Ja. Law of the Eurasian Economic Union: international legal discourse. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 11, pp. 59-69. (In Russ.).
8. Iskakova Zh.T. The system of integration law of the Eurasian Economic Union. *Evrasiiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*, 2016, no. 2 (20), pp. 40-44. (In Russ.).

9. Luk'janova V.Ju., Pavlushkin A.V. New legal technologies in the member states of the Eurasian Economic Union. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 5, pp. 49-64. (In Russ.).
 10. Luk'janova V.Ju., Pljugina I.V. Institutional framework for the functioning of integration associations in the Eurasian space. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2016, no. (56), pp. 78-87. (In Russ.).
 11. Bakaeva O.Ju. Acts of the Eurasian Economic Commission as a source of EAEU law. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Research*, 2016, no. 3, pp. 73-76. (In Russ.).
 12. Boklan D.S., Lifshic I.M. Operation of the rule of law in the Eurasian Economic Union. *Mezhdunarodnoe pravo = International law*, 2016, no. 2, pp. 1-13. (In Russ.).
 13. Ispolinov A.S. Priority, direct action and direct effect of the rules of law of the Eurasian Economic Union. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of International law and International relations*, 2017, no. 1-2, pp. 11-21. (In Russ.).
-

About the author

Galushko Dmitriy – Ph.D. in Law, Docent, Associate Professor at the Department of Legal Regulation of Economic Activities

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University)

Postal address: 49, Leningradskii pr., Moskva, 125993, Russia

E-mail: galushkodv@gmail.com

SPIN-code: 1710-5918, Author ID: 703890

ORCID: 0000-0002-9301-9565

Article info

Received – January 13, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Galushko D.V. Activities of the Eurasian Economic Commission as the Main Regulatory Body of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 25-30. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).25-30. (In Russ.).

УДК 341.94

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).31-40

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОЛЛИЗИЙ В США*

И. Н. Чумаченко

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Введение. Актуальность статьи обусловлена развитием трансграничных торговых отношений с участием резидентов Соединённых Штатов Америки и других государств, в частности и интересом к вопросам о корректном выборе применимого права в рамках правоотношений с участием резидентов США, осуществляемых на территории или в рамках юрисдикции США. **Цель.** Автор ставит перед собой цель рассмотреть основные концепции, а также некоторые особенности разрешения коллизий, возникающих между положениями федерального законодательства, законодательства отдельных штатов с законодательством других государств, а также, в некоторых случаях, с нормами международного права. **Методология.** В рамках исследования автором использованы различные методы, в частности диалектический метод, методы анализа, синтеза, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, а также метод толкования правовых актов и судебных прецедентов. **Результаты.** Рассмотрены особенности разрешения коллизий в соответствии со статутным законодательством, судебными прецедентами, а также доктринальными источниками США. Приводятся основные концепции в отношении конфликтного права, которые содержат основные подходы в отношении разрешения конфликта различных юрисдикций в США. **Заключение.** По итогам проведённого исследования автор приходит к выводу о том, что даже при наличии отдельных (специальных) правовых актов, судебных кейсов, а также доктринальных источников, которые, казалось бы, должны помочь преодолеть коллизии между различными правовыми системами, с учётом разнообразия правоотношений, такие коллизии будут возникать и в дальнейшем, что будет подталкивать законодателей к дальнейшей разработке проблематики конфликтного права США.

Ключевые слова: коллизия; конфликтное право; международное частное право; право США; столкновение правовых систем.

1. Введение

Соединённые Штаты Америки представляют собой уникальное государственно-правовое образование, образующее более 50 юрисдикций, которое одновременно является активным участником трансграничных экономических отношений. Активное развитие трансграничных экономических связей между Россией и США очевидно будет служить одним из элементов восстановления политических отношений. К сожалению, в рамках реализации различных видов сделок возникает вопрос о наличии коллизий (столкновений) между положениями федерального законодательства, законодательства отдельных штатов с законодательством дру-

гих государств, а также норм международного права. При решении вопроса о том, каким образом необходимо преодолевать такие коллизии, возникает вопрос о подходах, которые использует американское законодательство и предлагают американские учёные-правоведы. Какое законодательство необходимо применять при взаимоотношениях между иностранными гражданами и юридическими лицами и резидентами США?

Понятие «коллизия» привычно ассоциируется со столкновением правовых норм двух различных государств. Но аналогичное явление также характерно для одной страны, в которой существует 51 независимая юрисдикция. Автор имеет в виду США, которые

* Автор данной статьи выражает благодарность и глубокую признательность доктору юридических наук, профессору кафедры гражданского права, процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов Михаилу Николаевичу Кузнецову за активную помощь в подготовке и рецензировании данной статьи.

зарождались как содружество независимых штатов с чётко разделённым предметом регулирования федерального законодательства и законодательства штатов.

В целом коллизия внутригосударственных правовых систем (здесь автор имеет в виду федеральное законодательство и законодательство штатов) характерна именно для США.

Столкновение в регулировании законодательства штатов, федерального законодательства и законодательства других государств рассматривается в США в рамках отдельной науки «о конфликтах права» (**“Conflict of Laws”**), которую можно перепутать с привычным для «континентальных юристов» международным частным правом (**“Private International Law”**). Однако это не совсем так. Правовая система США (федеральное законодательство и законодательство большинства штатов) относится к правовой системе стран общей системы права, она не знает деления права на отрасли, институты и т. д. Поэтому наука «о конфликте права» затрагивает не только коллизии в сфере частноправовых отношений, но и также коллизии в сфере публично-правовых отношений, примеры которых будут приводиться в данной статье. Можем ли мы в этой связи ассоциировать предмет регулирования международного частного права (частноправовые отношения, осложнённые иностранным элементом) и права конфликтов (**Conflict of Laws**), когда он касается коллизии законодательства отдельных штатов и федерального законодательства США, регулирующих не только частноправовые, но и публичные правоотношения? Безусловно, нет. К схожему выводу пришёл Ю. Э. Монастырский в рамках своего диссертационного исследования на тему «Господствующие доктрины коллизионного права в США»¹.

Если говорить о сфере действия науки международного конфликтного права, то интересным представляется мнение Франциса А. Габора, который указал на то, что она включает в себя: 1) судебную юрисдикцию в отношении иностранных ответчиков; 2) выбор закона; 3) международную судебную помощь и сотрудничество; 4) вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений [1, с. 696, 699–700; 2].

Эллиот И. Чатхэм указывал на то, что существует три вида законодательства, которые американский юрист может иметь в виду, рассматривая различные дела: международное законодательство, федеральное законодательство, в том числе законодательство, разрабатываемое федеральным правительством и соответствующими агентствами, законодательство штатов [3, с. 431]. Следовательно, предмет регулирования вышеупомянутого конфликтного права затрагивает не только конфликт между федеральным законодательством США и законодательством штатов, но и вопросы, касающиеся столкновения норм американского права и норм международного права, как часть науки «о конфликте права». Поэтому в рамках данной статьи помимо рассмотрения вопросов, касающихся коллизий внутригосударственного регулирования в США, автор считает целесообразным рассмотреть также вопросы коллизии международного и внутриамериканского законодательства, направленного на разрешение таких коллизий.

С учётом вышеизложенного рассматриваемая статья будет посвящена особенностям преодоления коллизий между федеральным законодательством, законодательством штатов, а также иностранным правом, в той или иной степени имеющим отношение к США. Следует отметить, что какого-либо единого акта в данной сфере не принято. В той или иной степени вышеуказанные правила выработаны и содержатся в различных судебных прецедентах, которые, в свою очередь, составляют основу системы источников права Соединённых Штатов.

В то же время некоторые штаты США, в частности штат Орегон, кодифицировали нормы международного частного права. В штате Орегон нормы о международном частном праве были включены в специальные разделы Свода статутах штата Орегон (так называемый Акт о выборе применимого права). Как указывают И. В. Гетьман-Павлова, а также Л. И. Каримова, общий подход Акта о выборе права, применимого к деликтным и иным внедоговорным обязательствам, к выбору применимого права сформулирован следующим образом: деликтные и иные внедоговорные обязательства регулируются правом страны, чьи связи со сторонами дела

и спором и чьи устремления по спорному вопросу делают применение права этой страны наиболее подходящим. Общий подход позволяет сделать вывод, что в основе орегонской кодификации лежат метод «значительных контактов», теории «лучшего права» и «анализа интересов» [4, с. 187].

2. Методология

Основными методами в рамках данного исследования были выбраны диалектический метод, методы анализа, синтеза, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, а также метод толкования правовых актов и судебных прецедентов.

3. Юрисдикция штатов vs юрисдикция федерации

Вопрос о конфликте права и юрисдикции судов штатов и федерации, казалось бы, не должен возникать, поскольку в США есть законодательство, которое призвано урегулировать любые коллизии между федеральным законодательством США и законодательством штатов, например Конституция США. Однако не стоит сбрасывать со счетов и ключевое отличие американского права и английского права, которое выделялось ещё Рене Давидом, Камиллой Жоффре-Спинози – это наличие различий между федеральным законодательством и правом отдельных штатов [5, с. 367].

Десятая поправка к Конституции США, принятая в 1791 г., совершенно ясно разрешила этот вопрос: «Полномочия, не предоставленные настоящей Конституцией Соединённым Штатам и пользование которыми не возбранено отдельным штатам, остаются за штатами или народом»². Соответственно, компетенция штатов достаточно узкая (остаточная), а федеральная компетенция весьма широкая. У Конгресса, как у федерального органа государственной власти, крайне широкая компетенция в то время, как у законодательных органов штатов компетенция весьма ограниченная.

Одновременно следует отметить, что согласно ст. IV Конституции США³ акты, судебные прецеденты, принятые одним штатом, должны признаваться и иметь юридическую силу на территории другого штата. Штатам разрешается законодательствовать по этим вопросам, но им запрещается принимать положения, идущие вразрез с норма-

ми федерального права. Зато им не возбраняется дополнять федеральное право или выполнять имеющиеся в нём пробелы⁴.

Г. Ласк в своей книге «Гражданское право США. (Право торгового оборота)» указывает, что «Конституция Соединённых штатов устанавливает федеральную судебную систему и специально говорит о Верховном суде Соединённых Штатов» [6, с. 111].

Федеральные суды обладают исключительной юрисдикцией по делам о совершённых на территории США преступлениях и проступках, предусмотренных законодательством Соединённых Штатов, по морским делам, по делам о захвате морских судов и о морских призах, о внутригосударственных доходах, о таможенных пошлинах, о тоннажном сборе, а также по делам, связанным с патентным или авторским правом, по искам, вытекающим из права на товарный знак.

К юрисдикции федеральных судов относятся рассматриваемые по нормам общего права либо по праву справедливости: 1) гражданские иски, к которым подлежат применению положения Конституции или законов Соединённых Штатов, международные договоры, заключённые или подлежащие заключению в соответствии с ними; 2) гражданские иски между гражданами разных штатов либо между гражданами штата и иностранными гражданами или подданными, если при этом сумма иска, не считая пошлины и процентов, превышает 3 000 долларов США [6, с. 21].

Вышеуказанное подтверждает тезис, предложенный Ю. Э. Монастырским, о том, что «многие из вопросов правового регулирования оставались в ведении членов федерации, поэтому роль конфликтного права США заключалась в унификации подходов к определению применимого права, в соблюдении принципов разграничения сфер ведения федерации и штатов, а также в признании, принудительном исполнении публичных актов разного уровня, если они изданы в других штатах и зависимых территориях»⁵.

В то же время, как указывает Г. Ласк, юрисдикции штатов подведомственны споры между гражданами штата. Юрисдикция штата распространяется на все споры, связанные с правом собственности на землю, расположенную в территориальных пределах штата,

если только эта земля не является собственностью федерации, а также на все преступления, совершённые на территории штата, за исключением преступлений, направленных против федерального правительства. Юрисдикция различных судов штата определяется конституцией и законами штата» [6, с. 26]. Исходя из данного тезиса, можно сделать однозначный вывод о том, что каждый штат самостоятельно определяет систему и разрабатывает собственные правила разрешения конфликта с федеральным законодательством, что, безусловно, создаёт массу неудобств, которых удалось бы избежать в рамках единого законодательства, предусматривающего единообразный подход к разрешению коллизий.

Несмотря на то, что вышеуказанное описывает подведомственность судов в отношении различных видов споров, но никоим образом не отвечает на вопрос: какими же принципами руководствоваться судам при выборе применимого права в отношении того или иного правоотношения и/или спора?

На этот вопрос отвечает параграф 6 второй редакции свода единообразного законодательства, разработанного и предложенного Американским институтом права.

Согласно п. 1 параграфа 6 суд с учётом ограничений, предусмотренных Конституцией, обязан следовать положениям закона собственного штата в отношении выбора применимого права. В соответствии с п. 2 того же параграфа в случае, если такого закона нет, следующие факторы должны быть рассмотрены и приняты во внимание:

- 1) потребности межштатных и международных систем;
- 2) соответствующие политики согласия;
- 3) соответствующие политики заинтересованных штатов и соответствующих интересов таких штатов в части определения текущего правоотношения;
- 4) защита ожиданий, являющихся предметом судебного разбирательства;
- 5) базовые политики, подразумеваемые соответствующей областью права;
- 6) предсказуемость и общность результата;
- 7) кейс по определению и применению права, подлежащего применению.

При возникновении коллизии в рамках рассматриваемого спора обычно существуют

два варианта: суд может иметь право *форума* (выбора) – *lex fori*, когда вопрос о том, какой закон применять, является процедурным, или суд может применить закон места совершения сделки или происшествия, которое привело к судебному разбирательству, или же право места совершения действия – *lex loci*, – это право контролирующего закон, выбранный в случае существования дела.

4. Современные доктрины коллизионного права США

Следует отметить, что коллизионное право США и проблема разрешения коллизий рассматривались и исследовались не только американскими учёными-юристами, но и учёными по всему миру, в том числе Г. Кегелем [7], Дж. Совеплан [8] и Э. Витта [9].

В США получила распространение «концепция анализа», или «концепция анализа правительственного интереса», профессора Бр. Карри. Как указывает Ю. Э. Монастырский, определить, какая материальная норма главнее и в чём заключается её властная цель, – функция не юридическая, а политическая, которая тем не менее должна осуществляться судами, поскольку их конституционная обязанность – интерпретировать намерения законодателя, которые не становятся необязательными только из-за неясности своего выражения⁶. Профессор А. В. Асосков, в свою очередь, отмечает, что Бр. Карри в серии своих статей подвергает развёрнутой критике традиционный подход к решению вопроса о выборе применимого права в духе учения Савиньи и Билля. При этом Бр. Карри отвергает самые основы традиционного подхода – тезис об отсутствии существенных государственных интересов в разрешении коллизионной проблемы, о международном единообразии решений как основной задаче международного частного права и необходимости формулирования специальных коллизионных норм, определяющих связи между трансграничными отношениями и применимым правом [10, с. 87–88]. Ключевыми в концепции Карри являются понятия «правительственная политика» (*governmental policy*), а также «правительственный интерес» (*governmental interest*). Под правительственным интересом понимается «интерес», который является результатом государственной политики и существования надлежущей

связи между государством, о политике которого идёт речь, и сделок, сторонами или судебным разбирательством [11, с. 392–431]. Данные понятия также анализировались А. В. Асосковым и А. Н. Жильцовым⁷.

Одной из основ современного регулирования конфликтного права США являются положения вышеупомянутой ст. IV Конституции США (акты, судебные прецеденты, принятые одним штатом, должны признаваться и иметь юридическую силу на территории другого штата)⁸. Данное положение толкуется также в качестве одной из основ теории анализа интересов, которая заключается в том, что судья должен анализировать намерение законодателя, исходя из предполагаемой государственной цели, которую последний путём издания нормы мог хотеть достигнуть в условиях, когда такое намерение в прямо выраженной форме редко обнародуется [5, с. 264–265].

По мнению учёных-юристов Леа Брилмайера, Джека Голдсмита, Эрина Охара Оконнора, в рамках применения метода анализа интересов необходимо учитывать следующие положения:

1. В случае, если судебный спор содержит иностранный элемент, суд должен рассмотреть вопрос о возможности применения права форума (совместного регулирования) – law of the forum.

2. В случае, если иностранное право будет применяться к правоотношению, суд обязан определить государственную политику в отношении права форума. Он обязан убедиться, что отношение по согласию в деле предусматривает юридическую основу для соблюдения интереса в рамках применимой политики. Данный процесс схож с построением или интерпретацией.

3. В случае, если необходимо, суд обязан определить политику, определённую в иностранном праве, и установить, имеет ли иностранное государство интерес в применении своей политики.

4. Если суд установит, что право форума не предусматривает интерес в применении политики, но иностранное государство, в свою очередь, имеет такой интерес, суд должен применить иностранное право.

5. В случае, если суд установит, что право согласия содержит определённый интерес

в применении политики, такое право должно быть применено к кейсу в случае, если иностранное государство имеет интерес в применении противоположной политики [12, с. 188–189; 13, с. 392–431].

Впоследствии профессор Виллиам Бакстер предложил модифицировать концепцию анализа правительственного интереса Карри, назвав предлагаемое улучшение как сравнительное ухудшение. Суть такой модификации заключалась в том, что в случае возникновения коллизии между законодательствами штатов суд должен применять законодательство штата, политика которого может ухудшиться вследствие отмены таких законов [14, с. 1–42]. То есть проблема позитивных конфликтов решается за счёт определения того государства, чьи политики наибольшим образом «пострадают» в случае, если суд не применит право данного государства. Такая модификация позволит избежать наличия каких-либо интересов у законодателей.

Одна из ключевых проблем, которую отмечают некоторые американские юристы-исследователи, заключается в определении применения законодательства штатов по спорам с иностранным элементом (международным спорам) в рамках гражданского судопроизводства в федеральных судах и судах штатов. По общему правилу законодательство штатов должно применяться к международным сделкам тогда, когда оно обычно применяется во внутренних сделках. Вследствие этого федеральное законодательство не должно стеснять законодательство штата кроме случаев, когда интересы федеральных властей необычно убедительны (unusually compelling) [15, с. 68]. Более того, в соответствии с Конституцией США выбор федерального законодательства допускается в том случае, когда выбор судом законодательства штата может препятствовать исполнению федеральным правительством своих полномочий в рамках международных отношений. В такой ситуации федеральное законодательство заменяет законодательство штата⁹.

Более того, профессор Д. Нафziger приводит мнение о том, что с учётом того, что трансграничные правоотношения становятся всё более и более распространёнными, как и решения судов по ним, возникает необходимость разработки свода федерального за-

конодательства, чтобы защитить федеральный или более или менее национальный интерес [15, с. 69]. При этом следует отметить интересный аргумент о том, что даже если такой федеральный интерес существенно затронут, то существующие правила и принципы обеспечивают применение федерального законодательства, не противоречащего законодательству штатов.

В то же время интересным представляется мнение А. В. Асоскова [10, с. 106], заметившего, что в работах европейских исследователей подчёркивается, что теория Карри может получить сколько-нибудь эффективное практическое применение только для разрешения межштатных коллизий в специфических американских условиях, но при этом она совершенно не приспособлена для разрешения международных коллизий. Во-первых, данная теория может функционировать только в рамках одной правовой семьи, при единых правовых основах и традициях. Только в этом случае иностранный судья способен установить правительственные политики и соответствующий им правительственный интерес в применении норм того или иного правопорядка в конкретном деле.

Интересной является теория принципов предпочтения “vested rights”, поддерживаемая Д. Ф. Каверсом. По его мнению, наиболее подходящими для конфликтного права являются так называемые принципы предпочтений (principles preferences), которые должны отражать межштатную политику либо примирять конфликтующие между собой цели правовых норм. Принципы предпочтения определяют наиболее «предпочтительный результат» разрешения коллизионной проблемы, т. е. выбор конкретно применимой материальной нормы, а не систему юридических правил какой-либо правовой системы [16, с. 21–56].

Заслуживающей внимания также является теория «лучшего права», которая рассматривалась в работах американских учёных Р. Лефлара, а также Л. Макдугалла III, которые указывали на то, что в процессе выбора применимого права суды должны ориентироваться на следующие факторы:

- предсказуемость результата;
- содержание внутригосударственного и международного порядка;

- упрощение судебной задачи;
- продвижение государственного интереса места рассмотрения дела;
- применение лучшей нормы права [17, с. 684; 18, с. 1586–1588].

5. Американское или иностранное право?

Коллизия с иностранным правом может возникать и регулироваться как федеральным законодательством, так и законодательством штатов США в зависимости от юрисдикции того или иного субъекта права.

Как указывает Дональд Эрл Чайлдресс III, американские суды обычно используют презумпцию против экстерриториальности, когда федеральное законодательство потенциально применяется в случае, если предметом правоотношения являются деликт, контракт, имущество или другие области частного права [19, с. 364; 20]. Одновременно необходимо отметить, что так называемая презумпция против экстерриториального подхода применяется только в рамках трансграничных споров, которые разрешаются в соответствии с федеральным законодательством.

Вызывает интерес мнение профессора Кэтрин Флори о том, что доктрина коллизионного права представляет два разных взгляда / лица:

1. Первый взгляд / лицо (маленькие конфликты) включает в себе наличие коллизий в рамках простых сделок, правоотношений.
2. Второй взгляд / лицо (большие конфликты) представляет собой сложные конфликты, когда суду предлагается разрешить спор с учётом доктрины одного государства в отношении другого. Такие коллизии чаще всего возникают в рамках международных правоотношений и предоставляют суду возможность выбирать применимое право того или иного государства, и суды в конечном итоге определяют, какая доктрина будет использоваться в рамках рассматриваемого правоотношения [21, с. 654–684].

Профессор Дональд Эрл Чайлдресс III отмечает, что суды Соединённых Штатов Америки применяют в том числе нормы иностранного права, основываясь на принципе взаимной вежливости и уважительного отношения зарубежных правопорядков, положений законодательства и судебной практики. Однако понятия «вежливость», «взаимная

вежливость» не закреплены на законодательном уровне в США. Термин «взаимная вежливость» был описан Верховным судом США в рамках рассмотрения спора по делу “Hilton v. Guyot”¹⁰. Взаимная вежливость есть признание того, что одна нация позволяет с должным учётом международных обязательств и удобства использование законодательных, исполнительных или судебных актов другой нации, в том числе в отношении своих собственных граждан (другой нации) или других лиц, находящихся под защитой её законов.

Одним из самых ярких примеров использования международного законодательства при возникновении коллизии норм федерального законодательства и законодательства штатов являются вопросы иммунитета в отношении имущества иностранных государств или их представителей. При определении ответа на вопрос о том, может ли нация или её представители быть судимы или же может ли имущество иностранного государства быть предметом судебного взыскания или же суды должны исходить из презумпции иммунитета, применяется международное право.

Особо следует отметить, что конвенциональные нормы, применение которых позволяет преодолеть коллизии национальных законодательств, регулируют некоторые области материального и процессуального права. Примером такой нормы является Конвенция ООН о праве договоров международной купли-продажи 1980 г.¹¹ Такая конвенция, по сути, может заменять собой нормы национального законодательства, тем самым преодолевая коллизии.

Однако подобные соглашения приняты отнюдь не во многих отраслях права и, соответственно, не позволяют преодолеть все коллизии.

6. Заключение

Правовая система США, и в частности совокупность правовых норм, которая называется правом конфликтов, характеризуется различными подходами к определению применимого права к различным правоотношениям и разрешению конфликтов юрисдикций. Автор согласен с мнением Франциса А. Габора о том, что отсутствие одного хорошо развитого международного частного

права порождает существенную неопределённость и политическую нестабильность как для Соединённых Штатов, так и для иностранных граждан, а отсутствие отдельного института международного частного права может представлять серьёзную проблему в попытках международной унификации законодательства, примененного к трансграничной купле-продажи товаров [1, с. 696–726]. Развитие подходов к разрешению конфликтов юрисдикций происходило параллельно с развитием правовой системы США, усилением федеральных органов государственной власти и постоянным совершенствованием законодательства США.

Однако даже при наличии отдельных (специальных) правовых актов, судебных кейсов, а также доктринальных источников, которые, казалось бы, должны помочь преодолеть коллизии в праве, с учётом разнообразия правоотношений такие коллизии будут возникать и в дальнейшем, что будет давать стимул к дальнейшему развитию системы конфликтного права в США.

За последние 15 лет американские суды рассмотрели более чем 2 000 судебных споров, касающихся вопросов конфликтного права. При этом, несмотря на существенные различия в регулировании вопросов разрешения конфликтов юрисдикции, богатый опыт права США может быть применим в других странах [22, с. 20].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Монастырский Ю. Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 136 с.

² См.: Tenth Amendment – U.S. Constitution [Electronic resource]. – URL: <https://constitution.findlaw.com/amendment10.html> (accessed 20 March 2020).

³ См.: U.S. Constitution [Electronic resource]. Art. VI, cl. 2. – URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/articlevi> (accessed 20 March 2020).

⁴ Жильцов А. Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 214 с.

⁵ Монастырский Ю. Э. Указ соч.

⁶ Там же. – С. 136.

⁷ Жильцов А. Н. Указ. соч.

⁸ См.: U.S. Constitution [Electronic resource]. Art. IV. – URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution> (accessed 20 March 2020).

⁹ Положение соотносится с положениями ст. VI абзаца 2 Конституции США. (См.: U.S. Constitution [Electronic resource]. Art. VI, cl. 2. – URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/articlevi> (accessed 20 March 2020)).

¹⁰ См.: U.S. Supreme Court. *Hilton v. Guyot*, 159 U.S. 113 (1895) [Electronic resource]. – URL:

<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/159/113/> (accessed 20 March 2020).

¹¹ См.: Конвенция Организации Объединённых Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg (дата обращения: 20.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gabor F.* Emerging Unification of Conflict of Laws Rules Applicable to the International Sale of Goods. UNCITRAL and the New Hague Convention on Private International Law // *Northwestern Journal of International Law & Business*. – 1986. – Vol. 7, iss. 4. – P. 696–726.
2. *Gabor F.* Stepchild of the New Lex Mercatoria: Private International Law from the United States Perspective Symposium: Reflections on the International Unification of Sales Law // *Northwestern Journal of International Law & Business*. – 1988. – Vol. 8, iss. 3 (Winter). – P. 538–569.
3. *Cheatham E.* Sources of rules for conflict of laws // *University of Pennsylvania Law Review*. – 1941. – February. – P. 430–452.
4. *Гетьман-Павлова И. В., Каримова Л. И.* Кодификация коллизионного регулирования внедоговорных обязательств в штате Орегон (США) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2015. – № 2. – С. 186–201.
5. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1996. – 400 с.
6. *Ласк Г.* Гражданское право США: (Право торгового оборота) / сокращ. пер. с англ. Ю. Э. Милитаревой и В. А. Дозорцева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 774 с.
7. *Kegel G.* The Crisis of Conflict of Laws // *Recueil des Cours*. – 1964. – Vol. 112. – P. 615.
8. *Sauveplanne J.* New Trends in the Doctrine of Private International Law and their Impact on Court Practice // *Recueil des Cours*. – 1982. – Vol. 175. – P. 9–98.
9. *Vitta E.* The Impact in Europe of the American “Conflicts Revolution” // *American Journal of Comparative Law*. – 1982. – Vol. 30. – P. 1–6.
10. *Асосков А. В.* Современное американское коллизионное право: теория «анализа правительственного интереса» Бр. Карри, её последующее развитие и критика // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. – 2011. – № 2. – С. 85–107.
11. *Curry Br.* Selected Essays on the Conflict of Laws. – Durham: Duke University Press, 1963. – 761 p.
12. *Brilmayer L., Goldsmith J., O'Connor E. O.* Conflict of laws: Cases and Materials. – 7th ed. – New York: Wolters Kluwer, 2015. – 870 p.
13. *Brilmayer L.* Interest Analysis and the Myth of Legislative Intent // *Michigan Law Review*. – 1980. – Vol. 78. – P. 392–431.
14. *Baxter W.* Choice of Law and Federal System // *Stanford Law Review*. – 1963. – Vol. 16, iss. 1. – P. 1–42.
15. *Nafziger J.* Resolving International Conflict of Laws by Federal and State Law // *Pace Yearbook of International Law*. – 1990. – Vol. 2. – P. 67–82.
16. *Cavers D.* The Choice of Law Process. – Michigan: University of Michigan Press, 1981. – 350 p.
17. *Leflar R., McDougall III L., Felix R.* American Conflicts Law. – 4th ed. – Charlottesville: [s. n.], 1986. – 279 p.
18. *Leflar R.* Conflicts Law: More on Choice-Influencing Considerations // *California Law Review*. – 1966. – Vol. 54. – P. 1584–1598.
19. *Childress III D. E.* International conflict of laws and the new conflicts restatement // *Duke Journal of Comparative & International Law*. – 2017. – Vol. 27. – P. 361–379.
20. *Childress III D. E., Ramsey M. D., Whytock C. A.* Transactional Law and Practice. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2015. – 1056 p.
21. *Floreay K.* Big Conflicts Little Conflicts // *Arizona State Law Journal*. – 2015. – Vol. 47. – P. 654–684.
22. Private International Law at the End of the 20th Century: Progress or Regress? : XVth International Congress of Comparative Law / ed. by S. Symeonides. – The Hague; Boston: Kluwer Law International, 2000. – 512 p.

Информация об авторе

Чумаченко Иван Николаевич – кандидат юридических наук, ассистент кафедры гражданского права, процесса и международного частного права

Юридический институт, Российский университет дружбы народов

Адрес для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

E-mail: chumachenko_in@rudn.university

Author ID: 959882

Информация о статье

Дата поступления – 16 февраля 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Чумаченко И. Н. Особенности разрешения внутригосударственных и трансграничных коллизий в США // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 31–40. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).31-40.

SPECIFIC ISSUES OF THE RESOLVING OF THE INTERNAL AND CROSS-BORDER CONFLICT OF LAWS IN THE UNITED STATES OF AMERICA*

I.N. Chumachenko

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Introduction. The relevance of the article is due to the development of cross-border trade relations with the participation of residents of the United States of America and other states, in particular, and interest in questions about the correct choice of the applicable law in the framework of legal relations with the participation of US residents carried out in the territory or under the jurisdiction of the United States. **Purpose.** The author aims to consider the basic concepts, as well as some features of resolving conflicts arising between the provisions of federal law, the laws of certain states with the laws of other states, as well as, in some cases, with international law. **Methodology.** In the framework of the study, the author used various methods, in particular, the dialectical method, methods of analysis, synthesis, the formal legal method, the comparative legal method, as well as the method of interpretation of legal acts and judicial precedents. **Results.** The author examined the features of conflict resolution in accordance with statutory legislation, judicial precedents, as well as US doctrinal sources. The author provides the basic concepts regarding conflict law, which contain the main approaches to resolving the conflict of various jurisdictions in the United States. **Conclusion.** Based on the results of the study, the author concludes that even if there are separate (special) legal acts, court cases, as well as doctrinal sources that, it would seem, should help overcome conflicts between different legal systems, given the diversity of legal relations, such collisions will arise in the future, which will push lawmakers to further develop issues of US conflict law.

Keywords: collision; conflict law; private international law; U.S. law; collision of legal systems.

* The author of this article expresses his gratitude and deep appreciation to Mikhail Kuznetsov, doctor of law, Professor of the Department of civil law, procedure and private international law of the law Institute of the peoples' friendship University of Russia, For his active assistance in preparing and reviewing this article.

REFERENCES

1. Gabor F. Emerging Unification of Conflict of Laws Rules Applicable to the International Sale of Goods. UNCITRAL and the New Hague Convention on Private International Law. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 1986, vol. 7, iss. 4, pp. 696-726.
2. Gabor F. Stepchild of the New Lex Mercatoria: Private International Law from the United States Perspective Symposium: Reflections on the International Unification of Sales Law. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 1988, vol. 8, iss. 3 (Winter), pp. 538-569.
3. Cheatham E. Sources of rules for conflict of laws. *University of Pennsylvania Law Review*, 1941, February, pp. 430-452.
4. Getman-Pavlova I.V., Karimova L.I. Codification of conflict regulation of non-contractual obligations in the state of Oregon (USA). *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2015. no. 2, pp. 186-201. (In Russ.).
5. David R., Joffrey-Spinozi C. *The main legal systems of our time*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1996. 400 p. (In Russ.).
6. Lusk F. Harold. *Business Law Principles and Cases*, 5th ed. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1961. 774 p. (In Russ.).
7. Kegel G. The Crisis of Conflict of Laws. *Recueil des Cours*, 1964, vol. 112, pp. 615.

8. Sauveplanne J. New Trends in the Doctrine of Private International Law and their Impact on Court Practice. *Recueil des Cours*, 1982, vol. 175, pp. 9-98.
9. Vitta E. The Impact in Europe of the American "Conflicts Revolution". *American Journal of Comparative Law*, 1982, vol. 30, pp. 1-6.
10. Asoskov A.V. Modern American conflict law: the theory of "analysis of government interest" Br. Curry, its subsequent development and criticism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 2011, no. 2, pp. 85-107. (In Russ.).
11. Curry Br. *Selected Essays on the Conflict of Laws*. Durham, Duke University Press, 1963. 761 p.
12. Brilmayer L., Goldsmith J., O'Connor E.O. *Conflict of laws: Cases and Materials*, 7th ed. New York, Wolters Kluwer, 2015. 870 p.
13. Brilmayer L. Interest Analysis and the Myth of Legislative Intent. *Michigan Law Review*, 1980, vol. 78, pp. 392-431.
14. Baxter W. Choice of Law and Federal System. *Stanford Law Review*, 1963, vol. 16, iss. 1, pp. 1-42.
15. Nafziger J. Resolving International Conflict of Laws by Federal and State Law. *Pace Yearbook of International Law*, 1990, vol. 2, pp. 67-82.
16. Cavers D. *The Choice of Law Process*. Michigan, University of Michigan Press, 1981. 350 p.
17. Leflar R., McDougall III L., Felix R. *American Conflicts Law*, 4th ed. Charlottesville, 1986. 279 p.
18. Leflar R. Conflicts Law: More on Choice-Influencing Considerations. *California Law Review*, 1966, vol. 54, pp. 1584-1598.
19. Childress III D.E. International conflict of laws and the new conflicts restatement. *Duke Journal of Comparative & International Law*, 2017, vol. 27, pp. 361-379.
20. Childress III D.E., Ramsey M.D., Whytock C.A. *Transactional Law and Practice*. New York, Wolters Kluwer Law & Business, 2015. 1056 p.
21. Florey K. Big Conflicts Little Conflicts. *Arizona State Law Journal*, 2015, vol. 47, pp. 654-684.
22. Symeonides S. (ed.). *Private International Law at the End of the 20th Century: Progress or Regress?*, XVth International Congress of Comparative Law. The Hague, Boston, Kluwer Law International, 2000. 512 p.

About the author

Chumachenko Ivan – Ph.D. in Law, Assistant at the Department of Civil Law, Process and International Private Law

Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

Postal address: 6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117198, Russia

E-mail: chumachenko_in@rudn.university

Author ID: 959882

Article info

Received – February 20, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Chumachenko I.N. Specific Issues of the Resolving of the Internal and Cross-Border Conflict of Laws in the United States of America. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 31-40. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).31-40. (In Russ.).

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Е. Ю. Коваленко, О. А. Шавандина

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Введение. В современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации физическая культура и спорт выступают залогом формирования здорового образа жизни населения и являются важными показателями успехов россиян, участвующих в различных спортивных мероприятиях различного уровня. Вместе с тем количество лиц, занимающихся физической культурой и спортом, в России незначительно, что обусловлено недостаточным уровнем правосознания граждан, недоступностью качественных услуг в данной сфере, неразвитостью инфраструктуры, наличием пробелов и коллизий в правовом регулировании данного блока общественных отношений. Одним из путей решения перечисленных проблем является развитие системы источников правового регулирования спортивных отношений. **Цель.** На основе изученных источников правового воздействия на спортивные отношения в России и зарубежных странах, теоретических разработок и материалов судебной практики авторами предпринята попытка сформировать модель правового регулирования спортивных отношений. **Методология.** Авторы в процессе написания статьи использовали формально-юридический, логический, системный и сравнительно-правовой методы. **Результаты.** Изучение действующих источников российского и зарубежного права, регулирующих спортивные отношения, позволяет говорить о наличии сложной, многоуровневой системы правового регулирования. Государственный уровень правового воздействия представлен комплексом нормативных правовых актов, являющихся формальными источниками регулирования спортивных отношений. Негосударственный уровень включает в себя обычаи, унифицированные правила, иные рекомендательные акты, а также локальные и договорные нормы, созданные самими участниками спортивных отношений с учётом специфики сложившихся между ними отношений. **Заключение.** Исходя из анализа различных источников, авторы предлагают модель правового регулирования спортивных отношений в Российской Федерации, представляющую собой многоуровневую систему источников государственного и негосударственного воздействия на поведение участников данных отношений. Сделан вывод о необходимости расширения диспозитивных начал в системе правового регулирования спортивных отношений путём активного использования таких регуляторов, как локальное и договорное нормотворчество, а также иных форм негосударственного воздействия на поведение участников данных отношений.

Ключевые слова: источники права; модель правового регулирования; государственный уровень правового регулирования; негосударственный уровень правового регулирования; спортивное законодательство; спортивные отношения; договор; обычай; рекомендательные акты; локальные и договорные нормы; участники спортивных отношений; баланс интересов участников спортивных отношений; обеспечение и защита прав и интересов сторон договора.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации».

1. Введение

В современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации физическая культура и спорт выступают

залогом формирования здорового образа жизни населения и являются важными показателями успехов россиян, участвующих в спортивных мероприятиях различного уровня.

Вместе с тем количество лиц, занимающихся физической культурой и спортом, в России незначительно, что обусловлено недостаточным уровнем правосознания граждан, недоступностью качественных услуг в данной сфере, неразвитостью инфраструктуры, наличием пробелов и коллизий в правовом регулировании данного блока общественных отношений.

В РФ разработан ряд концепций и стратегий, призванных заложить фундамент для дальнейшего развития общественных отношений в сфере физической культуры и спорта в виде формирования адекватной правовой основы, регулирующей данные отношения. В частности, приняты Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г., утверждённая Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р, Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Кроме того, в России распоряжением Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1188-р утверждена Стратегия развития спортивной индустрии до 2035 г. и комплекс мер по формированию современной отрасли спортивной индустрии на 2019–2020 гг., Приказом Минспорта РФ от 21 ноября 2017 г. № 1007 утверждена Концепции развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 г.

На сегодняшний день можно выделить некоторые важные направления совершенствования системы правового регулирования в данной сфере, к числу которых относится формирование общих направлений развития системы общественных отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта; создание правовой основы, позволяющей надёжно и эффективно функционировать всем участникам этих отношений; внедрение механизма надёжной и адекватной защиты субъектов на уровне негосударственного воздействия. Расширение диспозитивных начал с использованием всех средств негосударственного воздействия на спортивные

отношения, создание надлежащих правовых механизмов и гарантий самими участниками для себя в каждом конкретном случае будут выступать надёжными способами защиты нарушенных прав и способствовать достижению оптимального баланса интересов всех участников спортивных отношений.

2. Методология

В ходе изучения источников правового регулирования спортивных отношений в России и за рубежом авторами использовались формально-юридический, логический, системный и сравнительно-правовой методы. Кроме того, указанные методы явились эффективными инструментами в процессе научного исследования теоретических и практических проблем развития правового регулирования спортивных отношений, а также разработки модели правового регулирования спортивных отношений в РФ.

3. Система источников правового регулирования спортивных отношений в Российской Федерации

В настоящее время в России отношения, возникающие в сфере физической культуры и спорта, могут успешно и эффективно развиваться только при наличии такой нормативно-правовой базы, основными характеристиками которой являются стабильность, адекватность, доступность и системность. Спортивные отношения, ввиду их специфичности, в нашей правовой системе регулируются нормами различных отраслей права. Комплексный характер общественных отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта, предполагает воздействие на них правовых норм разной отраслевой принадлежности.

Под источником права в формальном (юридическом) смысле традиционно понимают юридическую форму выражения воли государства, с помощью которой она становится обязательной для исполнения. Характеристика источников права как форм объективирования правовых норм является преобладающей в литературе [1, с. 23–36].

Государственный уровень правового воздействия на спортивные отношения может быть разделён на международный и национальный уровни. Национальный уровень представлен федеральным и региональным подуровнями, органы которых могут принимать правовые нормы как общего характера

(направлены на регулирование всех отношений в сфере физической культуры и спорта), так и специального характера (направлены на регулирование отдельных, специфичных отношений в сфере физической культуры и спорта).

В состав спортивного законодательства и иных актов, содержащих нормы спортивного права в РФ, входят: Конституция РФ; кодексы РФ и принятые в соответствии с ними иные федеральные законы, регулирующие спортивные отношения; указы Президента РФ, которые не должны противоречить кодексам и иным законам РФ; постановления Правительства РФ, содержащие нормы спортивного права; акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, содержащие нормы спортивного права, в случаях и в пределах, предусмотренных кодексами, другими законами и иными правовыми актами; акты региональных органов власти и управления, издаваемые в пределах их компетенции, в соответствии с разграничением полномочий между РФ и субъектами; акты местных органов власти и управления в пределах их компетенции.

Основополагающее значение в системе источников спортивного права России имеет Конституция РФ, в которой содержатся нормы, обеспечивающие конституционные основы правового регулирования спортивных отношений. В частности, ст. 41, ч. 1 и 5 ст. 43, ч. 2 ст. 446, п. «е» ст. 72 Конституции РФ.

Важнейшими источниками правового регулирования спортивных отношений являются федеральные законы. Наиболее важным выступает Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, который устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в РФ, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте. Не менее значимыми являются нормы, закреплённые в иных нормативных правовых актах. К источникам правового регулирования отдельных видов спортивных отношений относятся Гражданский кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правона-

рушениях, Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1, Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ, Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 и ряд других законов и подзаконных нормативных правовых актов, обеспечивающих регулирование и охрану спортивных отношений.

На уровне субъектов Российской Федерации также принимается множество нормативных правовых актов, регулирующих спортивные отношения. Например, в Алтайском крае были реализованы ведомственные целевые программы «Развитие физической культуры и спорта в Алтайском крае» на 2009–2011 гг., «Развитие краевого государственного образовательного учреждения среднего профессионального образования техникума «Алтайское училище олимпийского резерва» на 2011–2013 гг., «Развитие футбола в Алтайском крае» на 2011–2013 гг., «Развитие хоккея в Алтайском крае» на 2009–2011 гг., Стратегия развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 г., одобренная Постановлением Администрации Алтайского края от 4 мая 2011 г. № 100, реализуется Закон Алтайского края от 11 сентября 2008 г. № 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае».

Международный уровень правового регулирования составляют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ универсального, регионального и двустороннего характера. Указанные принципы и нормы являются составной частью правовой системы РФ в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ, их роль и значение широко обсуждается в юридической литературе [2, с. 122–132; 3, с. 195–200].

Негосударственный уровень воздействия на спортивные отношения представлен источниками, к числу которых на международном уровне можно отнести обычаи, деловые обыкновения, своды лучших практик, иные рекомендательные акты, на национальном уровне – локальные, договорные и обычные нормы. Так, в сфере спорта немаловажное значение имеют такие источники негосударственного регулирования, как правила,

положения и другие акты, принимаемые спортивными федерациями по соответствующим видам спорта и другими спортивными организациями, регламенты спортивных соревнований, различные договоры со спонсорами, партнёрами, рекламодателями, организаторами спортивных мероприятий, спортивными федерациями и т. д.

4. Источники правового регулирования спортивных отношений в зарубежных странах

Регулирование спортивных отношений в зарубежных странах отличается своеобразием. В одних странах принят специальный закон или кодифицированный акт, регулирующий большинство отношений, возникающих в сфере спорта. Например, в Испании действует Закон от 15 октября 1990 г. № 10/1990 «О спорте». В развитие указанного Закона Испании был издан Королевский Декрет № 1835/1991 от 20 декабря 1991 г. «Об испанских спортивных федерациях и реестре спортивных ассоциаций», ряд иных актов [4, с. 25–40]. Специальные законы о спорте также приняты в Италии (Закон Италии от 23 марта 1981 г. № 91 «Правовые основы отношений между спортивными организациями и профессиональными спортсменами»), в Польше (Закон Польской Республики «О спорте» 2010 г.), в Чехии (Закон от 28 февраля 2001 г. № 115 «О поддержке спорта»), в Китае (Закон КНР 1995 г. «О физической культуре и спорте»), в Мексике (Общий закон Мексики от 5 июня 2013 г. «О физической культуре и спорте») и ряде других стран [5, с. 7–21].

В ряде стран действуют кодифицированные акты, регулирующие спортивные отношения. Например, во Франции принят Спортивный кодекс Франции¹. В Бразилии приняты Бразильский кодекс спортивной юстиции и Бразильский кодекс профессиональной этики в сфере физического воспитания [6].

В других странах нормы, направленные на регулирование спортивных отношений, содержатся в различных нормативных правовых актах. Например, в Основном законе Германии (Grundgesetz) к сфере спорта можно отнести следующие положения: ст. 2 (1) (общая свобода действий), ст. 9 (1) (свобода ассоциаций), ст. 12 (1) (свобода профессии). Отношения между спортивными федерация-

ми и спортсменами регулируются, в частности, нормами гражданского права и Законом об ассоциациях. Трудовое законодательство Германии в полной мере распространяется на сферу спорта [7, с. 111–123].

Кроме того, есть страны с минимальным количеством норм, принятых уполномоченными государственными органами, регулирующих отношения в сфере спорта, так как приоритет отдаётся негосударственному воздействию на эти отношения посредством принятия локальных и договорных норм. Например, в Швеции многие отношения, возникающие в сфере спорта, в том числе и трудовые, регулируются на негосударственном уровне, например, нормами, закреплёнными в коллективных договорах.

В странах Европейского союза (далее – ЕС) существенная роль в регулировании спортивных отношений отводится прецедентной судебной практике на уровне ЕС, признавшей право спортсменов на свободное передвижение. Спортивное право многих стран включает в себя любые нормы обязательного и рекомендательного характера (в том числе законодательство, устойчивую (прецедентную) практику высших национальных и международных судов, кодексы профессиональной этики и т. д.), регулирующие спортивные отношения и затрагивающие интересы участников спортивных отношений, что во многом является не характерным для нашей правовой системы.

Наиболее значимыми документами рекомендательного характера, регулирующими различные направления деятельности участников спортивных отношений, являются акты, принимаемые значимыми международными организациями. Например, Генеральная Ассамблея ООН в принятых резолюциях 48/10 от 1 ноября 1993 г., 64/4 от 19 октября 2004 г., 66/5 от 17 октября 2011 г., 07/17 от 28 ноября 2012 г., 67/296 от 23 августа 2013 г., 69/6 от 31 октября 2014 г. и многих других неоднократно обращала внимание на значимость спорта как мощного инструмента продвижения мира, благополучия и равенства. «Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития» – так озаглавлена резолюция, принятая 3 декабря 2018 г. Генеральной Ассамблеей ООН в Нью-Йорке. В Повестке дня в области устойчивого развития на период до

2030 г. признается, в частности, что спорт является одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития.

Основополагающее значение также имеют универсальные международные акты, среди которых можно назвать Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека и гражданина 1966 г., Олимпийскую хартию, введенную в действие с 9 октября 2018 г., Международную хартию физического воспитания и спорта 1978 г., Конвенцию против применения допинга 1989 г., Международную конвенцию против апартеида в спорте 1985 г., Конвенцию Международной организации труда (МОТ) и др. Среди международных актов регионального характера в сфере спорта можно отметить Европейскую спортивную хартию 1992 г., Европейскую конвенцию о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий 1985 г., Кодекс спортивной этики Европейского союза 1992 г., Концепцию евразийской социальной хартии, принятой Межпарламентской Ассамблеей ЕврАзЭС в 2004 г., Регламент Европейского союза 593/2008 от 17 июня 2008 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I) и другие многочисленные директивы и рекомендации Совета министров Европейского союза.

5. Проблемы и перспективы развития правового регулирования спортивных отношений в России и за рубежом

В российской юридической литературе уже давно обсуждается проблема кодификации спортивного законодательства, которое в настоящее время носит межотраслевой характер ввиду комплексного характера многочисленных отношений, складывающихся в сфере физической культуры и спорта. Несмотря на наличие ряда нормативных правовых актов, регулирующих спортивные отношения, многие вопросы в этой сфере остаются неурегулированными, а также присутствуют противоречия между нормами, содержащимися в различных правовых актах. Действующий Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» не регулирует все возникающие в сфере спорта общественные отношения. Многие

нормы данного нормативного акта нуждаются в совершенствовании с целью восполнения пробелов, устранения коллизий, а также унификации и гармонизации с нормами международного права.

По мнению А. А. Соловьёва, издание нескольких десятков федеральных законов в этой сфере, в том числе законов, не может рассматриваться как реалистичная возможность совершенствования спортивного права России. Поэтому автор предлагает Концепцию Спортивного кодекса РФ как основополагающего, системообразующего, фундаментального акта, консолидирующего все законодательные акты в этой области [8, с. 10–25]. А. Т. Сихарулидзе считает, что в процессе совершенствования правового регулирования спортивных отношений во главу угла необходимо поставить именно правовое регулирование посредством принятия нормативных правовых актов, и в первую очередь законов, с учётом положительного опыта зарубежных стран².

Несомненно, что развитие спортивных отношений объективно требует и адекватного совершенствования правовых норм. За последние годы спортивное законодательство формировалось путём создания актов, регулирующих отдельные элементы разнообразных межотраслевых отношений в сфере спорта. В целом оно обеспечивает надлежащую правовую основу для функционирования спортивных отношений, однако имеет ряд недостатков, сдерживающих развитие активности граждан России в сфере физической культуры и спорта. В настоящее время спортивное законодательство плохо структурировано, не имеет общих положений, обеспечивающих системную связь нормативных положений в различных актах и единство правовых принципов в сфере физической культуры и спорта, имеет противоречия и представляет собой неоправданно огромный массив нормативных правовых актов. Поэтому принятие Спортивного кодекса в РФ обеспечит устранение названных проблем и стимулирует дальнейшее развитие общественных отношений в сфере физической культуры и спорта.

Ещё одним интересным вопросом является отнесение к источникам права судебных прецедентов и актов высших судебных ин-

станций. В литературе ведётся активная и многолетняя дискуссия о возможности отнесения к источникам права судебных прецедентов, т. е. судебных решений, имеющих обязательное значение при рассмотрении других аналогичных дел. Хотя официально в РФ судебный прецедент в качестве источника права не признаётся, тем не менее на практике при разрешении споров суды учитывают решения вышестоящих судов. Ряд специалистов отмечают возрастающую роль судебной практики и актов высших судебных инстанций [9, с. 14–26; 10, с. 125–133; 11, с. 293–309].

Несмотря на то, что формально судебная практика не является источником права в России, тем не менее она оказывает существенное влияние на совершенствование и развитие отечественного законодательства. Судебная практика огромна и весьма многообразна. Прежде всего это решения Конституционного Суда РФ, содержащие важные прецедентные правовые позиции по вопросам толкования конституционных основ любых видов деятельности на основе конкретных судебных дел. Они действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами. Одним из важных положений, лежащих в основе большинства правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, является идея баланса интересов, на что обращается внимание в юридической литературе [12, с. 123–128].

Единообразие в понимании содержания норм права длительное время обеспечивалось выработкой правовых позиций на уровне Высшего Арбитражного Суда РФ, ныне присоединённого к Верховному Суду РФ. В связи с этим многие специалисты к источникам права относят сохранившие силу постановления Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и действующие постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ [13, с. 73–77], а также обращают внимание на важность судебного толкования и его влияние на правоприменение в России [14, с. 172–187]. Верховному Суду РФ, в соответствии со ст. 126 Конституции РФ, предоставлено право давать разъяснения по вопросам судебной практики. В частности, в области спорта немаловажное значение

имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 52 от 24 ноября 2015 г. «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров», Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2015 г.) и др.

В качестве неформализованных, нетрадиционных источников права новой категории в литературе выделяются решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Специалисты отмечают, что решения ЕСПЧ, являясь разновидностью прецедентного права, успешно привились в континентальной правовой системе и стали выполнять функцию одного из важнейших источников российского права [15, с. 13]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» выделил понятие «правовые позиции ЕСПЧ» и указал, что они являются обязательными для судов и учитываются при применении законодательства РФ. Как закреплено в положениях Римского договора о регулировании трудовой, предпринимательской и другой экономической деятельности от 25 марта 1957 г., создаваемая ЕСПЧ судебная практика должна лежать в основе национального законодательства и национальной судебной практики.

Сегодня принято следить за значимыми решениями международных судебных органов, верховных национальных судов различных стран, использовать их в своей практике, а также обсуждать многие актуальные вопросы, возникающие в сфере международного правосудия на страницах юридической литературы [16, с. 218–233; 17, с. 28–43; 18, с. 356–372].

В современных условиях нельзя признать достаточным только государственное регулирование тех или иных общественных отношений. В мире возрастает роль так называемого негосударственного регулирования. В современной юридической литературе вопросы негосударственного регулирования разных сфер человеческой деятельности, в частности торговой, активно обсуждаются

российскими авторами, среди работ которых следует отметить диссертацию М. М. Панариной «Негосударственное регулирование торговой деятельности: унифицированные правила, обычаи и своды лучших практик» (2017).

Источники негосударственного регулирования спортивных отношений могут быть полезны как в качестве интересного зарубежного опыта регламентации отдельных сторон общественных отношений, так и в виде необходимого ресурса для расширения диспозитивных начал в российском праве путём активного использования субъектами спортивных отношений такого правового средства, как локальное и договорное нормотворчество. Например, договор имеет следующие преимущества в регулировании отношений, возникающих между участниками спортивных отношений: 1) способен учесть специфику отношений, возникающих между конкретными субъектами спортивного права, имеющими возможность самим создавать для себя нормы и правила поведения; 2) обеспечивает соблюдение баланса интересов субъектов спортивных отношений посредством установления в договоре соответствующих прав и обязанностей, актуальных для конкретной ситуации; 3) служит надёжным гарантом защиты нарушенных прав и законных интересов субъектов, так как может предусматривать адекватные санкции для недобросовестной стороны договора.

Что касается научных дискуссий по данному вопросу, то А. М. Агузаров указывает на необходимость совершенствования сочетания государственного и договорного регулирования, которое должно основываться на закреплении за каждым уровнем регулирования определённых рамок [19, с. 48–49]. Другие авторы отмечают тот факт, что законодательство, допуская диспозитивность в сфере регулирования оплаты труда спортсменов и тренеров, предоставляет возможность в локальных актах корпоративных организаций устанавливать особенности регулирования оплаты труда с учётом интересов всех участников трудовых отношений [20, с. 34]. Д. С. Вавилкин, А. А. Ташиян отмечают, что вопросы, касающиеся различий осуществления своей спортивной деятельности профессиональными спортсменами на осно-

ве либо гражданско-правового договора, либо трудового договора, продолжают оставаться одной из актуальных тем научных дискуссий. Авторы указывают, что в сфере спорта доминирует трудовой договор, оформляющий трудовые отношения между спортсменом и работодателем, и предлагают включать в содержание трудовых договоров с профессиональными спортсменами ряд ограничивающих условий [21, с. 200–206].

Кроме того, в научной литературе [22, с. 59–61] неоднократно обозначалась проблема, связанная с тем, что многие своевременные, обоснованные предложения учёных-юристов, практических работников, специалистов, направленные на совершенствование правового регулирования общественной жизни, остаются неоправданно не востребованными, их не используют в достаточной мере при законотворческой деятельности, что негативно сказывается на полноценном и правовом регулировании и, следовательно, функционировании и развитии физической культуры и спорта в России.

Российские учёные, отмечая специфичный и комплексный характер сферы физической культуры и спорта, обращают внимание на необходимость дальнейшего развития правового регулирования спортивных отношений [23, с. 5–12] и целесообразность развития международного сотрудничества с зарубежными странами [24, с. 39–40].

На страницах зарубежной литературы также можно встретить дискуссии по вопросам правового воздействия на общественные отношения, возникающие в сфере спорта. Например, К. Пийтлович отмечает тот факт, что в силу специфики складывающихся в странах ЕС отношений в сфере спорта особую важность приобретают нормы-ограничения и нормы-исключения, относящиеся к государственному уровню правового воздействия на указанные отношения [25, с. 86–100]. Авторы указывают, что самоуправление спортивных федераций в Европе, основанное на правовой, финансовой и политической автономии, предполагает принятие локальных норм, нацеленных на регулирование спортивных отношений в соответствии со спецификой определённого вида спорта, соответствующих требованиям законодательных актов ЕС [26, с. 243–251]. Другие зарубежные ав-

торы считают, что ЕС не имеет полномочий по установлению императивных норм для органов управления в спорте, однако ЕС осуществляет надзорную юрисдикцию, вытекающую из соответствующих норм торгового права ЕС [27; 28].

Кроме того, авторами выделяются разные системы управления в спорте в зависимости от степени вмешательства государства в регулирование спортивных отношений. Одни государства определяют общие политико-правовые тенденции в спорте и его финансовую поддержку, а другие – осуществляют управление или опеку спортивных организаций [29, с. 116–128; 30, с. 171–183].

Важное место в зарубежных источниках отводится сравнительно-правовым исследованиям. Так, в литературе отмечается транснациональный характер правил профессионального спорта, что, однако, не влечёт простого копирования международных норм на уровне страны или региона [31, с. 36–42; 32, с. 24–45].

Таким образом, в силу сложности и специфичности спортивных отношений для их развития необходимы усилия всех заинтересованных лиц, в частности государства, участников спортивных отношений и общества в целом. Некоторые из рассмотренных проблем правового регулирования спортивных отношений могут быть частично учтены при разработке стратегий и концепций развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на следующие периоды. Другие актуальные вопросы теоретического и практического характера, требующие скорейшего решения, могут быть реализованы через специальные локальные и договорные нормы.

6. Заключение

Исходя из анализа различных источников, регулирующих отношения в сфере физической культуры и спорта в России и зарубеж-

ных странах, авторами предложена модель правового регулирования спортивных отношений в Российской Федерации, представляющая собой многоуровневую систему источников государственного и негосударственного воздействия на поведение участников данных отношений. Сделан вывод о необходимости расширения диспозитивных начал в системе правового регулирования спортивных отношений путём активного использования такого регулятора, как договор, а также иных форм негосударственного воздействия на поведение участников данных отношений. Особый характер отношений, складывающихся в сфере спорта, обуславливает своеобразие правового регулирования, сочетающего централизованное законодательное регулирование и локальное регулирование, путём создания норм на уровне спортивных федераций и других спортивных организаций, а также договорное регулирование на уровне отдельных субъектов спортивных отношений. При этом одна из актуальных задач грамотной модели правового регулирования спортивных отношений заключается в обеспечении адекватного баланса интересов государства и других участников спортивных отношений. Так, наряду с императивными нормами, предусматривающими необходимые рамки и ограничения в сфере спорта, законодатель предоставляет свободу участникам спортивных отношений в установлении специфичных норм локального и индивидуального характера, отражающих как специфику конкретного вида спорта, так и уникальность каждого отдельного спортивного правоотношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спортивный кодекс Франции. Регламентарная часть – Декреты. Книги I и II / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М. : [б. и.], 2010. – 203 с. – (Серия «Актуальные проблемы спортивного права» ; вып. 5).

² Там же. – С. 3–5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобин А. В. Формы права в современной России // *Lex Russica*. – 2018. – № 4. – С. 23–36.
2. Ануфриева Л. П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или О принципах права вообще и о принципах права в международном праве // *Lex Russica*. – 2018. – № 11. – С. 122–132.
3. Ершов В. В. О формах международного права, реализуемых в России // *Вестник Томского университета*. – 2018. – № 427. – С. 195–200. – DOI: 10.17223/15617793/427/27.

4. Соловьёв А. А., Понкин И. В. Испанское законодательство о спорте / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М. : [б. и.], 2011. – 158 с. – (Серия «Актуальные проблемы спортивного права» ; вып. 10).
5. Шевченко О. А. Международное и сравнительное трудовое право в сфере профессионального спорта : монография. – М. : Проспект, 2014. – 145 с.
6. Соловьёв А. А. Зарубежные модели и опыт кодификации спортивного законодательства / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М. : [б. и.], 2011. – 100 с. – (Серия «Актуальные проблемы спортивного права» ; вып. 6).
7. Шевченко О. А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров в зарубежных странах и российском законодательстве // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2015. – № 4. – С. 111–123.
8. Соловьёв А. А. Концепция проекта Спортивного кодекса Российской Федерации / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М. : [б. и.], 2009. – 55 с. – (Серия «Актуальные проблемы спортивного права» ; вып. 1).
9. Гук П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. – 2016. – № 7. – С. 14–26. – DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.014-027.
10. Гаврилова Ю. А. Судебная практика и правоприменительное смыслообразование в Российской Федерации // Lex Russica. – 2018. – № 7. – С. 125–133. – DOI: 10.17803/1729-5920.2018.140.7.125-134.
11. Самсонов Н. В. К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, вып. 2. – С. 293–309. – DOI: 10.21638/14.2019.207.
12. Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. – 2015. – № 1. – С. 123–128.
13. Шиткина И. С. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. – 2013. – № 4. – С. 73–77.
14. Малютин Н. С. Роль судебного толкования в обеспечении стабильности конституционного строя в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, вып. 2. – С. 172–187. – DOI: 10.21638/11701/14.2018.204.
15. Сыченко Е. В. Практика Европейского суда по правам человека в области защиты трудовых прав граждан и права на социальное обеспечение. – М. : Юстицинформ, 2014. – 160 с.
16. Исполинов А. С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 218–233. – DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.218.233.
17. Кучин М. В. Эволюция международного судебного нормотворчества // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 5. – С. 28–43.
18. Чубаров В. В. К теории и практике спортивного арбитража // Основные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. Л. Маковского. – М. : Статут, 2010. – С. 356–372.
19. Агузаров А. М. К вопросу об оплате труда спортсменов и тренеров и его правовому регулированию // Спортивное право. – 2013. – № 6. – С. 46–50.
20. Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография / [Ю. П. Орловский и др.] ; отв. ред. Ю. П. Орловский. – М. : Юстицинформ, 2012. – 240 с.
21. Вавилкин Д. С., Тацян А. А. Особенности трудового договора профессионального спортсмена // Юристь-правоведь. – 2017. – № 3. – С. 200–206.
22. Овчинников А. И., Далгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. – 2016. – № 2. – С. 59–61.
23. Алексеев С. В. Спортивное право России. – М. : Юнити-Дана, 2016. – 1055 с.
24. Иглин А. В. Актуальные проблемы европейского спортивного права // Спорт: экономика, право, управление. – 2014. – № 1. – С. 39–40.
25. Pijetlovic K. EU sports law: a uniform algorithm for regulatory rules // International Sports Law Journal. – 2017. – № 17. – P. 86–100.
26. Schulenkorf N. Managing sport-for-development: Reflections and outlook // Sport Management Review. – 2017. – № 20. – P. 243–251.
27. Weatherill S. The Influence of EU Law on Sports Governance // European Sports Law : collection papers. – The Hague : T.M.C. Asser Press, 2014. – P. 28–34. – (ASSER International Sports Law Series).
28. Peachey J. W., Schulenkorf N., Hil P. Sport-for-development: A comprehensive analysis of theoretical and conceptual advancements // Sport Management Review. – 2019. – DOI: 10.1016/j.smr.2019.11.002.
29. De Dycker S. Good governance in Sport: comparative law aspects // International Sports Law Journal. – 2019. – № 19. – P. 116–128.
30. Di Marco A. The internal governance of sporting organizations: international convergences on an idea of democracy // International Sports Law Journal. – 2019. – № 19. – P. 171–183.

31. *Siekman R. C. R., Soek J. Towards a Typology of (International) Comparative Sports Law (Research) // Lex Sportiva: What is Sports Law? / eds.: R. Siekman, J. Soek. – The Hague : T.M.C. Asser Press, 2012. – P. 36–42. – (ASSER International Sports Law Series).*
33. *Van Kleef R. The legal status of disciplinary regulations in sport // International Sports Law Journal. – 2014. – № 14. – P. 24–45.*

Информация об авторах

Коваленко Екатерина Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Алтайский государственный университет

Адрес для корреспонденции: 656000, Россия, Барнаул, пр. Социалистический, 68

E-mail: ekov_@mail.ru

SPIN-код: 1450-9571, AuthorID: 728822

ORCID: orcid.org/0000-0002-9860-6371

Шавандина Ольга Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Алтайский государственный университет

Адрес для корреспонденции: 656000, Россия, Барнаул, пр. Социалистический, 68

E-mail: shao07@rambler.ru

SPIN-код: 1853-4091, Author ID: 476258

ORCID: orcid.org/0000-0002-5083-2169

Информация о статье

Дата поступления – 20 апреля 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А. Источники правового регулирования спортивных отношений в Российской Федерации и зарубежных странах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 41–52. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).41-52.

SOURCES OF LEGAL REGULATION OF SPORTS RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

E.Y. Kovalenko, O.A. Shavandina

Altai State University, Barnaul, Russia

Introduction. In modern conditions of socio-economic development of the Russian Federation, physical culture and sport are the key to the formation of a healthy lifestyle of the population and are important indicators of the success of the Russians participating in various sports events at various levels. At the same time, the number of people involved in physical education and sports in Russia is insignificant, due to the insufficient level of citizens' legal awareness, the inaccessibility of receiving high-quality services in this area, the underdeveloped infrastructure, and the presence of gaps and conflicts in the legal regulation of this block of public relations. One of the ways to solve these problems is to develop a system of sources of legal regulation of sports relations. **Purpose.** Based on the studied sources of legal impact on sports relations in Russia and foreign countries, theoretical developments and materials of judicial practice, the authors attempted to form a model of legal regulation of sports relations. **Methodology.** The authors in the process of writing the article used formal legal, logical, systemic and comparative legal methods. **Results.** A study of existing sources of Russian and foreign law governing sports relations suggests the presence of a complex multi-level system of legal regulation. The state level of legal impact is represented by a set of regulatory legal acts, which are formal sources of regulation of sports relations. The non-state level includes customs, unified rules, other recommendatory acts, as well as local and contractual norms created by the participants in sports relations themselves, taking into account the specifics of the relations established between them. **Conclusion.** Based on the analysis of various sources regulating relations in the field of physical culture and sports in Russia and foreign countries, the authors propose a model of legal regulation of sports relations in the Russian Federation, which is a multi-level system of sources of state and non-state influence on the behavior of participants in these relations. It is concluded that it is necessary to expand the dispositive principles in the system of legal regulation of sports relations through the active use of such regulators as local and contractual rulemaking, as well as other forms of non-state influence on the behavior of participants in these relations.

Keywords: sources of law; model of legal regulation; state level of legal regulation; non-state level of legal regulation; sports legislation; sports relations; contract; custom; recommendatory acts; local and

contractual norms; participants in sports relations; balance of interests of participants in sports relations; ensuring and protecting rights and interests of the parties to the contract.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 20-011-00053 A "Legal regulation of sports relations in the Russian Federation".

REFERENCES

1. Zlobin A.V. Forms of law in modern Russia. *Lex Russica*, 2018, no. 4, pp. 23-36. (In Russ.).
2. Anufrieva L.P. The constitution of Russian Federation and international law: theoretical approach to the concept of "generally recognized principles and norms of international law", or On the principles in international law. *Lex Russica*. 2018, no. 11, pp. 122-132. (In Russ.).
3. Ershov V.V. On the forms of international law implemented in Russia. *Vestnik Tomskogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2018, no. 427, pp. 195-200. DOI: 10.17223/15617793/427/27. (In Russ.).
4. Soloviev A.A., Ponkin I.V. *Spanish sports law*. Moscow, 2011. 158 p. (Series "Actual problems of sports law", vol. 10). (In Russ.).
5. Shevchenko O.A. *International and comparative labor law in the field of professional sports*, monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 145 p. (In Russ.).
6. Soloviev A.A. *Foreign models and experience of codification of sports legislation*. Moscow, 2011. 100 p. (Series "Actual problems of sports law", vol. 6). (In Russ.).
7. Shevchenko O.A. Features of the labor regulation of professional athletes and coaches in foreign countries and in Russia. *Vestnik Universiteta im. O.Y. Kutafina = Kutafin Moscow State Law University Journal*, 2015, no. 4, pp. 111-123. (In Russ.).
8. Soloviev A.A. *The concept of the draft Sports Code of the Russian Federation*. Moscow, 2009. 55 p. (Series "Actual problems of sports law", vol. 1). (In Russ.).
9. Guk P.A. Judicial rule-making: questions of the theory and practice. *Lex Russica*, 2016, no. 7, pp. 14-26. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.014-027. (In Russ.).
10. Gavrilova Y.A. Court practice and enforcement legal sense in the Russian Federation. *Lex Russica*, 2018, no. 7, pp. 125-133. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.140.7.125-134. (In Russ.).
11. Samsonov N.V. On the place and significance of judicial practice and legal precedent in Russian civil procedural law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 293-309. DOI: 10.21638/14.2019.207. (In Russ.).
12. Pyankova A.F. The balance of interests as a principle of civil law. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Yurisprudentsiya = Vestnik of Volgograd State University. Law*, 2015, no. 1, pp. 123-128. (In Russ.).
13. Shitkina I.S. About recognition of judicial practice as a source of Russian law. *Khozyaistvo i pravo = Business and Law*, 2013, no. 4, pp. 73-77. (In Russ.).
14. Maliutin N.S. Role of judicial interpretation in the process of stabilization of constitutional order in the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 172-187. DOI: 10.21638/11701/14.2018.204. (In Russ.).
15. Sychenko E.V. *Practice of the European Court of Human Rights in the field of protection of labor rights of citizens and the right to social security*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 160 p. (In Russ.).
16. Ispolinov A. Dissenting opinions at international courts: doctrine and practice. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 1, pp. 218-233. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.218.233. (In Russ.).
17. Kuchin M. Evolution of international judicial rule-making. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu" = Electronic supplement to the Russian Juridical Journal*, 2018, no. 5, pp. 28-43. (In Russ.).
18. Chubarov V.V. To the theory and practice of sports arbitration, in: *The main problems of private law*, collection of articles for the jubilee of Doctor of Law, Professor A.L. Makovsky. Moscow, Statut Publ., 2010, pp. 356-372. (In Russ.).
19. Aguzarov A.M. Specifics of athletes and trainers legal wage and salary administration. *Sportivnoe pravo = Sports law*, 2013, no. 6, pp. 46-50. (In Russ.).
20. Orlovsky Yu.P. (ed.). *Actual problems of labor legislation in the context of economic modernization*, monograph. Moscow, Yustitsinform Publ., 2012. 240 p. (In Russ.).
21. Vavilkin D.S., Tasian A.A. Features of the employment contract of a professional athletes. *Yurist-pravoved = Jurist-Pravoved*, 2017, no. 3, pp. 200-206. (In Russ.).
22. Ovchinnikov A.I., Dalgatova A.O., Fathy V.I. Legal doctrine as right source in modern Russia. *Filosofiya prava = The philosophy of law*, 2016, no. 2, pp. 59-61. (In Russ.).
23. Alekseev S.V. *Russian sports law*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2016. 1055 p. (In Russ.).

24. Iglın A.V. Actual problems of the European sports law. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie = Sport: economics, law, management*, 2014, no. 1, pp. 39-40. (In Russ.).
25. Pijetlovic K. EU sports law: a uniform algorithm for regulatory rules. *International Sports Law Journal*, 2017, no. 17, pp. 86-100.
26. Schulenkorf N. Managing sport-for-development: Reflections and outlook. *Sport Management Review*, 2017, no. 20, pp. 243-251.
27. Weatherill S. The Influence of EU Law on Sports Governance, in: *European Sports Law*, collection papers. The Hague, T.M.C. Asser Press, 2014, pp. 28-34. (ASSER International Sports Law Series).
28. Peachey J.W., Schulenkorf N., Hil P. Sport-for-development: A comprehensive analysis of theoretical and conceptual advancements. *Sport Management Review*, 2019. DOI: 10.1016/j.smr.2019.11.002.
29. De Dycker S. Good governance in Sport: comparative law aspects. *International Sports Law Journal*, 2019, no. 19, pp. 116-128.
30. Di Marco A. The internal governance of sporting organizations: international convergences on an idea of democracy. *International Sports Law Journal*, 2019, no. 19, pp. 171-183.
31. Siekmann R.C.R., Soek J. Towards a Typology of (International) Comparative Sports Law (Research), in: Siekmann R., Soek J. (eds.). *Lex Sportiva: What is Sports Law?* The Hague, T.M.C. Asser Press, 2012, pp. 36-42. (ASSER International Sports Law Series).
32. Van Kleef R. The legal status of disciplinary regulations in sport. *International Sports Law Journal*, 2014, no. 14, pp. 24-45.

About the authors

Kovalenko Ekaterina – Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Civil Law
Altai State University

Postal address: 68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656000, Russia

E-mail: ekov_@mail.ru

SPIN-code: 1450-9571, Author ID: 728822

ORCID: orcid.org/0000-0002-9860-6371

Shavandina Olga – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
Altai State University

Postal address: 68, Sotsialisticheskii pr., Barnaul, 656000, Russia

E-mail: shao07@rambler.ru

SPIN-code: 1853-4091, Author ID: 476258

ORCID: orcid.org/0000-0002-5083-2169

Article info

Received – April 20, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Kovalenko E.Y., Shavandina O.A. Sources of Legal Regulation of Sports Relations in the Russian Federation and Foreign Countries. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 41-52. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).41-52. (In Russ.).

УДК 349.3

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).53-64

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕОБОСНОВАННОЙ ВЫПЛАТЫ ПЕНСИЙ ГРАЖДАНАМ, ПРОЖИВАЮЩИМ ЗА ГРАНИЦЕЙ

О. С. Курченко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность выплаты большинства видов пенсий тем гражданам, местом постоянного проживания которых является иностранное государство. Вместе с тем постоянное проживание пенсионера за границей повышает риск необоснованной выплаты пенсий и порождает потребность в использовании дополнительных правовых средств, направленных на предотвращение таких последствий. **Цель.** Целью исследования является описание системы правовых средств, которые направлены на предотвращение необоснованной выплаты российских пенсий гражданам, проживающим за границей, анализ положений российских и международно-правовых актов, закрепляющих указанные правовые средства. **Методология.** Для достижения поставленных целей были использованы главным образом формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой методы. **Результаты.** Система правовых средств по предотвращению необоснованной выплаты тем российским гражданам, которые постоянно проживают за границей, включает в себя правовые средства, предусмотренные национальным законодательством и нормами международных договоров, заключённых Российской Федерацией. Первая группа представлена в основном дополнительными обязанностями пенсионера по информированию органа пенсионного обеспечения о сохранении основания для выплаты пенсий (прежде всего обязанность подтверждать нахождение в живых), неисполнение которых, по общему правилу, является основанием для приостановления выплаты пенсии. Правовые средства, закреплённые в международно-правовых актах, основаны на взаимодействии компетентных учреждений договаривающихся сторон и реализуются, как правило, без участия получателя пенсии. **Заключение.** Снижению количества случаев излишней выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей, должны способствовать расширение перечня государств, с которыми Россией заключены международные договоры о сотрудничестве в сфере социального обеспечения, и совершенствование национального законодательства в рассматриваемой области.

Ключевые слова: правовые средства; излишне выплаченная пенсия; подтверждение нахождения в живых; приостановление выплаты пенсии; проживание за границей; обмен информацией между компетентными учреждениями.

1. Введение

Право человека на социальное обеспечение неразрывно связано с правами, которые принято относить к группе личных прав (правом на жизнь, достоинство и пр.). Многоаспектна, в частности, взаимосвязь между правом на социальное обеспечение и правом на свободу передвижения и выбор места жительства. Особого внимания в этом отношении заслуживают пенсионные права, которые отличаются тем, что формируются и реализуются, как правило, на протяжении длительного периода времени [1, с. 119]. Реализовавшие своё право на пенсию граждане всё чаще выбирают местом своего жительства иностранное государство. Так, ко-

личество получателей российских пенсий, проживающих за пределами России, выросло с 80 858 человек в 2004 г. до 313 070 человек в 2018 г. [2, с. 70]. Собственно, потребность в специальном правовом регулировании отношений по выплате пенсий в случае выезда пенсионера за пределы государства, назначившего пенсию, возникает в том случае, если законодательством страны допускается выплата пенсии гражданам, проживающим за границей¹. Российское законодательство признаёт такую возможность применительно ко всем видам пенсий, кроме социальных.

Проживание пенсионера за пределами государства, назначившего пенсию, увеличивает риск излишней выплаты пенсии, в том

числе выплаты пенсии лицу, которого уже нет в живых. Так, по оценкам зарубежных специалистов, количество смертей, информация о которых не была своевременно получена органом пенсионного обеспечения в связи с проживанием пенсионера за границей, в европейских странах составляет от 3 до 5 % [3, с. 14].

Несмотря на возрастающую актуальность поставленной проблемы, специальных исследований в отечественной правовой науке ей посвящено пока не было. Аспекты, связанные с обеспечением целевого расходования средств на выплату пенсий пенсионерам, проживающим за границей, рассматриваются в основном в рамках анализа внутригосударственного и международно-правового регулирования отношений по выплате пенсий указанной категории граждан. В связи с этим целью настоящего исследования является описание системы правовых средств, которые направлены на предотвращение необоснованной выплаты российских пенсий гражданам, проживающим за границей, анализ положений внутригосударственных и международно-правовых актов, закрепляющих указанные правовые средства.

2. Методология

Для достижения поставленных целей были использованы главным образом формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой методы. Последний из названных методов использовался как для выявления тенденций развития российского законодательства, так и для обобщения опыта международно-правового регулирования в рассматриваемой области.

3. Система правовых средств, направленных на предотвращение необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей

Понятие и предназначение правовых средств достаточно давно привлекают к себе внимание исследователей, занимающихся как вопросами общей теории права (см., например: [4; 5]), так и проблемами отраслевых юридических наук. В праве социального обеспечения теорию правовых средств было предложено использовать в рамках концепции управления социальными рисками [6].

Несмотря на продолжающуюся на страницах научных изданий дискуссию о содер-

жании и целесообразности использования понятия «правовые средства» (см., например: [7; 8]), названная категория представляется весьма удобной для характеристики правового инструментария, который используется для достижения тех или иных правовых целей. В контексте тематики настоящего исследования цель, для достижения которой используются рассматриваемые ниже правовые средства, может быть в общем виде сформулирована как предотвращение необоснованной выплаты российских пенсий гражданам, проживающим за пределами её территории.

Постоянное проживание пенсионера за пределами территории российского государства лишает органы пенсионного обеспечения возможности использования тех организационно-правовых средств контроля за обоснованностью выплаты пенсий, которые доступны в отношении пенсионеров, проживающих в России (в частности, возможности получения от органов ЗАГС на регулярной основе сведений о государственной регистрации смерти). Таким образом, правовые средства, которые рассматриваются в настоящей статье, направлены на то, чтобы в известной степени компенсировать указанные ограничения.

На достижение обозначенной цели направлены разнообразные правовые средства: возложение на пенсионера, постоянно проживающего за границей, дополнительных обязанностей и приостановление выплаты пенсии в случае их неисполнения, обмен информацией об обстоятельствах, влияющих на размер пенсии или влекущих прекращение её выплаты, между компетентными учреждениями сторон международного договора о пенсионном обеспечении и даже порядок выплаты пенсии. В зависимости от источника их закрепления рассматриваемые правовые средства могут быть разделены на предусмотренные национальным правом и закреплённые в международно-правовых актах.

Однако вопрос о том, входят ли социально-обеспечительные отношения, осложнённые иностранным элементом, в предмет международного права социального обеспечения, не получил пока единообразного разрешения в отраслевой науке. Так, С. А. Чирков отвечает на него положительно [9, с. 34]. По мнению же А. М. Лушникова и М. В. Луш-

никовой, указанные отношения должны рассматриваться как часть предмета национального права социального обеспечения [10, с. 58]. Необходимо отметить, что контроль за обоснованностью выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей, обеспечивается в рамках процедурных правоотношений, возникающих в процессе выплаты пенсий. Независимо от подхода к определению принадлежности норм, закрепляющих рассматриваемые правовые средства, к международной или национальной правовой системе указанную группу правовых средств отличает прежде всего источник их формализации – правовые акты, выступающие продуктом согласования воли двух или нескольких государств.

Различие между указанными группами правовых средств может быть проведено также по механизму их реализации: в национальном праве основным способом обеспечить правильное расходование средств на выплату пенсии является возложение на пенсионера дополнительных обязанностей, неисполнение которых влечёт за собой приостановление выплаты пенсий. Применение же правовых средств, закреплённых в международно-правовых актах, по общему правилу, не зависит от воли получателя пенсии.

4. Правовые средства, предусмотренные национальным законодательством Российской Федерации

Внутригосударственное правовое регулирование отношений по выплате российских пенсий гражданам, постоянно проживающим за пределами России, за почти 30-летний период неоднократно менялось: ныне действующий Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ² (далее также – Закон № 400-ФЗ) является четвёртым по счёту законодательным актом, содержащим соответствующие нормы. Столько же раз менялось и подзаконное правовое регулирование. С 1 января 2015 г. рассматриваемая группа общественных отношений регулируется Положением о порядке выплаты страховой пенсии лицам, выезжающим (выехавшим) на постоянное жительство за пределы территории Российской Федерации³ (далее также – Положение).

С изменением законодательства совершенствовалась и система правовых средств, направленных на обеспечение контроля за

обоснованностью выплаты пенсий гражданам, постоянно проживающим за границей. Как было отмечено выше, такие правовые средства представлены главным образом дополнительными обязанностями, возлагаемыми на пенсионера в случае его выезда за границу (проживания за границей), неисполнение которых, по общему правилу, влечёт за собой приостановление выплаты пенсии. К числу таких обязанностей в настоящее время относятся следующие:

1) извещать путём подачи заявления в орган пенсионного обеспечения о факте выезда на постоянное жительство за пределы территории РФ не ранее чем за месяц до даты выезда (ч. 1 ст. 27 Закона № 400-ФЗ, п. 3 Положения);

2) подтверждать один раз в год факт нахождения в живых (п. 9 Положения);

3) представлять документ, подтверждающий факт осуществления (прекращения) работы и (или) иной деятельности, как в целях подтверждения права на пенсию по случаю потери кормильца в связи с осуществлением ухода за нетрудоспособным членом семьи умершего кормильца (п. 4 Положения), так и для определения размеров страховых пенсий по старости и по инвалидности в случае выполнения оплачиваемой работы (ч. 11 ст. 26.1 Закона № 400-ФЗ, п. 14.1 Положения);

4) информировать орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, о переезде из одного иностранного государства в другое не позднее следующего рабочего дня после даты переезда (п. 17 Положения);

5) ежегодно подтверждать факт обучения по очной форме обучения по основным образовательным программам в иностранных организациях (для получателей пенсии по случаю потери кормильца) (ч. 19.1 ст. 21 Закона № 400-ФЗ).

Анализ действующих нормативных правовых актов, в том числе в сравнении с положениями их предшественников, позволяет отметить следующие особенности правового регулирования отношений по контролю за обоснованностью выплаты пенсий пенсионерам, проживающим за границей.

Во-первых, налицо усиление охранительного компонента в регулировании указанной группы общественных отношений. Это выражается прежде всего в увеличении

количества обязанностей пенсионера, возникающих у него в связи с выездом за границу (постоянным проживанием за пределами РФ). Для исполнения некоторых из них установлены предельно жёсткие сроки. Остаётся непонятным, к примеру, чем обусловлено требование проинформировать орган пенсионного обеспечения о переезде из одного иностранного государства в другое в столь сжатый срок – не позднее следующего рабочего дня после даты переезда (п. 17 Положения).

В то же время применительно к отдельным обязанностям регламентация порядка их исполнения стала более гибкой. Так, обязанность проживающего за границей пенсионера ежегодно подтверждать факт нахождения в живых, известная законодательству ряда европейских стран (например, Германии [11, с. 66–67]), в рамках действующего правового регулирования может быть исполнена не только путём предоставления соответствующего документа, выданного за пределами РФ, но и посредством личной явки пенсионера в российское дипломатическое представительство (консульское учреждение) в иностранном государстве либо в орган пенсионного обеспечения на территории нашей страны (п. 9, 10 Положения).

Во-вторых, только часть из перечисленных выше обязанностей и последствия их неисполнения предусмотрены как Законом № 400-ФЗ, так и Положением, остальные получили регламентацию только на одном уровне правотворчества, что порождает трудности в правоприменении. В частности, приостановление выплаты пенсии как последствие неисполнения обязанности пенсионера, проживающего за границей, подтвердить своё нахождение в живых предусмотрено только Положением. В связи с этим возникает вопрос о том, как соотносятся основания для приостановления выплаты пенсии, предусмотренные Положением (п. 5 и 13), с установленным ч. 1 ст. 24 Закона № 400-ФЗ закрытым перечнем оснований для принятия органом пенсионного обеспечения такого решения. С одной стороны, наличие в Положении дополнительных, не поименованных в Законе оснований для приостановления выплаты пенсии может рассматриваться как часть порядка выплаты, полномочия по утверждению которого предоставлены за-

конодателем Правительству России (ч. 3 ст. 27 Закона № 400-ФЗ)⁴. С другой стороны, Пенсионный фонд РФ рекомендует⁵ своим территориальным органам в такой ситуации приостанавливать выплату пенсии в связи с неполучением установленной страховой пенсии в течение шести месяцев подряд (п. 1 ч. 1 ст. 24 Закона № 400-ФЗ), которое, в свою очередь, вызвано отсутствием оснований для оформления доставочного документа (п. 32 и 34 Правил выплаты пенсий⁶). Представляется, однако, что такой подход к применению норм пенсионного законодательства основан на расширительном толковании понятия «документы, необходимые для осуществления доставки пенсии». Недостаточная определённости правового регулирования могла бы быть устранена посредством дополнения перечня, содержащегося в ч. 1 ст. 24 Закона № 400-ФЗ, основаниями для приостановления выплаты пенсий, которые сейчас предусмотрены Положением.

После признания нормы Закона № 400-ФЗ, в соответствии с которой дети умершего кормильца, самостоятельно (без направления на учёбу) поступившие в иностранные образовательные организации и обучающиеся в них по очной форме обучения, лишались права на соответствующую страховую пенсию, противоречащей Конституции РФ⁷, в профессиональной среде было высказано предложение о целесообразности возложения на таких студентов обязанности ежегодно подтверждать факт своего обучения [12, с. 29]. Эта идея впоследствии была реализована законодателем путём дополнения ст. 21 Закона № 400-ФЗ частью 19.1. При этом норма, содержащаяся в п. 4 ст. 24 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ», позволяет распространить указанную обязанность и на получателей пенсий по случаю потери кормильца, назначенных в соответствии с нормами указанного закона. Однако пенсии по случаю потери кормильца устанавливаются и на основании Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учре-

ждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», который регулирует отношения по выплате предусмотренных им пенсий, но такой обязанности не содержит⁸.

Наконец, нужно отметить, что с 1 января 2015 г. российские пенсии гражданам, выехавшим для постоянного проживания за границу после указанной даты, могут выплачиваться только на территории России (ч. 2 ст. 27 Закона № 400-ФЗ). Помимо экономии бюджетных средств, затрачиваемых на перевод пенсий за рубеж, это ограничение в определенном смысле предоставляет ещё и дополнительные возможности по контролю за обоснованностью выплаты пенсий, предусмотренные договорами о доставке пенсий.

5. Международно-правовые средства предотвращения необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей

Правовые средства, используемые национальными законодателями для предотвращения необоснованной выплаты пенсий лицам, постоянно проживающим за границей, имеют ограниченный потенциал. Этим объясняется стремление государств задействовать инструменты, закреплённые в международно-правовых актах. Весьма показателен в этом плане правовой опыт Нидерландов: с 1 января 2000 г. в стране вступил в силу закон, обусловивший возможность «экспорта» пенсий наличием международного соглашения с государством, в котором проживает пенсионер. Одновременно были установлены требования к содержанию такого международного соглашения: оно должно предусматривать не только право органов социального обеспечения Нидерландов получать от компетентных органов иностранного государства информацию об обстоятельствах, влияющих на размер пенсии и возможность её получения, но и полномочия по проведению проверок достоверности предоставляемых сведений на территории государства-контрагента [13, с. 18–19; 14, с. 124; 15, с. 62].

5.1. Источники закрепления международно-правовых средств

Закрепление в международно-правовых актах средств, направленных на предотвра-

щение необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей, неразрывно связано с международно-правовым регулированием отношений по сохранению приобретённых пенсионных прав.

Ориентиром в регулировании указанной группы общественных отношений выступает Конвенция Международной организации труда 21 июня 1982 г. № 157 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения». Потребность в скорейшей её ратификации Россией оценивается в научной литературе по-разному [16; 17]. Вместе с тем, как следует из ст. 3 Конвенции, реализация её положений должна осуществляться путём заключения двух- или многосторонних соглашений между государствами. Следовательно, основным источником регулирования отношений по сохранению пенсионных прав в случае переселения гражданина из одного государства в другое является международный договор.

Международные договоры в области пенсионного обеспечения в зависимости от типа коллизионной привязки принято подразделять на имеющие в своей основе территориальный или пропорциональный принцип (см., например: [18, с. 157]), иногда дополняемые третьей группой – договорами, сочетающими оба принципа (смешанными) [19, с. 354]. Вполне очевидно, что потребность в контроле за обоснованностью выплаты пенсий гражданам, проживающим за пределами государства, назначившего пенсию, возникает главным образом в тех случаях, когда заключённый государством международный договор полностью или частично основан на пропорциональном принципе, поскольку международные договоры этого типа предполагают не только распределение между государствами-участниками ответственности за пенсионное обеспечение граждан пропорционально стажу, выработанному на территории каждого из них, но и выплату пенсии в случае проживания гражданина на территории государства-контрагента. Однако и международные договоры, основанные на территориальном принципе, могут допускать возможность продолжения выплаты пенсии государством, её назначившим, до возникновения права на пенсию в государстве по новому месту жительства. Такая конструкция преду-

смотрена, например, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики от 29 июня 1999 г. о пенсионном обеспечении. В подобных ситуациях предметом отдельных межгосударственных соглашений может выступать порядок взаимодействия сторон по вопросу выплаты пенсий гражданам, выехавшим за пределы государства, назначившего пенсию⁹.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 15-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры подразделяются на межгосударственные, межправительственные и межведомственные в зависимости от того, от чьего имени они заключаются (от имени Российской Федерации, Правительства Российской Федерации или федеральных органов исполнительной власти соответственно). Одной из главных целей межведомственных международных соглашений является конкретизация международных обязательств государств, взятых на более высоком уровне [20, с. 124; 21, с. 271]. Особое значение имеют межведомственные соглашения, заключаемые в целях определения порядка реализации международных договоров о сохранении пенсионных прав. Применение же международных договоров о пенсионном обеспечении, основанных на пропорциональном принципе, оказывается невозможным без межведомственного соглашения, устанавливающего порядок назначения и выплаты пенсий [22]. Будучи «организационно-административным документом» [23, с. 73], межведомственное соглашение о реализации международного договора о пенсионном обеспечении (далее по тексту также – административное соглашение) в результате становится одним из основных источников формализации мер, направленных на предотвращение необоснованной выплаты пенсий.

Наряду с двусторонними международными договорами в области пенсионного обеспечения, правовые средства по контролю за обоснованностью выплаты пенсий могут содержаться также в многосторонних международных договорах¹⁰. Заключение такого договора в рамках международной организации позволяет определять механизм его реализации, в том числе порядок выплаты пен-

сий и контроля за её обоснованностью, в актах, принимаемых органами международной организации. Так, реализация Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза (далее также – Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС) будет осуществляться в соответствии с Порядком взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами и Евразийской экономической комиссией по применению норм указанного соглашения, подлежащего утверждению Советом Евразийской экономической комиссии (п. 7 ст. 10 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС).

5.2. Правовые средства, предусмотренные международными договорами, участником которых является Российская Федерация

Анализ заключённых Российской Федерацией международных договоров в области пенсионного обеспечения и административных соглашений об их применении позволяет выделить следующие правовые средства, направленные на предотвращение необоснованной выплаты пенсий.

Прежде всего необходимо отметить взаимные обязательства сторон по предоставлению информации, имеющей значение для продолжения выплаты пенсии или определения её размера. Если в Административном соглашении о применении Договора между Российской Федерацией и Королевством Испания о социальном обеспечении (заключено в г. Москве 12 мая 1995 г.) его стороны ограничились общей формулировкой о праве компетентных органов «ходатайствовать друг перед другом» о предоставлении информации, от которой зависят право на пенсию и её размер (ст. 11), то в последующей договорной практике уполномоченного органа (в настоящее время это Министерство труда и социальной защиты РФ) заметна тенденция к большей конкретизации обязательств сторон по информационному обмену. Так, в Соглашении между Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерством труда и социальной политики Республики Болгарии о применении Договора между Российской Федерацией и Республикой Болгарией о социальном

обеспечении (заключено в г. Софии 13 ноября 2010 г.) и в административных соглашениях, заключённых позднее, закреплена обязанность компетентных учреждений по информированию друг друга об обстоятельствах, выступающих основаниями для прекращения выплаты пенсии или изменения её размера (смерть лица, переезд на проживание в третье государство, изменение количества иждивенцев и др.), в течение определённого сторонами срока (10, 15 или 20 рабочих дней) со дня, когда компетентное учреждение узнало о соответствующем факте. Кроме того, компетентные учреждения обязаны предоставлять в установленный административным соглашением срок иные дополнительные сведения по запросам друг друга. Формализация информационного взаимодействия компетентных учреждений договаривающихся сторон должна способствовать своевременному принятию мер по перерасчёту или прекращению выплаты пенсий гражданам, проживающим на территории государства-контрагента, и уменьшению сумм излишне выплаченных пенсий.

Средством контроля за обоснованностью выплаты пенсии (в первую очередь в части предотвращения случаев выплаты пенсии после смерти её получателя) в определённой степени может служить порядок её выплаты. В случае выезда пенсионера на постоянное жительство в государство – участник «пропорционального» международного договора возможны три варианта выплаты пенсий: 1) выплата пенсии на территории государства, осуществляющего обеспечение (по доверенности или путём зачисления на счёт в кредитной организации); 2) перечисление сумм пенсий компетентному учреждению другой стороны для последующей доставки получателю; 3) перечисление сумм пенсий на счёт пенсионера, открытый в кредитной организации по месту его жительства в иностранном государстве.

В рамках первого из названных вариантов выплата пенсии происходит в том же порядке, что и для пенсионеров, проживающих на территории Российской Федерации.

Второй способ, используемый в административных соглашениях о применении договоров о социальном (пенсионном) обеспечении, заключённых Российской Федера-

цией с Республикой Беларусь, Латвийской Республикой, Эстонской Республикой, Республикой Болгарией, Государством Израиль, фактически означает возложение ответственности за обоснованность выплаты пенсии на компетентное учреждение иностранного государства [24, с. 11]. Такой механизм выплаты, по мнению специалистов, «практически исключает» возможность излишней выплаты пенсии после смерти пенсионера, поскольку компетентное учреждение, осуществляющее доставку иностранной пенсии, взаимодействует с органами ЗАГС в таком же порядке, как это предусмотрено в отношении «своих» пенсионеров [2, с. 66].

Административное соглашение о применении договора о социальном (пенсионном) обеспечении может предусматривать доставку пенсии посредством её зачисления на личный счёт гражданина в иностранной кредитной организации. При этом трансграничный перевод сумм пенсий может быть организован таким образом, чтобы снизить риск необоснованной выплаты пенсий. Так, административные соглашения о применении российско-чешского и российско-сербского договоров о социальном обеспечении предусматривают перевод сумм пенсий при условии предоставления документа, подтверждающего нахождение пенсионера в живых. Подтверждение указанного обстоятельства, в свою очередь, может осуществляться путём ежеквартального обмена формулярами, производимого компетентными учреждениями сторон (сведения в формуляр вносятся на основании личного обращения пенсионера в компетентное учреждение по месту жительства за границей). В результате выплата пенсий осуществляется ретроспективно – за месяц, в котором подтверждён факт нахождения в живых, и за месяцы, истекшие после предоставления предыдущего формуляра. Такой порядок выплаты пенсии, как отмечается в комментарии к одному из указанных административных соглашений, минимизирует возможность необоснованной выплаты пенсии [25, с. 62].

Если излишней выплаты пенсии, несмотря на упомянутые выше меры, всё-таки избежать не удалось, некоторые международные договоры о социальном обеспечении и административные соглашения об их применении

предусматривают дополнительные возможности по взысканию переплат. Так, договоры о социальном обеспечении, заключённые Россией с Сербской Республикой (ст. 7), Государством Израиль (ст. 8), Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС (ст. 10), а также административное соглашение о применении Договора между Россией и Чешской Республикой (ст. 16) допускают возможность удержания излишне выплаченных сумм из пенсии, предоставляемой компетентным учреждением государства, в котором проживает получатель. Названная мера, разумеется, не имеет целью *предотвращение* необоснованной выплаты пенсий, однако, во-первых, направлена на исправление сложившегося положения, а во-вторых, существенно упрощает процедуру взыскания переплаты с пенсионера, проживающего за пределами юрисдикции государства, средства которого были израсходованы необоснованно.

6. Заключение

Проведённое исследование даёт основания для следующих выводов.

1. Постоянное проживание пенсионера за пределами Российской Федерации хотя и не препятствует, по общему правилу, выплате назначенной ему пенсии, но является фактором, в значительной степени блокирующим те инструменты контроля за обоснованностью выплаты пенсии, которые доступны органу пенсионного обеспечения на территории Российской Федерации. Данное обстоятельство обуславливает потребность в использовании специальных правовых средств, направленных на предотвращение переплат пенсий в случае проживания пенсионера за границей.

2. Задача предотвращения случаев необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей, решается посредством использования комплекса правовых средств, предусмотренных как национальным законодательством, так и международными договорами с участием Российской Федерации.

3. Преимуществом правовых средств по контролю за обоснованностью выплаты пенсий, закреплённых в международных договорах, является возможность их реализации без участия получателя пенсии. Однако в настоящее время указанные правовые средства

не могут полностью заменить те инструменты, которые предусмотрены российским законодательством, прежде всего по причине относительно небольшого количества международных договоров о пенсионном обеспечении, заключённых Россией и охватывающих меньшую часть российских пенсионеров, проживающих за границей. Кроме того, современные международные договоры, основанные на пропорциональной модели, по общему правилу, не распространяются на отношения по пенсионному обеспечению военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

4. Применительно к системе внутригосударственных правовых средств заметны, с одной стороны, её усложнение (расширение перечня обязанностей, возлагаемых на пенсионера в связи с выездом на постоянное жительство за границу), с другой – стремление правотворческих органов к гибкости в определении порядка исполнения указанных обязанностей.

5. Снижению количества случаев излишней выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей, должны способствовать расширение перечня государств, с которыми Россией заключены международные договоры о сотрудничестве в сфере социального обеспечения, и совершенствование национального законодательства в рассматриваемой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Законодательство постсоветских государств демонстрирует разные подходы к регулированию таких ситуаций. См. обзорный материал, подготовленный Международной ассоциацией социальных и пенсионных фондов (Пенсия. – 2018. – № 10. – С. 68–74).

² Здесь и далее используются тексты нормативных правовых актов, международных договоров и актов судебных органов, размещённые в справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

³ Утверждено Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2014 г. № 1386 (в ред. от 4 сентября 2020 г.).

⁴ Примеры такого толкования, допускающего возможность установления Правительством РФ дополнительных оснований для приостановления выплаты пенсии, можно обнаружить в судебной практике. См.: Апелляционное определение Суда Еврейской автономной области от 21 июля 2017 г. по делу № 33-601/2017.

⁵ Пенсия. – 2016. – № 9. – С. 30.

⁶ Утверждены Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 17 ноября 2014 г. № 885н.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2017 г. № 36-П.

⁸ На отсутствие единообразия в установлении условий выплаты пенсий было обращено внимание Счётной палатой РФ при рассмотрении законопроекта, направленного на реализацию правовой позиции Конституционного Суда РФ (см.: Заключение Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов на

проект Федерального закона № 443468-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части выплаты пенсии по случаю потери кормильца». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁹ В качестве примера можно привести Соглашение от 7 сентября 2010 г. между Пенсионным фондом России и Управлением Фонда государственного социального страхования Литовской Республики о порядке перевода пенсий.

¹⁰ См., например, п. 4 ст. 10 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фёдорова М. Ю.* Правовые проблемы социальной защиты мигрантов в решениях Конституционного Суда РФ // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – № 1. – С. 114–124.
2. *Полохов О. М.* Обзор международных договоров Российской Федерации по вопросам пенсионного страхования (обеспечения) лиц, выезжающих (выехавших) за границу // Пенсия. – 2018. – № 11. – С. 36–73.
3. *Reindl-Krauskopf S., Meissnitzer M.* Types of social security fraud – a legal analysis [Electronic resource] // Bulletin luxembourgeois des questions sociales. – 2013. – Vol. 30. – Mode of access: http://www.mss.public.lu/publications/blqs/blqs030/blqs_30.pdf (accessed 15 September 2020).
4. *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
5. *Малько А. В.* Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
6. *Фёдорова М. Ю.* Понятие и классификация правовых средств управления социальными рисками // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 5. – С. 100–111.
7. *Филиппова С. Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей: монография. – М.: Статут, 2011. – 320 с.
8. *Мильков А. В.* К вопросу о применении термина «правовые средств» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 12. – С. 44–46.
9. *Чирков С. А.* О международном праве социального обеспечения и его развитии // Пенсия. – 2019. – № 6. – С. 33–40.
10. *Лушников А. В., Лушников А. М.* Международное трудовое право и международное право социального обеспечения: введение в курс: учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 248 с.
11. *Чирков С. А.* Международные договоры Германии в области пенсионного обеспечения // Пенсия. – 2011. – № 7. – С. 62–67.
12. *Чирков С. А.* Развитие права на пенсию по случаю потери кормильца в свете Постановления Конституционного Суда России от 5 декабря 2017 года № 36-П // Пенсия. – 2018. – № 1. – С. 23–29.
13. *Pennings F.* Dutch social security law in an international context. – The Hague: Kluwer Law International, 2002. – 288 p.
14. *Vonk G.* Law and the rise of the repressive welfare capitalism [Electronic resource] // Bulletin luxembourgeois des questions sociales. – 2013. – Vol. 30. – Mode of access: http://www.mss.public.lu/publications/blqs/blqs030/blqs_30.pdf (accessed 15 September 2020).
15. *Ткач Ю. А.* Выплата пособий по законодательству Нидерландов гражданам, проживающим за рубежом // Пенсия. – 2001. – № 8. – С. 62–64.
16. Аналитический обзор на тему: «Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда» [Электронный ресурс] / отв. ред. Л. А. Чиканова. – 2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / отв. ред.: А. В. Габов, Н. В. Путило. – М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2015. – 272 с.
18. *Лантев Г. С.* Межгосударственные договоры в области социального обеспечения: экономико-правовые аспекты // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 3 (20). – С. 154–158.
19. Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред.: Э. Г. Тучкова, Ю. В. Васильева. – М.: Проспект, 2013. – 440 с.

20. Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации // Журнал российского права. – 2007. – № 1 (121). – С. 115–127.
21. Морозов А. Н. Международные договоры межведомственного характера Российской Федерации в её правовой системе и системе права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2008. – № 5. – С. 264–274.
22. Чирков С. А. О пенсионных нормах российско-сербского Договора о социальном обеспечении [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Чирков С. А. Международный договор как источник пенсионного права России // Пенсия. – 2018. – № 4. – С. 65–75.
24. Чирков С. А. О подтверждении факта нахождения в живых в целях пенсионного обеспечения // Юридический консультант. – 2009. – № 4. – С. 7–11.
25. Комарова С. В. О порядке реализации прав граждан на пенсионное обеспечение по Договору между Российской Федерацией и Чешской Республикой о социальном обеспечении // Пенсия. – 2015. – № 7. – С. 49–63.

Информация об авторе

Курченко Олег Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и социального права

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: olegpost2001@mail.ru

SPIN-код: 7480-6188, Author ID: 1052946

Информация о статье

Дата поступления – 24 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Курченко О. С. Правовые средства предотвращения необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 53–64. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).53-64.

LEGAL MEANS TO PREVENT UNJUSTIFIED PAYMENT OF PENSIONS TO CITIZENS LIVING ABROAD

O.S. Kurchenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The legislation of the Russian Federation provides for the possibility of paying most types of pensions to those citizens whose place of permanent residence is a foreign state. At the same time, permanent residence of a pensioner abroad increases the risk of unjustified payment of pensions and creates the need to use additional legal means aimed at preventing such consequences. **Purpose.** The purpose of the study is to describe the system of legal means that are aimed at preventing unjustified payment of Russian pensions to citizens living abroad, and to analyze the provisions of Russian and international legal acts that establish these legal means. **Methodology.** To achieve these goals, formal legal (dogmatic) method and comparative legal method were mainly used. **Results.** The system of legal means to prevent unjustified payments to those Russian citizens who permanently reside abroad includes legal means provided for by national legislation and the norms of international treaties concluded by the Russian Federation. The first group is represented mainly by additional obligations of the beneficiary to inform the pension agency about maintaining the grounds for payment of pensions (especially the duty to confirm being alive), failure to which, as a general rule, constitute grounds for the suspension of payment of pension. The legal means stipulated in international legal acts are based on the interaction of the competent institutions of the Contracting parties and are implemented, as a rule, without the participation of the pension recipient. **Conclusion.** The expansion of the list of States with which Russia has concluded international agreements on cooperation in the field of social security and the improvement of national legislation in this area should help reduce the number of cases of excessive payment of pensions to citizens living abroad.

Keywords: legal means; overpaid pension; confirmation of being alive; benefit payment suspension; residence abroad; information exchange between competent institutions.

REFERENCES

1. Fedorova M.Yu. Migrant' social security legal issues in the Constitutional Court of the Russian Federation rulings. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2017, no. 1, pp. 114-124. (In Russ.).
2. Polohov O.M. Review of international agreements of the Russian Federation on pension insurance (security) for persons traveling abroad. *Pensiya = Pension*, 2018, no. 11, pp. 36-73. (In Russ.).
3. Reindl-Krauskopf S., Meissnitzer M. Types of social security fraud – a legal analysis. *Bulletin luxembourgeois des questions sociales*, 2013, vol. 30. Available at: http://www.mss.public.lu/publications/blqs/blqs030/blqs_30.pdf (accessed 15 September 2020).
4. Alekseev S.S. *Law: ABC-theory-philosophy: experience of complex research*. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p. (In Russ.).
5. Mal'ko A.V. Legal means: questions of theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 1998, no. 8, pp. 66-77. (In Russ.).
6. Fedorova M.Yu. The concept and classification of legal tools of social risk management. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu" = Electronic supplement to the Russian juridical journal*, 2018, no. 5, pp. 100-111. (In Russ.).
7. Filippova S.Yu. *Private-law means of organizing and achieving legal purposes*. Moscow, Statut Publ., 2011, 320 p. (In Russ.).
8. Mil'kov A.V. On the application of the term "legal means". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii process = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2008, no. 12, pp. 44-46. (In Russ.).
9. Chirkov S.A. On international social security law and its development. *Pensiya = Pension*, 2019, no. 6, pp. 33-40. (In Russ.).
10. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. *International labour law and international social security law, introduction to the course*, textbook. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 2010. 248 p. (In Russ.).
11. Chirkov S.A. German international agreements in the field of pension provision. *Pensiya = Pension*, 2011, no. 7, pp. 62-67. (In Russ.).
12. Chirkov S.A. Development of the right to a survivor's pension in the light of the decision of the Constitutional Court of Russia No. 36-P of December 5, 2017. *Pensiya = Pension*, 2018, no. 1, pp. 23-29. (In Russ.).
13. Pennings F. *Dutch social security law in an international context*. The Hague, Kluwer Law International, 2002. 288 p.
14. Vonk G. Law and the rise of the repressive welfare capitalism. *Bulletin luxembourgeois des questions sociales*, 2013, vol. 30. Available at: http://www.mss.public.lu/publications/blqs/blqs030/blqs_30.pdf (accessed 15 September 2020).
15. Tkach Yu.A. Payment of benefits under Dutch law to citizens living abroad. *Pensiya = Pension*, 2001, no. 8, pp. 62-64. (In Russ.).
16. Chikanova L.A. (ed.). *Analytical review on the topic: "Compliance of Russian legislation with the requirements of the international labour organization"*. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
17. Gabov A.V., Putilo N.V. (eds.). *Law and social development: a new humanistic hierarchy of values*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., INFRA-M Publ., 2015. 272 p. (In Russ.).
18. Laptev G.S. International agreements in the field of social security: economic and legal aspects. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk State University. Series "Law"*, 2009, no. 3, pp. 154-158. (In Russ.).
19. Tuchkova E.G., Vasil'eva Yu.V. (eds.). *International and Russian standards of pension provision: a comparative analysis*. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 440 p. (In Russ.).
20. Tiunov O.I., Kashirina A.A., Morozov A.N. Status of international interdepartmental agreements of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 1, pp. 115-127. (In Russ.).
21. Morozov A.N. International agreements of an interdepartmental nature of the Russian Federation in its legal system and system of law. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Upravlenie. Pravo" = RSUH / RGGU Bulletin: "Economics. Management. Law" Series*, 2008, no. 5, pp. 264-274. (In Russ.).
22. Chirkov S.A. *On the pension norms of the Russian-Serbian Agreement on social security*. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).
23. Chirkov S.A. International agreement as a source of pension law in Russia. *Pensiya = Pension*, 2018, no. 4, pp. 65-75. (In Russ.).
24. Chirkov S.A. About confirmation of the fact of being alive for the purpose of pension provision. *Yuridicheskii konsul'tant = Legal adviser*, 2009, no. 4, pp. 7-11. (In Russ.).

25. Komarova S.V. On the procedure for implementing citizens' rights to pension provision under the social security agreement between the Russian Federation and the Czech Republic. *Pensiya = Pension*, 2020, no. 1, pp. 49-63. (In Russ.).

About the author

Kurchenko Oleg – Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Labour and Social Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: olegpost2001@mail.ru

SPIN-code: 7480-6188, Author ID: 1052946

Article info

Received – September 24, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Kurchenko O.S. Legal Means to Prevent Unjustified Payment of Pensions to Citizens Living Abroad. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 53-64. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).53-64. (In Russ.).

УДК 342.7

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).65-74

К ПОНЯТИЮ УБЕЖИЩА. ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА?

О. О. Семенова

Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Введение. Статья посвящена понятию и правовым характеристикам убежища. Актуальность темы обусловлена эклектичным характером имеющихся в литературе исследований по данному вопросу. **Цель.** Цель работы – определение понятия убежища, а также исследование вопроса о том, является убежище правом или обязанностью государства. **Методология.** Исследование проблематики проводилось на основе использования научного анализа и синтеза, формально-логического, системного, сравнительно-правового методов, метода толкования права и др. Теоретической основой исследования являются научные работы отечественных и зарубежных учёных-правоведов, практикующих юристов в сфере общей теории государства и права, международного публичного права, конституционного права России и ФРГ. **Результаты.** Убежище необходимо рассматривать в трёх аспектах: как правовой институт, форму защиты прав человека и правовое состояние. Убежище как форма защиты – это временная территориальная защита основных прав человека, предоставляемая государством беженцу (лицу, являющемуся таковым в определении Конвенции о статусе беженцев 1951 г.), основными характеристиками которой являются безопасность, обеспечение достоинства, основных прав и свобод человека, единство семьи и конфиденциальность. Право человека на предоставление убежища как временной защиты относится к числу основных прав человека. Предоставление постоянной защиты, интеграция в государстве убежища – это суверенное право государств. **Заключение.** Для эффективного функционирования системы убежища в России и во избежание коллизий в правоприменительной практике необходимо закрепить понятие «убежище» на законодательном уровне. При совершенствовании нормативно-правовой базы в сфере предоставления убежища в России необходимо учитывать основные характеристики права убежища в соответствии с международными стандартами и обеспечить правовые гарантии предоставления убежища на временной основе.

Ключевые слова: права человека; понятие убежища; преследование; беженцы; право на убежище.

1. Введение

Нарушение прав человека является причиной вынужденной миграции, которая с середины XX в. приобрела глобальный характер. В системе механизмов защиты прав человека основным инструментом так называемой экстренной защиты является институт права убежища, известный с древних времён и сохраняющий свою актуальность и значимость в настоящее время.

По данным МВД России, в 2019 г. в Российской Федерации насчитывалось 572 человека, которым предоставлен статус беженца, и примерно 78 тысяч человек получили временное убежище. Однако в литературе подчёркивается, что реальное число лиц, нуждающихся в предоставлении убежища, насчитывает более 100 тысяч человек, что свидетельствует о невыполнении Российской Федерацией своих международных обязательств

по Конвенции о статусе беженцев 1951 г.¹ (далее – Конвенция 1951 г.). На наш взгляд, такому положению вещей способствует несовершенство нормативно-правовой базы в сфере предоставления убежища, которая нуждается в модернизации в соответствии с международными стандартами. Представляется, что прежде всего следует начать с разработки единого подхода к понятию убежища на уровне конституционно-правовой доктрины и законодательства. Имеющиеся в научной литературе исследования по данному вопросу носят эклектичный характер, что обуславливает актуальность темы.

2. Методология

Для достижения поставленной цели применялись методы научного анализа и синтеза, формально-логический, системный, сравнительно-правовой метод, метод толкования права и др.

3. Подходы к определению понятия убежища

Ни один международно-правовой акт, равно как и национальные законодательства государств, не даёт определения понятия убежища². В научной литературе также нет единого мнения по существу данного вопроса.

Так, В. О. Селиваненко под правом убежища понимает суверенное право государства предоставлять лицу, преследуемому по мотивам, определённым международным правом, право безопасного проживания на своей территории, а также гарантию такому лицу прав и основных свобод со стороны государства-убежища³. Н. Н. Зинченко определяет убежище как принятие на жительство и долговременную защиту от юрисдикции другого государства [1, с. 16]. По мнению А. Н. Антипова, убежище – это демократический, международный, межотраслевой институт права. Убежище представляет собой особое право лица, преследуемого в стране своей гражданской принадлежности или постоянного пребывания, искать, просить и получить на территории другого государства в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права личную безопасность, а также исключительное право государства предоставить убежище или отказать ему в этом⁴. На наш взгляд, недостатками вышеуказанных и других имеющихся в научной литературе определений права убежища являются неопределённый перечень оснований преследования беженца, а также указание на состоявшийся факт преследования. Кроме того, в определения зачастую не включены основные характеристики права убежища. Некоторые учёные-правоведы при исследовании правовой природы убежища вообще избегают давать конкретное определение [2, с. 67; 3, с. 110].

На наш взгляд, убежище необходимо рассматривать в трёх аспектах: как правовой институт, форму защиты прав человека и правовое состояние.

Как правовой институт право убежища представляет собой комплекс международных и конституционных правовых норм, регулирующих условия и порядок предоставления убежища, правовой статус беженцев.

В качестве формы защиты прав и свобод человека убежище используется в экстренной

ситуации, когда возникает необходимость в срочном порядке принять защитные меры, а другие способы защиты прав человека фактически отсутствуют.

Как известно, права и свободы личности вытекают из её достоинства. При этом понятие «личность» является собирательным и подчёркивает наличие определённой связи между человеком и государством [4, с. 45]. В зависимости от степени этой связи личность находится в различных правовых состояниях относительно принадлежности к конкретному государству, которые предполагают свой вид правового статуса личности. Применительно к Российской Федерации: российские граждане находятся в состоянии гражданства, иностранные граждане и лица без гражданства – в состоянии без российского гражданства [5, с. 25], а беженцы, получившие убежище, на наш взгляд, находятся в *состоянии убежища*. У беженца фактически отсутствует правовая связь с государством его гражданства или прежнего обычного места жительства, в то же время у него возникает временная правовая связь защитного характера с государством убежища. Следовательно, убежище в данном контексте является правовым состоянием. Получая убежище, беженец временно попадает под юрисдикцию и защиту другого государства, при этом в случае выезда за границу у беженца остаётся международная защита, вытекающая из международного статуса беженца.

4. Понятие убежища как формы защиты прав человека

Содержательная характеристика понятия «убежище» определяется основополагающими в данной сфере общественных отношений международно-правовыми нормами. При этом учёные-правоведы высказывают позицию, согласно которой в настоящее время не существует общепризнанных принципов и норм международного права в сфере предоставления убежища, существуют лишь акты рекомендательного характера, такие как Декларация о территориальном убежище 1967 г.⁵

В то же время в Конвенции 1951 г. и в Протоколе к ней 1967 г. речь идёт о такой форме защиты прав и свобод человека, как убежище, поскольку правовой статус беженцев является неотъемлемой составляющей

института права убежища⁶. Следовательно, эти универсальные международные правовые документы можно отнести к нормам международного права в сфере предоставления убежища, а само определение правового термина «убежище» сформулировать путём толкования Конвенции 1951 г., основываясь на ключевых моментах определения понятия «беженец» и статусе беженца.

На наш взгляд, в правовой конструкции убежища можно выделить *условия его предоставления и характеристики самой защиты*.

Условия предоставления убежища вытекают из универсального определения понятия «беженец» по Конвенции 1951 г. и включают факт преследования или угрозы преследования лица по признакам расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений, нахождение вне страны происхождения, причинную связь между преследованием и бегством и отсутствие исключающих обстоятельств.

Необходимо отметить, что как на уровне универсального международного права, так и во внутригосударственном законодательстве многих стран, в частности в законодательстве России, отсутствует определение понятия «преследование». На наш взгляд, целесообразно рассматривать термин «преследование» через его составные элементы, подобно тому, как это сделано в законодательстве ФРГ. В § 3а Закона ФРГ «О предоставлении убежища» (Asylgesetz) указаны действия, рассматриваемые в качестве преследований, в § 3b – причины преследований, в § 3с – субъекты, от которых может исходить преследование⁷. Как неоднократно подчёркивал Конституционный суд ФРГ, убежище должно предоставляться тому лицу, которое находится в безвыходном положении⁸.

«Ядром» права убежища является защита беженцев перед высылкой и депортацией в государство преследования, а также гарантия достойного человека существования, а к его основным характеристикам можно отнести: территориальный характер, обеспечение безопасности беженца, т. е. его невыдачу и невысылку⁹, обеспечение достоинства, основных прав и свобод беженца, защитный и временный характер убежища. Нормы «мяг-

кого» права дополняют указанные характеристики правом на единство семьи и конфиденциальность¹⁰.

На основании изложенного можно сделать вывод, что убежище как форма защиты – это временная территориальная защита основных прав человека, предоставляемая государством беженцу (лицу, являющемуся таковым в определении Конвенции 1951 г.), основными характеристиками которой являются безопасность, обеспечение достоинства, основных прав и свобод человека, единство семьи и конфиденциальность.

5. Убежище – право или обязанность государства?

В юридической литературе большинством авторов подчёркивается прерогатива государственного суверенитета в вопросах предоставления убежища¹¹ [6, с. 490; 7, с. 114; 8, с. 308; 9, с. 25; 10, с. 8–9], отсутствие у государства обязанности по его предоставлению, а также принцип защиты на основе осуществления территориальной юрисдикции¹².

Как отмечает К. А. Тюренкова, каждое суверенное государство провозглашает право убежища в таком объёме, который соответствует сущности данного государства и его экономическим возможностям [11, с. 119]. По мнению А. Ю. Ястребовой, применительно к институту права убежища право государства проявляется в установлении иммиграционных норм, а также в контроле за их исполнением. Право же человека выражается в регламентированной системе определения правового статуса иммигрантов и гарантий их прав в государстве пребывания [12, с. 21]. К. Дреге полагает, что право человека искать и пользоваться убежищем как индивидуальное право является правом человека покинуть свою страну проживания в поисках убежища. В основе этого права лежит следующий принцип: «государство не может претендовать на “собственность” в отношении своих граждан или постоянно проживающих лиц», т. е. государство обязано предоставить лицу свободу, в частности и свободу передвижения [13, с. 27].

В то же время в литературе подчёркивается, что хотя предоставление убежища является правом государства, однако при этом оно обязано руководствоваться не только своими интересами, но и общепризнанными норма-

ми и принципами международного права, международными договорами [14, с. 105].

В связи с изложенным справедливой представляется позиция А. М. Войцеховича, который называет неправильным чрезмерное абсолютизирование суверенного права государства на предоставление убежища без ссылок на законные интересы личности в решении данного вопроса, где фактически отрицаются важные принципы гуманности, составляющие всегда главную цель правового регулирования института убежища, а также *искусственное деление права убежища на право государства и право человека, что не способствует адекватному пониманию данного института, обладающего комплексным характером* [15, с. 98].

Следует согласиться с профессором С. Чеховичем, по мнению которого решение этой правовой коллизии должно основываться на основополагающих принципах конституции. Фактором сдерживания для государства является также его главная обязанность, которая состоит в утверждении и обеспечении прав и свобод человека, которые являются неотчуждаемыми и незыблемыми. То есть предоставление убежища является одновременно и правом, и обязанностью государства¹³. Гуго Гроций, вопреки мнениям других юристов, уже в XVII столетии пришёл к выводу, что убежище является как правом, так и обязанностью государства [16, с. 82].

Общий принцип Совета Европы и Европейского суда по правам человека состоит в том, что одним из ключевых элементов национального суверенитета является право государства допускать или не допускать на свою территорию. Исключение допускается только в том случае, если при соблюдении этого общего правила будут нарушены другие нормы международного права, и в таком случае государство, напротив, будет обязано принять иностранца. Примером такого исключения является концепция убежища¹⁴, основанная на общепризнанных принципах и нормах международного права.

С развитием современных международных отношений внутригосударственные отношения в области прав человека стали непосредственным объектом международно-правового регулирования [17, с. 9–10]. Всеобщая декларация прав человека признала централь-

ной фигурой именно человека, его естественные права и в ст. 1 провозгласила, что «все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и в своих правах». Естественные, прирождённые права человека неотчуждаемы, их существование обусловлено самой природой человека [18, с. 10], они не зависят от государственного признания и законодательного закрепления; следовательно, никто не может их отобрать, оставаясь в пространстве права [19, с. 18]. В настоящее время именно общепризнанные принципы международного права и его писанные источники оказываются основными формами существования естественного права, которое, в свою очередь, является идейным источником конституционного права [18, с. 10–11; 20, с. 3].

Пределы ограничений суверенитета установлены государствами самостоятельно при международно-правовом регулировании тех или иных вопросов внутригосударственных отношений. Поэтому после принятия Устава ООН, который закрепил принцип уважения прав человека и обязал государства соблюдать основные права и свободы, а также ратификации большинством стран – членов ООН Пактов о правах человека и иных международных соглашений вопрос о правах человека больше не относится только ко внутренней компетенции государств¹⁵.

Стержень самой идеи – естественность и неотъемлемость прав человека – остался неизменным, несмотря на то, что конкретное содержание прав человека, учитывая изменения в общественной жизни стран и в связи с развитием международного сотрудничества, в процессе эволюции расширилось [21, с. 31–32]. Сообразно этому право убежища также претерпело эволюцию и на современном этапе исторического развития имеет общегуманитарное значение. Лишь вопросом времени было предоставление индивиду прав не только по сравнению с собственным государством, но и по сравнению с чужим государством. В XX в. происходило последовательное закрепление института права убежища, начиная со Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а затем Конвенции 1951 г., учреждения Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и до закрепления права убежища в конституциях и законодательстве многих государств.

По мнению Х. Хайнхолда, несмотря на архаичные корни, право убежища является молодым правом. Только в XX в., основываясь на опыте двух мировых войн, в Конвенции 1951 г. закрепили индивидуальное право на предоставление защиты в виде убежища. С принятием данного международного документа произошёл переход от предоставления убежища как акта государственной милости к индивидуальному праву на защиту [22, с. 100–102].

На наш взгляд, право убежища является производным от основных неотчуждаемых естественных прав и свобод человека, а его предоставление на период существования ситуации преследования или угрозы преследования является правом человека и обязанностью государств – участников международных соглашений. С проистекающими из международного права правами на защиту ограничиваются государственные суверенные права. В этих парадоксальных и «насыщенных конфликтами, натянутых отношениях» между международным правом и суверенитетом национальных государств расположен институт права убежища [23, с. 7].

Полагаем, что, присоединившись к Конвенции 1951 г. и основным международно-правовым документам в области прав человека, государства автоматически берут на себя обязанность предоставить доступ на территорию, обеспечить справедливую, основанную на нормах международного права процедуру рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, временную защиту беженца, основанную на принципах безопасности и соблюдении основных прав и свобод человека, закреплённых в многочисленных актах международного права.

Сущностные характеристики права убежища и обязанность по его предоставлению конкретизированы в нормах так называемого мягкого права¹⁶.

Основополагающий принцип non-refoulement является краеугольным камнем института права убежища. Ни к одному беженцу не должны применяться такие меры, как отказ от разрешения перехода границы или, если он уже вступил на территорию, на которой ищет убежище, высылка или принудительное возвращение в какую-либо страну, где это лицо может подвергнуться преследо-

ванию (исключение – национальная безопасность или защита населения, например, в случае массового притока людей). При этом даже соображения национальной безопасности, учитывая норму ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., не могут являться основанием для высылки¹⁷.

Таким образом, защита преследуемых обеспечивается не только нормами института права убежища, а в большей степени общими нормами, посвящёнными защите прав человека и основных свобод. Применительно к праву убежища Х. Хайнхолд указывает на существование субсидиарного права на защиту и, соответственно, права на «двойную проверку». После того, как человеку отказано в предоставлении национальной правовой защиты в виде предоставления убежища, у него остаётся право на международную защиту прав человека [22, с. 101–102].

На наш взгляд, право человека на предоставление убежища как временной территориальной защиты от преследований проистекает из принципа уважения достоинства личности и относится к числу основных прав человека, а его возникновение связано с моментом рождения. Субъективное право на убежище включает право искать убежище, требовать его предоставления, получить его, пользоваться им, обращаться за защитой права в судебные органы, в том числе международные. В то же время полагаем, что **предоставление постоянной защиты, интеграция в государстве убежища – это суверенное право государств**¹⁸.

В связи с изложенным особый интерес представляет практика правового регулирования института убежища в ФРГ, особенностью которого является закрепление индивидуального права на убежище в Основном законе страны. В ФРГ право убежища было исторически «осознано» как обязанность государства. Статья 16а абз. 1 Основного закона ФРГ гласит: «Политически преследуемые пользуются правом убежища». Согласно позиции Федерального Конституционного Суда, «...предпосылки и объём политического убежища определён проистекают из неприкосновенности человеческого достоинства, которое в ходе исторического развития права убежища отчётливо повлияло на закре-

пление обширного права убежища в Основном законе в качестве высшего конституционного принципа»¹⁹.

Что касается Российской Федерации, то ст. 63 Конституции РФ 1993 г. посвящена политическому убежищу, а не институту права убежища в целом и не закрепляет право преследуемого или находящегося под угрозой преследования лица на предоставление ему убежища.

В то же время необходимо учитывать, что принцип признания основных прав и свобод человека неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения, будучи закреплённым во всех международных документах о правах человека, является важнейшим принципом современной российской доктрины прав человека, а естественное право – источником конституционного права России [24, с. 472; 17, с. 11].

В ст. 2 Конституции РФ 1993 г. закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства. Во второй главе Конституции РФ 1993 г. сформулированы права именно человека, а не гражданина [25, с. 17]. В современной российской доктрине права человека признаются юридической категорией наряду с правами граждан, подчёркивается неотъемлемость прав личности как таковой, а также невмешательство государства во внутреннюю жизнь человека [26, с. 18]. К числу основных принципов современной российской доктрины прав человека можно отнести отказ от приоритета государственных интересов перед интересами личности и признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, а индивидуально каждого конкретного человека – субъектом прав и свобод.

Учитывая международно-правовые нормы в области прав человека, а также то обстоятельство, что согласно Конституции РФ 1993 г. Российская Федерация является демократическим, правовым государством, провозглашает права и свободы человека высшей ценностью, предоставление убежища в Российской Федерации преследуемому или находящемуся под угрозой преследования лицу *на временной основе*, на наш взгляд, **является обязанностью государства.**

«Конвенционное» убежище в Российской Федерации, предоставляемое на время существования в стране происхождения обстоятельств бегства, урегулировано Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», который в настоящее время содержит так называемую организационную гарантию предоставления убежища, а именно: компетентные органы обязаны принять и рассмотреть заявление о предоставлении статуса беженца в соответствии с критериями Закона «О беженцах» и не могут отказать в предоставлении статуса беженца при соответствии лица предусмотренным критериям. Положение о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища, утверждённое Указом Президента РФ от 21 июля 1997 г. № 746 «Об утверждении положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища», регулирует вопросы предоставления второго вида убежища в России – политического – и закрепляет, что политическое убежище предоставляется с учётом государственных интересов Российской Федерации и на неопределённый срок. Предоставление убежища на неопределённый срок является суверенным правом государства.

6. Заключение

Убежище как форма защиты – это временная территориальная защита основных прав человека, предоставляемая государством беженцу (лицу в определении Конвенции 1951 г.), основными характеристиками которой являются безопасность, обеспечение достоинства, основных прав и свобод человека, единство семьи и конфиденциальность. Право человека на предоставление убежища как временной защиты проистекает из принципа уважения достоинства личности и относится к числу основных прав человека, возникновение которых связано с моментом рождения. Предоставление постоянной защиты, интеграция в государство убежища – это суверенное право государств. Предоставление в Российской Федерации преследуемому или находящемуся под угрозой преследования лицу убежища на временной основе является обязанностью государства. Для эффективного функционирования системы убежища в России и во избежание коллизий в правоприменительной практике необходимо закрепить

понятие «убежище» на законодательном уровне, чётко обозначив условия его предоставления и основные характеристики, обеспечить правовые гарантии предоставления убежища на временной основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ганнушкина С. Отбраковка людей по этническому признаку [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2019. – № 28. – 15 марта. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/11/79830-otbrakovka-lyudey-po-etnicheskomu-priznaku> (дата обращения: 21.03.2019).

² Yazicioglu Ü. Das Asylgrundrecht und Die Türkisch-Kurdische Zuwanderung / Published by Lang, Peter, GmbH, Internationaler Verlag der Wiss, Frankfurt am Main, 2000. – S.1.

³ Селиваненко В. О. Основные черты права убежища [Электронный ресурс] // Вестник ТИСБИ. – 2000. – № 4. – URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1214842> (дата обращения: 12.07.2019).

⁴ Антипов А. Н. Становление и развитие права убежища в России (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 23 с.

⁵ Сазон К. Д. Право убежища в государствах – участниках Содружества независимых государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 21; Тюренкова К. А. Право убежища как международно-правовой институт // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (61). – С. 117.

⁶ Как указано в п. 25 Руководства по процедурам и критериям определения статуса беженцев, Заключительный акт Конференции Полномочных представителей, так же как и преамбула к Конвенции 1951 г., содержит ссылки на убежище.

⁷ Asylgesetz [Electronic resource] // der Webseite der Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – URL: http://www.gesetze-im-internet.de/asylvfg_1992/BJNR111260992.html#BJNR111260992BJNG001600311 (accessed 21 August 2020).

⁸ Heinhold H. Recht fuer Fluechtlinge: Ein Leitfaden durch das Asyl- und Auslaenderrecht fuer die Praxis / Publisher Loeper Angelika, 2007. – S. 108.

⁹ См.: Заключение Исполкома Управления Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев (далее – УВКБ ООН) № 65 (XLII) – 1991 год: общее заключение по вопросу о международной защите; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 74 (XLV) – 1994 год: общее заключение по международной защите.

¹⁰ См.: Заключение Исполкома УВКБ ООН № 91 (LII) – 2001 год: регистрация беженцев и лиц, ищущих убежище, согласно п. ii которого процесс регистрации должен основываться на фундаментальных принципах конфиденциальности.

¹¹ Serkan Saltik. Europeanisation of national immigration policies [Electronic resource]: a dissertation submitted to the Institute of Political Science at the University of Heidelberg. – Heidelberg, 2014. – URL: <https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/18609/1/SerkanSaltikPhDDissertation.pdf/> (accessed 24 September 2020).

¹² См., например: Сазон К. Д. Указ. соч. – С. 21; Зливко А. П. Правовой институт политического убежища // Право: теория и практика. – 2003. – № 10. – С. 28–31.

¹³ Чехович С. Убежище в Украине: развитие института убежища в Украине [Электронный ресурс]. – URL: http://asylum-online.org.ua/pages/asylum_ukr_develop.html (дата обращения: 13.04.2019).

¹⁴ Чернышова О. (сотрудник канцелярии ЕСПЧ). Руководство Совета Европы по применению концепции третьей безопасной страны // Работа с лицами, ищущими убежища: материалы двенадцатого семинара, проведённого Правозащитным центром «Мемориал» по программе «Миграция и право» – «Организация сети юридических консультаций в России для беженцев и вынужденных переселенцев 26–28 октября 2001 г. – М.: Р. Валент, 2002. – С. 62.

¹⁵ Все государства мира независимо от того, придерживаются они теории монизма или дуализма, обязаны в своей внешней и внутренней политике выполнять принятые на себя международные обязательства (п. 2, 6 ст. 2 Устава ООН 1945 г., ст. 26, 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

¹⁶ О необходимости обеспечения доступа к справедливой процедуре предоставления убежища говорится во многих документах УВКБ ООН, в частности в Заключениях Исполкома УВКБ ООН № 71 (XLIV) – 1993 год: общее заключение по международной защите; № 74 (XLV) – 1994 год: общее заключение по международной защите; № 82 (XLVIII) – 1997 год: защита института убежища.

¹⁷ В качестве примера можно привести решение по делу «Ахмед против Австрии» от 17 декабря 1996 г., в котором Европейский суд по правам человека указал, что защита, предусмотренная ст. 3 Европейской конвенции по правам человека, шире, чем предоставляемая ст. 32 и 33 Конвенции 1951 г. (п. 41) (Eur. Court H.R. Ahmed v. Austria, Judgment of 17 December 1996. Reports. 1996-VI). Перевод на русский язык см.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. – М.: Норма, 2000. – Т. 2. – С. 260–295).

¹⁸ См., например: п. h) Заключения Исполкома УВКБ ООН №109 (LX) – 2009: затяжные ситуации, связанные с беженцами.

¹⁹ BVerfGE 54, 341, 557.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинченко Н. Н.* Право убежища как международно-правовой институт // Российская юстиция. – 2011. – № 5. – С. 16–18.
2. *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Выдача обвиняемых и осуждённых в международном уголовном праве : учеб.-практ. пособие / акад. Правовой ун-та, Ин-т государства и права РАН. – М. : Рос. юрид. изд. дом, 1998. – 160 с.
3. *Тиунов О. И.* Международное гуманитарное право. – М. : НОРМА : ИНФРА, 1999. – 328 с.
4. *Эбзеев Б. С.* Конституционные основы свободы личности в СССР / под ред. И. Е. Фарбер. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – 137 с.
5. *Куракин А. В.* Иностранцы граждане и лица без гражданства как субъекты административного права России // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 25–34.
6. *Очкасова И. В.* «Право убежища» как сдерживающий принцип в осуществлении экстрадиции в международных отношениях // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 488–494.
7. *Международное право, международные отношения : учебник / под ред. Ю. М. Колосова, В. И. Кузнецова.* – М. : Мирс, 1994. – 234 с.
8. *Матреницкая А. Р., Чернова О. Н.* Право убежища, его формы и связь с институтом выдачи преступников // Учёные заметки ТОГУ. – 2014. – Т. 5, № 4. – С. 308–311.
9. *Даишков Г. В., Быкова Е. В.* Экстрадиция // Юридический мир. – 1998. – № 1. – С. 25–29.
10. *Heuser H.* Aufnahme von Schutzsuchenden durch die Bundeslaender. Rechtsgutachten / wird herausgegeben von der Rosa-Luxemburg-Stiftung. – Berlin : MediaService GmbH Druck und Kommunikation, 2020. – 36 s.
11. *Тюрenkova К. А.* Убежище как международно-правовой институт // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (61). – С. 116–121.
12. *Ястребова А. Ю.* Институт убежища в международном и конституционном праве: современные доктрины и особенности регулирования в РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 9. – С. 21–24.
13. *Дрёге К.* Передача задержанных лиц: юридические основания, принцип невыдворения (non-refoulement) и современные вызовы // Международный журнал Красного Креста. – 2009. – № 871. – С. 27–31.
14. *Галенская Л. Н.* О понятии права убежища: к обсуждению Декларации о праве убежища в Третьем Комитете Генеральной Ассамблеи ООН // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 101–107.
15. *Войцехович А. М.* О понятии института права убежища // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 95–99.
16. *Піскун О. І.* Основи міграційного права: порівняльний аналіз : навч. посіб. – Київ : ПМ «Леся», 1998. – 360 с.
17. *Права человека в международном и внутригосударственном праве / В. А. Карташкин ; отв. ред. Е. А. Лукашева.* – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 135 с.
18. *Малахов В. П., Лановая Г. М.* Естественное право как источник конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 5. – С. 9–12.
19. *Куницын А. С.* Концепция неотчуждаемости естественных прав человека и русская юридическая мысль // История государства и права. – 2016. – № 15. – С. 18–21.
20. *Кальяк А. М.* Влияние естественно-правовой доктрины на конституционное право: отдельные проблемы // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 3–6.
21. *Доронина О. Н., Калинин В. А.* Европейские стандарты защиты прав человека в практике Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 10. – С. 31–35.
22. *Heinhold H.* Recht fuer Fluechtlinge: Ein Leitfaden durch das Asyl- und Auslaenderrecht fuer die Praxis. – Karlsruhe : Publisher Loeper Angelika, 2007. – 328 s.
23. *Kopp K.* Asyl. – Hamburg : Rotbuch-Verl., 2002. – 95 s.
24. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. – М. : НОРМА, 2008. – 544 с.
25. *Малеина М. Н.* Формирование понятия «человек» в российском праве // Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 16–22.
26. *Костюков А. Н.* Реализация прав человека и гражданина в конституционном праве России: год 2017 // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – С. 17–23.

Информация об авторе

Семенова Ольга Олеговна – соискатель кафедры конституционного и международного права

Томский государственный университет

Адрес для корреспонденции: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: olgay2004@mail.ru

SPIN-код: 2183-2978, Author ID: 1084667

Информация о статье

Дата поступления – 28 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Семенова О. О. К понятию убежища. Право или обязанность государства? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 65–74. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).65-74.

TO THE CONCEPT OF ASYLUM. RIGHT OR DUTY OF THE STATE?

O.O. Semyonova

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Introduction. The article is devoted to the concept and legal characteristics of asylum. The relevance of the topic is due to the eclectic character of the research available in the literature on this issue. **Purpose.** Definition of the concept of asylum, as well as research on whether asylum is a right or an obligation of the state. **Methodology.** The study of problems was carried out on the basis of scientific analysis and synthesis, formal-logical, system, comparative-legal methods, the method of interpretation of law, etc. The theoretical basis of the research is the scientific works of domestic and foreign legal scientists, practicing lawyers in the field of general theory of state and law, public international law, constitutional law of Russia and Germany. **Results.** Asylum should be considered in three aspects: as a legal institution, as a form of protection of human rights, and as a legal position. Asylum as a form of protection is the temporary territorial protection of fundamental human rights granted by the state to a refugee (as defined in the 1951 Convention relating to the status of refugees), whose main characteristics are security, dignity, fundamental human rights and freedoms, family unity and confidentiality. The human right to asylum as temporary protection is a fundamental human right. The provision of permanent protection and integration in the state of asylum is the sovereign right of states. **Conclusion.** For the effective functioning of the asylum system in Russia and to avoid conflicts in law enforcement practice, it is necessary to consolidate the concept of asylum at the legislative level. When improving the legal framework for granting asylum in Russia, it is necessary to take into account the following characteristics of the right to asylum in accordance with international standards and to provide legal guarantees for granting asylum on a temporary basis.

Keywords: human rights; concept of asylum; persecution; refugees; right to asylum.

REFERENCES

1. Zinchenko N.N. The right of asylum as an international legal institution. *Rossiiskaya yustitsiya = The Russian Justice*, 2011, no. 5, pp. 16-18. (In Russ.).
2. Lukashuk I.I., Naumov A.V. *Extradition of accused and convicted persons in international criminal law*, textbook. Moscow, Rossiiskii yuridicheskii izdatel'skii dom Publ., 1998. 160 p. (In Russ.).
3. Tiunov O.I. *International humanitarian law*. Moscow, NORMA Publ., INFRA Publ., 1999. 328 p. (In Russ.).
4. Ebzeev B.S. *Constitutional foundations of individual freedom in the USSR*. Saratov, Saratov University Publishing House, 1982. 137 p. (In Russ.).
5. Kurakin A.V. Foreign citizens and stateless persons as subjects of administrative law of Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2001, no. 6, pp. 25-34. (In Russ.).
6. Ochkasova I.V. "The right of asylum" as a deterrent principle in the implementation of extradition in international relations. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2009, no. 3, pp. 488-494. (In Russ.).
7. Kolosov Yu.M., Kuznetsov V.I. (eds.). *International law, international relations*, textbook. Moscow, Mirs Publ., 1994. 234 p. (In Russ.).
8. Matrenitskaya A.R., Chernova O.N. The right of asylum, its forms and connection with the Institute of extradition of criminals. *Uchenye zametki TOGU = Scientific notes of TOGU*, 2014, vol. 5, no. 4, pp. 308-311. (In Russ.).
9. Dashkov G.V., Bykova E.V. Extradition. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 1998, no. 1, pp. 25-29. (In Russ.).

10. Heuser H. Reception or protection seekers by the federal states. Legal opinion / published by the Rosa-Luxemburg Foundation. Berlin, MediaServica GmbH Druck and Communication Publ., 2020. 36 p. (In German.).
11. Tyurenkova K.A. Asylum as an international legal institution. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian research*, 2017, no. 1 (61), pp. 116-121. (In Russ.).
12. Yastrebova A.Yu. Institute of asylum in international and constitutional law: modern doctrines and features of regulation in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2001, no. 9, pp. 21-24. (In Russ.).
13. Drege K. Transfer of detainees: legal grounds, the principle of non-refoulement and current challenges. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta = International journal of the Red Cross*, 2009, no. 871, pp. 27-31. (In Russ.).
14. Galenskaya L.N. On the concept of the right of asylum: to discuss of the Declaration on the right of asylum In the Third Committee of the UN General Assembly. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1964, no. 3, pp. 101-107. (In Russ.).
15. Voitsekhovich A.M. On the concept of the Institute of right of asylum. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*, 1981, no. 4, pp. 95-99. (In Russ.).
16. Piskun O.I. *Fundamentals of migration law: comparative analysis*, textbook. Kyev, Lesya Publ., 1998. 360 p. (In Ukrain.).
17. Kartashkin V.A. *Human rights in international and domestic law*. Moscow, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 1995. 135 p. (In Russ.).
18. Malakhov V.P., Lanovaya G.M. Natural law as a source of constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 5, pp. 9-12. (In Russ.).
19. Kunitsyn A.S. The concept of the inalienable nature of human rights and Russian legal thought. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2016, no. 15, pp. 18-21. (In Russ.).
20. Kalyak A.M. Influence of natural law doctrine on constitutional law: separate problems. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 7, pp. 3-6. (In Russ.).
21. Doronina O.N., Kalinin V.A. European standards for the protection of human rights in the practice of The Commissioner for human rights in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2007, no. 10, pp. 31-35. (In Russ.).
22. Heinhold H. *Right for refugees: a guide to the practice of asylum and aliens law*. Karlsruhe, Publisher Loeper Angelika, 2007. 328 p. (In German.).
23. Kopp K. *Asylum*. Hamburg, Redbook-Verl., 2002. 95 p. (In German.).
24. Kutafin O.E. *Russian constitutionalism*. Moscow, NORMA Publ., 2008. 544 p. (In Russ.).
25. Maleina M.N. The formation of the concept of "person" in Russian law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 1, pp. 16-22. (In Russ.).
26. Kostyukov A.N. Implementation of human and civil rights in the constitutional law of Russia: year 2017. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 2, pp. 17-23. (In Russ.).

About the author

Semyonova Olga – applicant for a Ph.D. at the Department of Constitutional and International Law

Tomsk State University

Postal address: 36, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: olgay2004@mail.ru

SPIN-code: 2183-2978, Author ID: 1084667

Article info

Received – September 28, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Semyonova O.O. To the Concept of Asylum. Right or Duty of the State? *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 65-74. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).65-74. (In Russ.).

ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО «АУЕ»

М. П. Клейменов¹, М. Г. Козловская², А. И. Савельев³

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия; Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

² Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

³ Омская академия МВД Российской Федерации, г. Омск, Россия

Введение. Признание Верховным Судом Российской Федерации молодёжного движения «АУЕ» экстремистской организацией требует криминологического анализа как с позиции социальной обусловленности общественно опасного явления, так и в плане возможного криминального проектирования. **Цель.** Авторами поставлена цель рассмотреть развитие преступного сообщества «АУЕ», показать, что именно определяет степень и масштабы его криминальности, предложить основные направления стратегии противодействия этому явлению. **Методология.** Применяются исторический, системный, формально-логический методы исследования. **Результаты.** В историческом контексте аббревиатура «АУЕ» имеет несколько толкований. Одно из них указано в решении Верховного Суда Российской Федерации. Второе звучит так: «арестантский уклад един», третье – «арестантское уркаганское единство». В любом случае речь идёт о распространении криминальной идеологии, которую долгое время в России не только не замечали, но даже «приобщались» к ней в форме восприятия и широкого использования аргументов профессиональных преступников в средствах массовой информации. В рамках деятельности и в его интересах участниками «АУЕ» совершались экстремистские правонарушения, а также массовые беспорядки. Деятельность движения, основанная на криминально-экстремистской идеологии, представляет реальную угрозу жизни и здоровью граждан, обществу и государству. Отсутствие внимания правоохранительных органов к этой проблеме позволило объединению «АУЕ» вовлечь в свои ряды сотни тысяч (а по некоторым оценкам – миллионы) молодых людей и укорениться в информационно-сетевом пространстве. Увлечение представителей подрастающего поколения идеями «АУЕ» является закономерным итогом маргинализации населения, его резкой дифференциации по доступу к стандартам современной цивилизации, результатом появления масс бедных, униженных и оскорблённых людей (по Ф. М. Достоевскому), находящихся на периферии жизненного пространства – в социальном и территориальном измерениях. Есть основания полагать, что возникновение объединения «АУЕ» является одним из воплощений криминального проектирования, осуществляемого преступным сообществом «воров в законе». **Заключение.** Объединение «АУЕ» соответствует признакам экстремистского сообщества. Однако в стратегии противодействия этому явлению следует соблюдать определённую очерёдность. В первую очередь необходимо блокирование тенденции маргинализации населения. Во вторую очередь – установить специальный контроль за теми объектами, где криминальная идеология насаждается особенно активно. В третью – обеспечить действенный мониторинг социальных сетей. И только в четвёртую – обращаться к применению уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: экстремистская организация; судебная практика; профилактика; маргинализация; молодёжная политика.

1. Введение

В середине августа 2020 г. ведущие российские средства массовой информации запестрели сообщениями о том, что по иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Россий-

ской Федерации запретил деятельность молодёжного общественного движения «Арестантское уголовное единство». Как сообщалось, в судебном заседании установлено, что «АУЕ является хорошо структурированной и управляемой организацией – молодёжным

движением экстремистской направленности. В рамках движения и в его интересах участниками АУЕ совершались экстремистские правонарушения, а также массовые беспорядки. Деятельность движения, основанная на криминально-экстремистской идеологии, представляет реальную угрозу жизни и здоровью граждан, обществу и государству. В деятельности движения активно вовлекались подростки и молодёжь, чья психика наиболее подвержена деструктивному воздействию»¹.

2. Методология

Исследование обозначенной проблемы осуществляется путём применения следующих методов: исторического, системного, формально-логического.

3. Проблема правовой оценки

Представленная обществу информация не согласуется с правовыми дефинициями. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не знает такого понятия, как движение: оно вообще не имеет ясных правовых очертаний и является скорее публицистическим. В ст. 1 закона даётся определение экстремистской организации – это «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности»². В то же время отечественное уголовное законодательство устанавливает ответственность не только за организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2), но и за организацию деятельности экстремистского сообщества (ст. 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ). Санкции указанных статей УК РФ различаются по степени строгости судебной репрессии, и в этой связи закономерно возникает вопрос: «АУЕ» – это экстремистская организация или экстремистское сообщество?

4. Экспансия криминальной идеологии

Прежде всего отметим, что аббревиатуру «АУЕ» имеет несколько толкований. Одно из них указано в решении Верховного Суда Российской Федерации. Второе звучит так: «арестантский уклад един», третье – «арестантское уркаганское единство» [1]. В лю-

бом случае речь идёт о распространении криминальной идеологии, которую долгое время в России не только не замечали, но даже «приобщались» к ней в форме восприятия и широкого использования аргументов профессиональных преступников в средствах массовой информации. Достаточно упомянуть рекламу «Менты в Кремле», где речь шла о выступлении героев сериала «Улицы разбитых фонарей» на сцене кремлёвского Дворца съездов, или радио «Шансон». Многочисленные сериалы про бандитов и полицейских, про нравы жизни в неволе продолжают активно эксплуатировать эту тему.

Некоторые авторы склонны проблему криминальной идеологии свести к феномену современной молодёжной субкультуры [2–5]. Однако эта проблема гораздо шире: она затрагивает мировоззренческие основы формирования личности. «Применительно к преступному миру можно говорить о системе ценностных установок криминалитета, которая выражается в их отношении к самому себе и отношению ко всему остальному обществу, – пишет А. А. Тирских. – В первом случае криминалитетом формируется мифологизированное представление о преступных элементах, об их привычках, стереотипах поведения. В отношении к остальному обществу преступный мир создаёт искажённую картину социальной жизни, превознося преступников перед другими членами общества» [6, с. 31]. В результате формируется криминальное общество как альтернатива официально признаваемому – легалистскому – обществу, базирующемуся на системе социально одобряемых отношений и ценностей [7, с. 372–374]. Система ценностных ориентаций криминального общества [8] сосредоточена в преступном сообществе «воров в законе», именно она в настоящее время навязывается несовершеннолетним и молодёжи криминалитетом. Таким образом, нужно вести речь о стратегии противодействия целенаправленному «заражению» вирусом криминальной идеологии определённых слоёв населения.

5. Экстремистское сообщество нового поколения

В этой связи Решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. о запрете «АУЕ» является совершенно правильным, хотя и несколько запоздалым.

В самом деле, в перечне запрещённых экстремистских организаций до принятия этого решения фигурировали религиозные, националистические объединения и даже объединения футбольных болельщиков («ТОЙС», «Поколение»), но не было ни одного, основанного на криминальной идеологии. Отсутствие внимания правоохранительных органов к этой проблеме позволило объединению «АУЕ» вовлечь в свои ряды сотни тысяч (а по некоторым оценкам – миллионы) молодых людей и укорениться в информационно-сетевом пространстве³.

В этой связи характерен сетевой характер объединения. Это чрезвычайно тревожная характеристика, потому что она выражает генеральную тенденцию развития наиболее опасных криминальных объединений – овладение информационным пространством и его эксплуатация [9; 10].

По мнению некоторых экспертов, существенным фактором популярности объединения «АУЕ» является её протестный дух, прикосновенность к запретному и конспиративному, что всегда было притягательным для незрелых умов⁴. Однако, с нашей точки зрения, увлечение представителями подрастающего поколения идеями «АУЕ» является закономерным итогом маргинализации населения, его резкой дифференциации по доступу к стандартам современной цивилизации, результатом появления масс бедных, униженных и оскорблённых людей (по Ф. М. Достоевскому), находящихся на периферии жизненного пространства – в социальном и территориальном измерениях.

Есть основания полагать, что возникновение объединения «АУЕ» является одним из воплощений криминального проектирования, осуществляемого преступным сообществом «воров в законе». На фоне среднестатистического портрета российского менеджера лидеры криминальной среды не выглядят, по В. Шукшину, «урками с мыльного завода». Об этом свидетельствует их успешный проект прорыва в информационное пространство путём создания собственного сайта «Прайм крайм. Первый по ворам». Думается, они обратили внимание на социально запущенную категорию несовершеннолетних, оказавшихся – волею долгих шоковых реформ без позитивной идеологии, но с ясным лозунгом

«take money» – лишёнными будущего. Эти дети остро ощущают идеологический вакуум, которого не было в советские времена: он был заполнен образами Павки Корчагина, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, готовыми положить свои жизни «за други своя». И не их вина, что вместо высоких идеалов они получают из рук воров тюремную баланду с суррогатами социальной солидарности в виде сбора средств «в общак» и общественной востребованности в форме включения в сообщество со строгими санкциями для ослушников. Эти суррогаты в совокупности дают ощущение силы, о чём свидетельствуют массовые беспорядки в Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края и нападение на отдел полиции в г. Хилок Забайкальского края [1].

6. Противодействие экстремистскому преступному сообществу «АУЕ»

С учётом общественной опасности, сетевого характера, развитой криминальной идеологии объединения «АУЕ» полагаем, что это экстремистское сообщество и деяния его организаторов, руководителей, лиц, вовлекающих в его деятельность, а также его участников следует квалифицировать по ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества». Именно по этому пути пошла судебная практика. В сентябре 2020 г. Екатеринбургский гарнизонный военный суд рассмотрел уголовное дело в отношении супругов Бабарика и А. Зуева. В процессе следствия и судебного заседания было установлено, что, находясь в г. Оренбурге, Николай Бабарика совместно с неустановленным лицом, материалы в отношении которого выделены в отдельное производство, создали экстремистское сообщество под названием «АУЕ», в состав которого вошли его супруга и Зуев. В зависимости от роли и степени участия обоим предъявили обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества», ч. 2 ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Преступная деятельность руководителя и участников экстремистского сообщества пресечена сотрудниками правоохранительных органов в мае 2018 г. Суд назна-

чил Николаю Бабарике наказание в виде 7 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, Зуеву – в виде 3 лет 9 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, Наталье Бабарике – в виде 4 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года⁴.

С профилактической точки зрения следует блокировать тенденцию маргинализации населения. Целесообразно оптимизировать государственную молодёжную политику, которая позволит заполнить позитивным содержанием идеологический вакуум; повлияет на развитие у несовершеннолетних личностных ресурсов, создающих психологическую основу для противостояния навязыванию криминальной идеологии; обеспечит доступность досуга несовершеннолетних (введение бесплатных кружков и секций, вовлечение несовершеннолетних в общественную жизнь и др.), будет способствовать пропаганде патриотизма не на словах, а на деле.

5. Заключение

Объединение «АУЕ» соответствует признакам экстремистского сообщества. Однако в стратегии противодействия этому явлению следует соблюдать определённую очерёдность.

Во-первых, необходимо блокирование тенденции маргинализации населения. Во-вторых, следует установить специальный контроль за деятельностью интернатов и учебных заведений, где субкультура насаждается особенно активно; в-третьих – обеспечить действенный мониторинг социальных сетей. И только в-четвёртых, необходимо обращаться к применению уголовно-правовых норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность молодёжного общественного движения «Аре-стантское уголовное единство» [Электронный ресурс]. – URL: <http://gen.proc.gov> (дата обращения: 25.08.2020).

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля ; 2020. – 7 авг.

³ Конец воровскому ходу. Что такое движение АУЕ и почему его запретили в России [Электронный ресурс]. – URL: life.ru/p/1340436 (дата обращения: 25.08.2020).

⁴ Почему культура АУЕ так популярна среди современной молодёжи [Электронный ресурс]. – URL: factroom.ru/rossiya/pochemu...aue...sredi...molodyozhi (дата обращения: 25.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Румянцев Н. В., Фумм А. М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 16–19.
2. Шаликова Н. И. АУЕ как современная молодёжная криминальная субкультура: постановка проблемы // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. – М. : Юриспруденция, 2018. – С. 103–109.
3. Рябков Н. С., Полякова А. Е. Особенности становления и развития криминальной субкультуры АУЕ // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. – М. : Юриспруденция, 2018. – С. 122–128.
4. Эпова А. В. АУЕ как современное направление криминальной субкультуры: причины и способы противодействия // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. – М. : Юриспруденция, 2018. – С. 142–148.
5. Бочкарева Е. В. Распространение криминальной антикультуры в молодёжной среде // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 144–150.
6. Тирских А. А. Преступная идеология: понятие, содержание и меры противодействия // Российский следователь. – 2009. – № 3. – С. 30–32.
7. Долгова А. И. Преступность, её организованность и криминальное общество. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
8. Барабанов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осуждённых // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25, № 2. – С. 177–182.
9. Krishnan A. Blockchain Empowers Social Resistance and Terrorism Through Decentralized Autonomous Organizations // Journal of Strategic Security. – 2020. – Vol. 13, № 1. – P. 41–58.
10. Levitt M. Hezbollah's Organized Criminal Enterprises in Europe // Perspectives on Terrorism. – 2013. – Vol. 7, № 4. – P. 27–40.

Информация об авторах

Клейменов Михаил Петрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: klim798@mail.ru
SPIN-код: 4431-6452, Author ID: 596245

Козловская Маргарита Германовна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: kaf-up-310@mail.ru
SPIN-код: 6145-7289, Author ID: 1086028

Савельев Андрей Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омская академия МВД России
Адрес для корреспонденции: 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7
E-mail: savelevandrey80@mail.ru
SPIN-код: 9864-7968, Author ID: 509853

Информация о статье

Дата поступления – 28 сентября 2020 г.
Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Клейменов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 75–80. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).75-80.

“AUE” EXTREMIST CRIMINAL COMMUNITY

M.P. Kleymenov¹, M.G. Kozlovskaya², A.I. Savelyev³

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia;
Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

³ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

Introduction. The recognition by the Supreme Court of the Russian Federation of the youth movement “AUE” as an extremist organization requires criminological analysis, both from the point of view of the social conditionality of a socially dangerous phenomenon, and in terms of possible criminal planning. **Purpose.** The goal is to consider the development of the criminal community of AUE and show what exactly determines the degree and scale of its criminality, to suggest the main directions of the strategy for countering this phenomenon. **Methodology.** Historical, systematic, and logical research methods are used. **Results.** In the historical context, the abbreviation “AUE” has several interpretations. One of them is indicated in the decision of the Supreme Court of the Russian Federation. The second sounds like this: “the convict way of life is one”, the third – “the convict urkagan unity”. In any case, we are talking about the spread of criminal ideology, which for a long time in Russia was not only ignored, but even “attached” to it in the form of perception and widespread use of Argo by professional criminals in the media. Within the framework of its activities and in its interests, members of the “AUE” committed extremist offenses, as well as mass riots. The movement’s activities based on criminal and extremist ideology pose a real threat to the life and health of citizens, society and the state. The lack of attention of law enforcement agencies to this problem allowed the Association “AUE” to involve hundreds of thousands (and by some estimates – millions) of young people in its ranks and take root in the information and network space. The fascination with the younger generations ideas of the “AUE” is a natural result of the marginalization of the population, its sharp differentiation in access to standards of modern civilization, the result of the masses of poor, downtrodden people (F. M. Dostoevsky), located on the periphery of the living space – in the social and territorial dimensions. There is reason to believe that the emergence of the Association “AUE” is one of the embodiments of criminal design carried out by the criminal community of “thieves in law”. **Conclusion.** Association “AUE” corresponds to the characteristics of an extremist community. However, the strategy to counter this phenomenon should follow a certain order. First of all, it is necessary to block the trend of marginalization of the population. Second of all, it is necessary to establish special control over those objects where criminal ideology is especially

actively implanted. The third is to ensure effective monitoring of social networks. And only in the fourth – to address the application of criminal law.

Keywords: extremist organization; judicial practice; prevention; marginalization; youth policy.

REFERENCES

1. Rumyantsev N.V., Frumm A.M. AUE: myth or reality? *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* = *The penal system: Law, Economics, Management*, 2018, no. 1, pp. 16-19. (In Russ.).
 2. Salikova N.I. AUE as a modern youth criminal subculture: setting up a Problem, in: *Problems of counteraction to the criminal subculture*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2018, pp. 103-109. (In Russ.).
 3. Ryabkov N.S., Polyakova A.E. Features of the formation and development of the criminal subculture of AUE, in: *Problems of counteraction to the criminal subculture*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2018, pp. 122-128. (In Russ.).
 4. Epova A.V. AUE as a modern direction of criminal subculture: reasons and methods of counteraction, in: *Problems of counteraction to the criminal subculture*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2018, pp. 142-148. (In Russ.).
 5. Bochkareva E.V. Distribution of criminal anti-culture in the youth environment. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* = *Actual problems of the Russian law*, 2019, no. 8, pp. 144-150. (In Russ.).
 6. Tirsikh A.A. Criminal ideology: concept, content and counteraction measures. *Rossiiskii sledovatel'* = *Russian investigator*, 2009, no. 3, pp. 30-32. (In Russ.).
 7. Dolgova A.I. *Crime, its organization and criminal society*. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2003. 572 p. (In Russ.).
 8. Barabanov N.P. Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* = *Man: crime and punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 177-182. (In Russ.).
 9. Krishnan A. Blockchain Empowers Social Resistance and Terrorism Through Decentralized Autonomous Organizations. *Journal of Strategic Security*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 41-58.
 10. Levitt M. Hezbollah's Organized Criminal Enterprises in Europe. *Perspectives on Terrorism*, 2013, vol. 7, no. 4, pp. 27-40.
-

About the authors

Kleymentov Mikhail – Honored Scientist of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University; Professor at the Department of Criminal Law and National Safety, Novosibirsk State University of Economics and Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: klim798@mail.ru
SPIN-code: 4431-6452, Author ID: 596245

Kozlovskaya Margarita – Ph.D. Student at the Department of Criminal Law and Criminology Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: kaf-up-310@mail.ru
SPIN-code: 6145-7289, Author ID: 1086028

Savelyev Andrey – Ph.D. in Law, Docent, Associate Professor at the Department of Criminology and Crime Prevention Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Postal address: 7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia
E-mail: savelevandrey80@mail.ru
SPIN-code: 9864-7968, Author ID: 509853

Article info

Received – September 28, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Kleymentov M.P., Kozlovskaya M.G., Savelyev A.I. "AUE" Extremist Criminal Community. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* = *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 75-80. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).75-80. (In Russ.).

УДК 343

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).81-85

ПОНЯТИЕ НЕРАСКРЫТОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

А. В. Ревягин, А. Ю. Гудков

Омская академия МВД России, г. Омск, Россия

Введение. Проблемы, возникающие в процессе раскрытия преступлений, всегда были объектом научного внимания специалистов различных сфер профессиональной деятельности. Это и специалисты в областях уголовного права, уголовного процесса, криминалистики оперативно-разыскной деятельности и криминологии. И не случайно, поскольку пути решения данной проблемы многообъемны, многоаспектны и включают в себя многочисленные сферы научного познания и практического анализа наиболее актуальных вопросов противодействия преступности в России. Нераскрытая преступность обладает рядом существенных закономерностей, которые, в свою очередь, детерминируют её криминологическую и социальную природу, а также обуславливают необходимость для её дальнейшего исследования. **Цель.** Определение подходов к формулированию понятия нераскрытой преступности стало целью данной работы. **Методология.** При проведении настоящего исследования были использованы различные, как общенаучные, так и специальные методы познания. При этом ключевыми из них стали диалектический метод, метод системного анализа. **Результаты.** В результате проведённого последовательного и системного анализа правовых категорий было выработано собственное определение: нераскрытая преступность – это социально опасное явление, выраженное в совокупности официально учтённых уголовно-наказуемых деяний, оставшихся нераскрытыми в связи с неустановлением виновных лиц, их совершивших, в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, аккумулирующих статистический массив нераскрытых преступлений прошлых лет. **Заключение.** Понятие нераскрытого преступления имеет научную и практическую ценность, поскольку признаки и свойства данного вида преступности определяют её как самостоятельный вид преступности, что предусматривает новые подходы к исследованию данного криминологического феномена, а также для совершенствования форм и методов борьбы с преступностью.

Ключевые слова: преступность; нераскрытая преступность; механизм формирования нераскрытой преступности; закономерности преступности; признаки нераскрытой преступности; свойства нераскрытой преступности.

1. Введение

Проблемы, возникающие в процессе раскрытия преступлений, всегда были объектом научного внимания специалистов различных сфер профессиональной деятельности. Пути решения данной проблемы многообъемны, многоаспектны и включают в себя многочисленные сферы научного познания и практического анализа наиболее актуальных вопросов противодействия преступности в России.

2. Методология

Представленная работа выполнена на основе использования как общенаучных, так и специальных методов познания. Ключевыми из них стали диалектический метод, метод системного анализа.

3. Сущность преступности

Как известно, преступность имеет древние корни. Трудно сказать, когда точно она появилась или когда было совершено первое преступление. С криминологической точки зрения можно предположить, что появление первых противоправных деяний в обществе обусловлено, прежде всего, благодатной социальной природой, удобренной социально-биологическими особенностями человека, его потребностями и мотивообразующими процессами. Всё это усугубляется тем, что преступность обладает способностью к самовоспроизводству [1, с. 255–261]. Именно поэтому сегодняшняя борьба с преступностью напоминает погоню за ящерицей, хвост которой всегда остаётся в руках ловца, а спустя неко-

торое время у скрывшейся рептилии благодаря процессу регенерации отрастает новый.

В познании сущности преступности серьёзный вклад внесли и отечественные криминологи Ю. М. Антонян, С. М. Иншаков, Н. Ф. Кузнецова, Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский и др. Первое и достаточно подробное определение данного социального явления предложила Н. Ф. Кузнецова: «Преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое, социальное, уголовно-правовое явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определённый период времени» [2, с. 174–175]. Если говорить о сущности преступности, представляется интересным мнение Ю. М. Антоняна: «Преступление – есть онтологическая реальность, его таким сделало общество и (или) государство, поэтому оно и объект, и продукт уголовной политики» [3, с. 19].

Резюмируя сказанное выше, преступность является, прежде всего, социальным негативным явлением, порождающим определённые категории последствий для граждан нашего общества, общественных отношений и системы государственного контроля над правопорядком.

4. Структура нераскрытой преступности

Для всей нераскрытой преступности как самостоятельного вида преступности характерна определённая структура, которая представлена тремя основными видами: *нераскрытой, латентной и ненаказанной преступностью*.

Одними из первых, кто обратил внимание на закономерности существования *латентной* преступности, были А. Ж. Кетле, Э. Ферри и Ф. Захаревич. А. Ж. Кетле утверждал, что число скрытых преступлений во много раз выше, нежели известных [4, с. 262–263]. Э. Ферри отмечал, что даже из числа известных, обнаруженных преступных деяний более 65 % остаются ненаказанными [5, с. 221]. Достаточно необычно с научной точки зрения высказался Ф. Захаревич: «...увеличение цифры преступлений, оказывающейся в статистической таблице, часто есть выражение лучшей системы, принятой для открытия их. Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть ещё средство, вполне доста-

точное для знания числа преступлений, истинно совершённых подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает числа рыб, которые плавают в реке» [6, с. 258].

По мнению В. В. Лунеева, латентная преступность представляет собой реальную, но скрытую или незарегистрированную часть фактически совершённых преступлений [7, с. 113].

А. А. Конев, исследуя проблемы латентной преступности, а именно спорные вопросы, связанные с определением самого понятия, приблизил свои познания к пониманию ненаказанной преступности как своего рода криминологического феномена. М. П. Клейменов, анализируя подходы А. А. Конева к пониманию ненаказанной преступности, отметил, что «нераскрытые преступления действительно не влекут наказания за совершённые преступниками деяния, однако уголовная ответственность может быть реализована и другими средствами (не только путём применения уголовного наказания)» [8, с. 30–31].

К большому сожалению, ни среди учёных, ни у законодателя нет единого понимания термина «нераскрытое преступление». Само понятие также исследовалось единожды М. П. Клейменовым, который также наиболее ярко актуализировал необходимость решения проблемы по снижению масштабов нераскрытой преступности, минимизации социальных последствий.

С одной стороны, данное определение нераскрытой преступности с точки зрения криминологии наукоёмко и обоснованно, поскольку в нём охарактеризованы природа данного явления, его общественная опасность и вытекающая из этого кумулятивная статистическая совокупность. С другой стороны, данный подход к пониманию феномена нераскрытой преступности представляется достаточно общим, поскольку в нём, например, не конкретизированы социальная природа данного явления, его правовой статус и кумулятивные тенденции.

Нераскрытая преступность обладает определённым объёмом признаков и свойств, позволяющих считать его самостоятельным криминологическим феноменом. Учитывая это, конкретизируем данное понятие, что позволит глубже его осознать и проанализировать наиболее полно.

5. Признаки нераскрытой преступности

Итак, к числу признаков нераскрытой преступности можно отнести:

- нераскрытость;
- условную раскрытость;
- безусловную раскрытость.

Признаком, детерминирующим именно нераскрытую преступность, является *нераскрытость*. Нераскрытость преступления – это состояние фактически совершённого уголовно-противоправного посягательства, при котором лицу, его совершившему, обоснованно не предъявлено соответствующее обвинение.

Второй признак нераскрытой преступности – *условная раскрытость*. Лишь установление лица, которое совершило преступление, и предъявление ему обоснованного обвинения позволяют говорить о том, что преступление «перешло» в состояние условной раскрытости, но по-прежнему остаётся нераскрытым. Его изменение в дальнейшем, как правило, зависит от решения суда.

Третьим признаком нераскрытой преступности выступает *безусловная раскрытость*, которая появляется в момент вступления в законную силу обоснованно провозглашённого обвинительного приговора или постановления суда о признании лица виновным в совершении именно этого преступления.

6. Свойства нераскрытой преступности

Первым свойством нераскрытой преступности является то, что образующие её посягательства совершены лицами, которым не предъявлено обвинение в совершении преступления в течение времени, позволяющего осуществить данную уголовно-процессуальную процедуру. Исходя из этого, масштабы нераскрытой преступности должны определяться с учётом всех посягательств, совершённых лицами, чья виновность может быть признана в установленном законом порядке, т. е. на основе *кумулятивного* накопления из числа посягательств, по которым обоснованно не провозглашён обвинительный приговор.

Второе свойство нераскрытой преступности характеризует её качественную сторону и раскрывает её основные параметры, влияющие на причины и условия, способствующие криминологической «стабильности» данного социального негативного явления,

которая, в свою очередь, представлена следующими структурными элементами:

– если преступление не раскрыто по «горячим» следам, то в 70 % случаях процесс поимки преступника приостанавливается и откладывается на потом из-за отсутствия информации о нём;

– понимая и осознавая эти факторы, преступники, в том числе и потенциальные, при планировании совершения тех или иных противоправных деяний учитывают их в создании криминальных схем и конструкций, осуществляя, в свою очередь, криминальное прогнозирование ухода от уголовного наказания.

Третьим свойством нераскрытой преступности выступает её способность переходить из одного состояния в другое. Уникальность свойства нераскрытой преступности в том, что она может переходить из одного состояния, т. е. возвращаться в прежние состояния и находиться в них достаточно продолжительное время, а зачастую и постоянно.

Неизбежным следствием взаимодействия предыдущих свойств нераскрытой преступности является *четвёртое, мимикрийное свойство*.

А. С. Овчинский, характеризуя мимирию организованной преступности, отмечал, что «...эта преступность часто неуязвима для правоприменительной и законотворческой деятельности и уголовной политики в целом, если речь идёт о высших эшелонах криминальной иерархии или о разветвлённых сетевых структурах криминального бизнеса. На фоне стабилизации экономики, затухания политических баталий в обществе, укрепления вертикали власти и административных реформ незаметно сошла со сцены проблема борьбы, противодействия или контроля над организованной преступностью. Когда криминализация общественных отношений достигает определённого насыщения, организованная преступность пожинает плоды свершившейся криминальной экспансии, развивая и совершенствуя свои мимикрийные качества» [9, с. 30–34].

В условиях современной криминализации общественных отношений мимикрия нераскрытой преступности особенно актуализирует существование данного социального явления.

7. Заключение

Таким образом, нераскрытая преступность – это социально опасное явление, выраженное в совокупности официально учтённых уголовно-наказуемых деяний, оставшихся нераскрытыми в связи с неустановле-

нием виновных лиц, их совершивших, в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, аккумулирующих статистический массив нераскрытых преступлений прошлых лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хмелева А. В. О причинах, по которым преступления «прошлых» лет остаются нераскрытыми // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2014. – № 4. – С. 255–286.
2. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.
3. Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. – М. : Камерон, 2005. – 283 с.
4. Кетле А. Ж. Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. – Киев : Киев. коммерч. ин-т, 1911. – 360 с.
5. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М. : Норма : Инфра-М, 2005. – 658 с. – (Библиотека криминолога).
6. Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал Министерства внутренних дел. – 1853. – Ч. 41. – 451 с.
7. Лунеев В. В. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – М. : Юристъ, 2007. – 684 с.
8. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Нераскрытая преступность : монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2015. – 208 с.
9. Овчинский А. С., Борзунов К. К., Шпагина Е. М., Бокшицкий В. И., Каретников М. К., Хомяков Н. Г., Тюреева Е. А., Билюгина Н. В., Колосов В. В. Теоретические основы и алгоритмы инициативной обработки непрерывно поступающей оперативно-розыскной информации на основе криминологического прогнозирования. – М. : Норма : Инфра-М, 2015. – 247 с.

Информация об авторах

Ревягин Александр Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминологии и профилактики преступлений

Омская академия МВД России

Адрес для корреспонденции: 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7

E-mail: rav090@mail.ru

SPIN-код: 5248-6561, Author ID: 745719

Гудков Александр Юрьевич – преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений

Омская академия МВД России

Адрес для корреспонденции: 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7

E-mail: anti-crime@yandex.ru

SPIN-код: 1228-3854, Author ID: 1046831

Информация о статье

Дата поступления – 28 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Ревягин А. В., Гудков А. Ю. Понятие нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 81–85. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).81-85.

THE CONCEPT OF UNSOLVED CRIME

A.V. Revyagin, A.Y. Gudkov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

Introduction. Problems that arise in the process of solving crimes have always been the object of scientific attention of specialists in various fields of professional activity. They are also specialists in the fields of

criminal law, criminal procedure, criminology, operational investigative activities and criminology. This is not by chance, since the ways to solve this problem are multi-volume, multi-faceted and include numerous areas of scientific knowledge and practical analysis of the most pressing issues of combating crime in Russia. Unsolved crime has a number of significant patterns that, in turn, determine its criminological and social nature, as well as determine the need for its further research. **Purpose.** Definition of approaches to the formulation of the concept of unsolved crime. **Methodology.** Various General scientific and special methods of cognition were used in this study. At the same time, the key ones were the dialectical method and the method of system analysis. **Results.** As a result of a consistent and systematic analysis of legal categories, we developed our own definition: unsolved crime is a socially dangerous phenomenon, expressed in the aggregate of officially registered criminal acts that remained unsolved due to the failure to identify the perpetrators during the Statute of limitations for criminal prosecution, accumulating a statistical array of unsolved crimes of previous years. **Conclusion.** The concept of unsolved crime has scientific and practical value, since the signs and properties of this type of crime define it as an independent type of crime that determines new approaches to the study of this criminological phenomenon, as well as to improve the fight against crime.

Keywords: crime; unsolved crime; mechanism of formation of unsolved crime; patterns of crime; signs of unsolved crime; properties of unsolved crime.

REFERENCES

1. Khmeleva A.V. On the reasons why the crimes of the "past" years remain unsolved. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya* = Investigation of crimes: problems and solution, 2014, no. 4, pp. 255-286. (In Russ.).
2. Kuznetsova N.F. *Crime and criminality*. Moscow, Moscow University Publishing House, 1969. 232 p. (In Russ.).
3. Antonyan Yu.M. *Why people commit crimes. Causes of crime*. Moscow, Kameron Publ., 2005. 283 p. (In Russ.).
4. Quetelet A.J. *Social physics, or Research experience on the development of human abilities*. Kyev, Kyev commercial Institute Publ., 1911. 360 p. (In Russ.).
5. Ferri E. *Criminal sociology*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2005. 658 p. ("Criminologist's Library" Series). (In Russ.).
6. Zakharevich F. Experience of legal statistics. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* = Journal of the Ministry of Internal Affairs, 1853, part 41. 451 p. (In Russ.).
7. Lunev V.V. *Criminology*, textbook. Moscow, Yurist Publ., 2007. 684 p. (In Russ.).
8. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. *Undisclosed crime*, monograph. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2015. 208 p. (In Russ.).
9. Ovchinsky A.S., Borzunov K.K., Shpagina E.M., Bokshitsky V.I., Karetnikov M.K., Khomyakov N.G., Tyuryaeva E.A., Bilyugina N.V., Kolosov V.V. *Theoretical foundations and algorithms for initiative processing of continuously incoming operational search information based on criminological forecasting*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2015. 247 p. (In Russ.).

About the authors

Revyagin Alexander – Ph.D. in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminology and Crime Prevention

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Postal address: 7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

E-mail: rav090@mail.ru

SPIN-code: 5248-6561, Author ID: 745719

Gudkov Alexander – Lecturer at the Department of Criminology and Crime Prevention

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Postal address: 7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

E-mail: anti-crime@yandex.ru

SPIN-code: 1228-3854, Author ID: 1046831

Article info

Received – September 28, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Revyagin A.V., Gudkov A.Y. The Concept of Unsolved Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* = Herald of Omsk University. Series "Law", 2020, vol. 17, no. 4, pp. 81-85. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).81-85. (In Russ.).

УДК 343.237

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).86-96

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСОБНИЧЕСТВО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С. С. Некоз

Восточно-Сибирская транспортная прокуратура, г. Борзя, Россия

Введение. Исследование истории пособничества зачастую осуществляется вне контекста общей истории уголовного права, в связи с чем можно встретить весьма произвольный подход к решению вопроса о периодизации нормативной истории пособничества, что явно не способствует формированию общих и правильных представлений о развитии соответствующей уголовно-правовой конструкции. История уголовно-правовых установлений об ответственности за пособничество в совершении преступления даёт возможность лучше понять текущее состояние данного уголовно-правового института. В современной науке типичным приёмом анализа является исследование лишь правовых памятников, которые в той или иной степени отражали нормативные представления о пособничестве в различные исторические эпохи. В расчёт при этом не берутся ни доступные источники из судебной практики, ни положения уголовно-правовой доктрины. Такой подход к организации исследования не только является неполным, но и существенным образом искажает сам принцип построения историко-правового анализа. **Цель.** Целью исследования является комплексный анализ эволюции научных представлений об ответственности за пособничество в совершении преступления, что позволит исключить произвольный подход к решению вопроса о периодизации нормативной истории пособничества. **Методология.** При проведении настоящего исследования были использованы различные, как общенаучные, так и специальные методы познания. При этом ключевым из них стал историко-правовой метод. **Результаты.** Проведённое исследование основных моделей уголовно-правовой оценки пособничества позволяет внести важные уточнения и дополнения в имеющиеся научные представления о генезисе этой уголовно-правовой конструкции. Во-первых, оно позволяет опровергнуть сформулированные в науке весьма категорические представления об истории пособничества как о последовательном переходе от «менее совершенных» и «неправильных» законодательных формулировок к «более совершенным» и «верным». Во-вторых, исследование позволяет поставить под сомнение тезис о линейном развитии уголовно-правовой науки и практики в части оценки пособничества в «советский» и «досоветский» период, о том, что развитие пособничества в советскую эпоху пошло по пути, выработанному дореволюционной теорией и практикой. В-третьих, исследование доказывает, что на всех этапах развития уголовного права теоретическое и нормативное понимание пособничества предполагало наличие как минимум двух противоположных моделей. Каждая альтернативная модель предполагала, в силу системных свойств уголовного права, специфическое построение иных уголовно-правовых институтов и норм (прикосновенности, форм соучастия, преступлений против общественной безопасности, стадий совершения преступления, правил назначения наказания и др.). **Заключение.** Проведённое исследование основных моделей уголовно-правовой оценки пособничества, представленных в истории отечественного законодательства и правовой доктрины, позволяет внести важные уточнения и дополнения в имеющиеся научные представления о генезисе этой уголовно-правовой конструкции.

Ключевые слова: пособничество; совершение преступления; преступный результат; модель пособничества; соучастие; история пособничества; назначение наказания; форма соучастия.

1. Введение

Изучение истории позволяет лучше понять состояние определённого уголовно-правового института, а через это – определить возможные пути его дальнейшего совершенствования и развития. В современной науке типичным приёмом анализа является исследование лишь правовых памятников, которые в той или иной степени отражали

нормативные представления о пособничестве в различные исторические эпохи. В расчёт при этом не берутся ни доступные источники из судебной практики, ни положения уголовно-правовой доктрины.

2. Методология

При проведении настоящего исследования были использованы различные, как общенаучные, так и специальные методы по-

знания. При этом ключевым из них стал историко-правовой метод.

3. Модели пособничества, разработанные в России на протяжении двух последних столетий

Уголовное законодательство одновременно и создавало поводы, и отражало содержание ведущих теоретических дискуссий относительно понимания роли, признаков и значения пособничества. Эти дискуссии не исчерпаны и в современной науке, это позволяет рассматривать нормативную историю пособничества с позиций созданных в истории моделей его нормативной оценки, а не только с хронологической точки зрения. Представим в связи с этим наиболее существенные теоретико-нормативные модели пособничества, разработанные в России на протяжении двух последних столетий, начиная с XIX столетия, выделяя их дихотомичными парами, противоположным образом решающими тот или иной ключевой вопрос пособничества.

3.1. Об общественной опасности, основании и пределах наказуемости пособничества

В обсуждении этого вопроса *история уголовного права показывает наличие двух моделей (постулаты классической и социологической школ уголовного права).*

Так, Свод законов 1832 г. (в ст. 11–13, 118 и 119), а затем и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹ (ст. 13–17, 123–134), Уголовное уложение 1903 г.² (в ст. 51, 53) закрепили основные идеи уголовного права о том, что пособничество как проявление участия лица в «чужом» для него преступлении исполнителя обладает меньшей общественной опасностью, нежели действия исполнителей и подстрекателей («главных виновников»), поэтому пособничество требует предустановленных в законе правил об обязательном сокращении наказания, предусмотренных в статьях Особенной части за то или иное преступное деяние, однако это не исключало для законодателя возможности в статьях Особенной части оговаривать равную наказуемость пособничества и исполнительства применительно к отдельным преступлениям.

Такие положения структурно создавали равновесный каркас института соучастия,

дефинитивные нормы которого были изложены в разделе о преступлении, а регулятивные – в разделе о наказании. В теоретическом плане они основывались на основании акцессорной теории соучастия, согласно которой пособничество есть деятельность «второстепенная» [1, с. 72]; пособничество есть лишь участие в исходящем от виновника причинении последствия, а потому требует принципиально более мягкого наказания [2, с. 235]; пособник лишь помогает чужому намерению, «не присваивая его себе», а потому и вина его меньше вины исполнителя [3, с. 131].

Такой модели пособничества противопоставлялась конструкция И. Я. Фойницкого, который считал достаточным для привлечения к ответственности соучастников, включая пособников, наличие норм Особенной части, объём которых при определённом толковании уголовно-правового запрета должен был включать в себя все действия, связанные с реализацией умысла на совершение того или иного преступления [4]. Основная идея И. Я. Фойницкого состояла в том, что «предмет государственной карательной власти есть не деяние, а деятель, сам человек в его психическом состоянии преступности, подпадающим карательным мерам настолько, насколько состояние это выразилось в определённых внешних проявлениях». Эта идея была принята советской властью и наукой.

Так, А. А. Пионтковский соглашался с тем, что у сторонников социологической школы права отсутствует необходимость в создании института соучастия, который является «излишним» и «вредным» (поскольку ответственность пособников вытекает из статей Особенной части и основывается на общих представлениях о причинной связи и позволяет оставить опасность пособника, проявившуюся в его конкретных действиях, вне реакции со стороны государства, в случае, когда исполнитель не совершает преступления) [5, с. 184–185]. Поддерживал эту мысль М. Н. Гернет, указывая, что «сторонники социологической школы, выдвигающие значение субъективного момента в преступности на первое место, в том числе Фойницкий, пришли к верному выводу о необходимости применения к участию общих теоретических начал и к устранению понятия со-

участия из науки и кодексов». В ситуации соучастия, писал он также, нет одного преступления, совершённого несколькими лицами, но есть столько преступлений, сколько преступников [6, с. 191–192]. Эта новая модель, выступающая против акцессорности, основывалась на теории, которая отстаивала идею самостоятельности оснований ответственности каждого участника преступления. В нормативном выражении указанные идеи были изложены уже в первых актах советской власти. Так в ст. 21 Руководящих начал по уголовному праву предельно чётко было указано: «За деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершённого им деяния»³.

Надо признать, что в своих «крайних», «чистых» вариантах классическая, акцессорная и социологическая, самостоятельная модели пособничества (и соучастия в целом) никогда не были представлены в законе и никогда не вытесняли одна другую. Классические и социологические представления о пособничестве сосуществовали, конкурировали друг с другом и взаимно дополняли друг друга.

В действующем кодексе такое взаимовлияние также заметно. Признавая основанием уголовной ответственности пособника именно деяние, содержащее признаки состава преступления (ст. 8 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ), он акцентирует внимание на таких значимых для назначения наказания обстоятельствах, которые в большей степени характеризуют именно совершённые соучастниками действия, нежели их личные данные. С другой стороны, кодекс не содержит оценки соучастия как более опасной разновидности преступления и позволяет рассматривать действия пособника не как участие в «чужом» преступлении, а как вполне самостоятельный деликт, образующий самостоятельное основание уголовной ответственности.

3.2. О видах пособнических действий и способах описания пособничества в законе

А) Конкретизация преступного пособничества

Теоретическое обсуждение и нормативная оценка этого признака привели к форми-

рованию в уголовном праве двух основных моделей пособничества. Источник их противостояния кроется в различении понятий «преступление», которое характеризует конкретный акт поведения человека, и «преступная деятельность», которое больше подходит для описания некоего поведения или образа действий. Уголовное право стремилось доступными ему средствами воздействовать на пособничество и тому, и другому. Ещё ст. 60 Новоуказных статей 1669 г. предписывала: «На которых людей языки говорят с пыток в станах и приездах, и тех людей по язычным молкам иметь, а животы их переписав, запечатать, и с языками с очей на очи ставить и расспрашивать, и указ им чинить также, как и разбойником; а на которых людей языки говорят с пыток в подводе и в понаровке, и тех людей по язычным молкам иметь ж, и животы их печатать, и тех людей с языками с очей на очи ставить и расспрашивать, и указ им чинить тот же, что и разбойником и становщикам»⁴. Вполне очевидное противопоставление «станов и приездов», с одной стороны, «подводам и понаровкам» – с другой, есть один из первых опытов разделения «пособничества вообще» от «пособничества конкретным преступлениям». В теоретическом плане это позволило, к примеру, П. Д. Калмыкову разделить пособников на определённых и неопределённых. «Определённым участником называется тот, кто оказывает пособие в одном определённом деянии, например в данном убийстве; неопределённым – тот, кто соглашается помогать при известном роде преступления без обозначения и количества, например при воровстве» [3, с. 133].

Заметим, что пособничество понималось как действия, направленные на оказание помощи в совершении того или иного, но всегда конкретного преступления. «Пособлять можно только кому-нибудь», – писал В. Д. Спасович [7, с. 175–176]. «Пособничество всегда оказывается преступной деятельности определённого лица или группы лиц», – вторил ему спустя столетие В. С. Прохоров [8, с. 621].

Свод законов 1932 г., в противоположность указанному, выделял «становщиков» и «пристаносодержателей» (ст. 15) как лиц, которые оказывают неконкретизированную

помощь преступникам «вообще». Оценка подобного рода деяний осуществлялась посредством их самостоятельной криминализации в Особенной части уголовного закона. Так, в УК РСФСР 1922 г. эта идея была реализована в ст. 68 (аналог — ст. 58.12 УК РСФСР 1926 г.), которая наказывала «укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным ст. 57–67, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомлённости об их конечных целях» (в ст. 57–67 предусматривалась ответственность за контрреволюционные преступления); а также в определённой степени в ст. 76 (аналог — ст. 59.4 УК РСФСР 1926 г.), которая преследовала «пособничество бандам». Ярким примером такого «общего пособничества» может служить практика признания пособником в хищении лица, которое приобретало или сбывало имущество, добытое преступным путём не только в силу данного заранее обещания, но и «по иным причинам, например в силу систематического их совершения, что давало исполнителю преступления основание рассчитывать на подобное содействие»⁵.

Такие модели «конкретизированного» и «общего» пособничества сосуществуют по сегодняшний день, во многом определяя направления и вектор изучения институциональной природы пособничества⁶.

Б) Характер связи с деянием исполнителя

Эта оценка демонстрирует эволюцию от модели, которая не различала прикосновенную и соучастную связь, к модели, которая их отчётливо противопоставляет.

Исторически первой можно признать модель, изложенную в проекте Уложения 1813 г., согласно которому (§ 17) «вспомогателями» признавались лица, которые «заведомо способствовали к совершению преступления», а «также и те, которые хотя и не имели предварительного сведения о преступлении, но когда уже оно учинено, укрыли его для пользы, которую или получили, или ожидали». Согласно этим предписаниям любая форма прикосновенности к преступлению могла быть подведена под понятие пособничества. Более позднее повторение этой модели в первых советских уголовных законах

можно объяснить влиянием социологической доктрины, которая мало стремилась к уточнённой разработке понятия соучастия. В связи с этим, в частности, А. А. Пионтковский был вынужден признать, что понятием пособничества с объективной стороны охватывается: 1) пособничество в тесном смысле слова (содействие совершению преступления); 2) укрывательство преступления (содействие сокрытию преступника и следов преступления) [9, с. 241–242]. Судебная практика вплоть до середины XX в. испытывала серьёзные трудности в разграничении пособничества и прикосновенности.

Такой *эклектичной модели пособничества в теории и в законодательстве может быть противопоставлена более строгая модель, предъявляющая к пособничеству жёсткие требования объективной и субъективной связи с исполнением*. Уголовное уложение 1903 г. устанавливало в качестве общего признака соучастия «действие заведомо сообщая» (ст. 51). Эта мысль была подтверждена в УК РСФСР 1960 г., который, определяя соучастие как умышленное и совместное участие в совершении преступления, в дефиниции пособничества (ст. 17) акцентировал внимание на то, что действия являются «заранее обещанными», и чётко противопоставил соучастию заранее не обещанное укрывательство (ст. 18) и недонесение о преступлении (ст. 19).

Исследуя эту связь пособничества с исполнением, наука и практика обращала внимание на два момента:

- Во-первых, содержание вины пособника. Наука исходила из представлений об умышленном и осознанном характере действий соучастников. Н. Д. Сергеевский писал: «Юридическое понятие соучастия определяется знанием каждого из соучастников о присоединяющейся деятельности других соучастников» [10, с. 313]. В решении Кассационного департамента Правительствующего Сената № 674 за 1872 г. применительно к пособничеству этот аспект связи был выражен вполне чётко: «Для признания известных действий пособничеством необходимо, чтобы между ним и действиями виновника в самом совершении преступления была связь, доказывающая предварительное между обвиняемыми соглашение на совершение пред-

намеренного ими преступления. Для применения же закона о пособничестве необходимо, чтобы между несколькими совершившими преступление был предварительный на то уговор» [11, с. 38]. «Пособничество есть умышленная поддержка другого лица при умышленно совершённом им преступлении или проступке», – указывал Ф. Лист [2, с. 248–249]. «Пособники действуют в преступлении всегда намеренно, но не вследствие неосторожности, пособничество должно быть заведомое», – вторил А. Ф. Бернер [12, с. 511, 518].

- Во-вторых, детерминированность действий исполнителя действиями пособника. Такая детерминированность трактовалась или в аспекте причинной связи, или же как связь обуславливания. К примеру, Н. Д. Сергеевский писал: «Возникшее преступное деяние должно быть вменено полностью всем соучастникам. ...Деятельность каждого из них есть одинаково причина возникшего результата, и каждый из них находится по отношению к результату в одинаковых субъективных условиях вменения» [10, с. 313–314]. Позднее Э. Я. Немировский указывал: «Необходимо, чтобы пособничество находилось в причинном отношении к результату, т. е. чтобы оно оказало какое-либо влияние на совершение преступного деяния. Не имевшее такого последствия действие не подходит под понятие пособничества» [13, с. 202].

Причинная связь и умысел как обязательные признаки отражают наиболее жёсткий вариант понимания пособничества. В менее жёстких вариантах исследователи допускали возможность неосторожного пособничества, которое находится в обуславливающей связи с действиями исполнителя и с наступившим преступным результатом. Большое внимание этому вопросу уделил в своей работе Г. Колоколов, он пришёл к выводу, что причинной связи между отдельными действиями пособника и преступным результатом не существует, что причина преступного результата образуется совокупными усилиями всех участвующих в преступлении лиц. Однако он утверждал: «Как бы ни была ничтожна деятельность участвующего лица, как бы она ни была удалена от преступного результата, мы должны признать её во всяком случае столь же необходимой для последне-

го, как и действие исполнителя непосредственного. ...Со стороны объективной между соучастниками нет никакого принципиального различия» [14, с. 103–104]. Им была сконструирована третья форма вины – «посредствующее звено между умыслом и неосторожностью», которая характеризуется сознанием вероятности преступного результата, исключаящим расчёт избежать последствия и существующим в то же время желанием, чтобы результат был так или иначе отклонён. «Общепринятое разделение соучастников оказывается применимым только в трёх ситуациях: 1) когда один действует умышленно, второй – неосторожно, 2) когда один действует умышленно, у второго – посредствующая форма вины, 3) когда один действует неосторожно, второй – с посредствующей формой вины» [14, с. 108–110]. С критикой единения воли и причинной связи действий с результатом как основанием для построения соучастия выступал М. Н. Гернет: «Наиболее правильным мы считаем определение соучастия как обусловление преступного результата деятельностью нескольких лиц при той или иной форме вины (в том числе неосторожной)» [6, с. 190].

Эти две конструкции соучастия (*причинно-умышленная и обуславливающе-виновная*) конкурируют по сегодняшний день. При этом анализ свидетельствует: а) законодательство и практика его применения строго придерживаются представлений об умышленном, осознанном характере действий соучастников, а следовательно, и пособников при совершении умышленного преступления, в связи с чем вопрос о неосторожном пособничестве всецело переносится в область теоретических дискуссий, не оказывая существенного влияния на нормативные источники; б) проблема причинной связи, напротив, в силу своего философского характера, не нашла отражения в законе, составляя основание для научных дискуссий, однако её осмысление позволило в некоторой степени «примирить» учение о причинности с пособничеством, в частности, за счёт таких уточняющих и развивающих построений, как признание информационного характера причинной связи [8, с. 621] и дифференциация причинной связи на прямую и опосредованную вмешательством «третьих сил» [15, с. 228; 16, с. 202].

В) Перечень действий пособника

Также был в центре внимания вопрос о том, какие конкретно действия, виновно и причинно связанные с поведением исполнителя и наступлением преступного результата, считать пособничеством. В истории российского уголовного права было несколько подходов:

- Во-первых, это *модель, предполагающая указание лишь на общую характеристику действий пособника, без их конкретизации в законе и без конструирования исчерпывающего перечня пособнических действий*⁷. Она была реализована в Своде законов 1832 г., согласно которому «вспомогателями» признавались все, «которые содействовали или советом, или подущением, или другим каким образом заведомо способствовали к совершению преступления», и находила поддержку в науке. Н. Д. Сергеевский писал по этому поводу, что «наука не может дать наперёд исчерпывающих определений, а может предложить в руководство судье лишь положения, имеющие значение примеров. Никаких априорных, исчерпывающих правил дать нельзя, кроме разве таких общих выражений, как например, следующие: пособник есть лицо, действующее самостоятельно, занимает второстепенную роль, не совершает преступного деяния, а лишь помогает, – выражений которые будут совершенно правильны, но вместе с тем и бессодержательны» [10, с. 317].

Так, анализируя ст. 16 УК РСФСР 1926 г., А. А. Пионтковский писал, что перечень способов пособничества в ст. 16 надо рассматривать как примерный, так как он не охватывает даже наиболее обычных форм пособничества. По мнению исследователя, очевидно, здесь имеет место редакционный недосмотр, поэтому ст. 16 подлежит распространительному толкованию путём признания пособничеством «всякого действия, которое содействует выполнению преступления, не подходя под понятие действий подстрекателя и исполнителя» [5, с. 190]. О расширительном толковании признаков пособничества в судебной практике по первым советским актам пишут и современные авторы [17, с. 42; 18, с. 144; 19, с. 48]. Наиболее ярко такой «обобщённый» подход к пониманию пособничества проявился в Основах уголов-

ного законодательства Союза ССР 1924 г., которые вовсе не давали определения этому виду соучастия.

- Во-вторых, это *модель, которая требует строгого и исчерпывающего указания в законе на список деяний, образующих пособничество*. К примеру, С. Баршев формулировал, что помощники в преступлении есть те, «кто, сам не имея намерения совершить его, способствует, однако же, намеренно в его совершении другому». Сюда он относил исключительно тех, кто: а) укрепляет в других намерение совершить преступление, б) присутствует при самом совершении преступления и помогает словом или делом, в) хотя и совершает внешнее действие, необходимое для приведения в исполнение преступления, но не для собственной цели, г) кто имея обязанность препятствовать совершению преступления заведомо не препятствует тому [20, с. 94].

Весьма остро этот вопрос обсуждался при разработке Уголовного уложения 1903 г. Редакционная комиссия, готовившая проект этого документа, отмечала: «Наше действующее уложение примыкает к системе перечня и различает пять категорий пособников. Эту систему приняла и Редакционная комиссия и удержала её в последней редакции, несмотря на возражения со стороны некоторых лиц, предлагавших последовать примеру германского кодекса и определить пособников общим выражением: “помогавшие словом и делом”. Такое обобщение, по мнению комиссии, может иметь крайне невыгодные последствия, расширяя по неопределённости признаков не только понятие соучастников в тесном смысле, в противоположность согласившимся на преступление, так как все согласившиеся могут быть легко подведены под понятие помогавших словом, но даже этою формулою может быть значительно расширен вообще круг лиц, привлекаемых по поводу учинения какого-либо деяния, например, отнесением к ним всех прикосновенных»⁸.

Более того, комиссия пошла дальше, предлагая сконструировать специальные положения относительно интеллектуального пособничества. В частности, указывалось: «Относительно интеллектуального пособничества, в виду возможности слишком значи-

тельного его объёма, комиссия сочла полезным, рядом с перечислением объективных условий пособничества, особо указать, что этими средствами была действительно оказана помощь, так что суд в каждом отдельном случае должен не только установить, что виновный дал совет или указание, но что через это действительно была оказана помощь или содействие учинившим преступное деяние»⁹.

Такое предложение исходило, как представляется, из разработанного в доктрине учения о градации пособничества («главное», «существенное» и «неглавное», «несущественное»). Главным называют пособника, «оказывающего услугу, без которой, заведомо ему, преступление не могло быть исполнено» [12, с. 516–517]; главный пособник совершает действие, от которого зависит само исполнение преступления (например, доставляет лестницу, необходимую для воров); неглавный учиняет действие второстепенное (заряжает пистолет). Это различие важно для определения степени виновности [3, с. 134]. В зависимости от того, было ли содействие пособника необходимо для совершения преступления или же последнее могло исполниться без такого содействия, существенный пособник должен быть наказан наравне с виновником [21, с. 240].

4. Заключение

Проведённое исследование основных моделей уголовно-правовой оценки пособничества, представленных в истории отечественного законодательства и правовой доктрины, позволяет внести важные уточнения и дополнения в имеющиеся научные представления о генезисе этой уголовно-правовой конструкции.

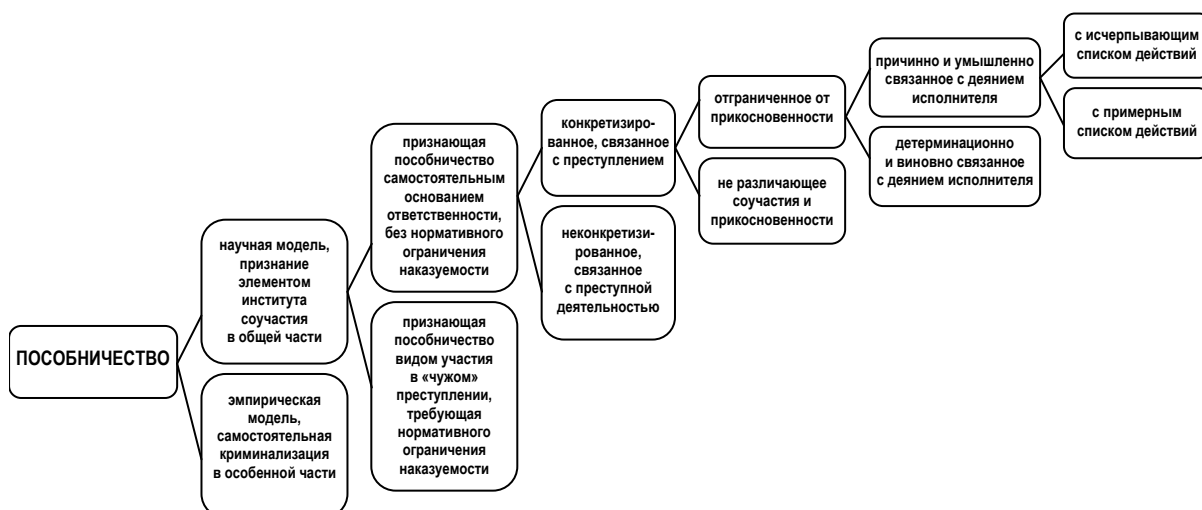
Во-первых, оно позволяет оспорить сформулированные в науке весьма категорические представления об истории пособничества как о последовательном переходе от «менее совершенных» и «неправильных» законодательных формулировок к «более совершенным» и «верным». Любая оценка историко-правовых конструкций с позиций «совершенные – несовершенные» осуществляется с точки зрения современных нормативных правил и под большим влиянием субъективных, авторских предпочтений, а потому изначально является методологически ушербной. На каждом этапе эволюции

уголовный закон позволял реагировать на все проявления «определённого» и «неопределённого» пособничества, выполняя своё основное социальное предназначение, состоящее в охране интересов безопасности. В этой связи основной вектор истории пособничества может быть охарактеризован лишь как последовательное отграничение пособничества от близких уголовно-правовых феноменов.

Во-вторых, исследование позволяет поставить под сомнение тезис о линейном развитии уголовно-правовой науки и практики в части оценки пособничества в «советский» и «досоветский» период, о том, что развитие пособничества в советскую эпоху пошло по пути, выработанному дореволюционной теорией и практикой¹⁰. Такая «линейность» не присуща науке в силу того, что сама наука всегда предполагает наличие множества точек зрения на один и тот же объект познания и предлагает несколько альтернативных вариантов его объяснения. Дореволюционный период предложил несколько моделей пособничества, наметил не «путь», но «пути» его возможного развития. В советское время эти модели также сосуществовали в качестве альтернативных вариантов понимания пособничества. Некоторые из них получали официальное признание законодателем и находили отражение в законе и практике правоприменения.

В-третьих, исследование доказывает, что на всех этапах развития уголовного права теоретическое и нормативное понимание пособничества предполагало наличие как минимум двух противоположных моделей (см. рис. ниже). Эти модели в теоретическом отношении целесообразно конструировать, исходя из оценки различных признаков, в той или иной степени характеризующих пособничество: институционализация в структуре уголовного закона, близость к аксессуарной теории соучастия, связь с прикосновенностью, связь с конкретным преступлением, особенности вины и детерминационной связи, юридико-технические способы описания в статье уголовного закона.

Каждая альтернативная модель предполагала, в силу системных свойств уголовного права, специфическое построение иных уголовно-правовых институтов и норм (прикосновенности, форм соучастия, преступлений

Эволюция моделей пособничества в истории российского уголовного права

Evolution of complicity models in the history of Russian criminal law

против общественной безопасности, стадий совершения преступления, правил назначения наказания и др.). Эта модель давала возможность оценить самые различные варианты пособничества преступлениям, а выбор модели и её закрепление в законе зависели от множества различных причин (объективный уровень доктрины уголовного права и субъективные факторы). Официальное закрепление той или иной модели пособничества было предопределено отношением закона и доктрины к таким общим уголовно-правовым феноменам, как соучастие, основание уголовной ответственности, принцип личной и виновной ответственности, задачи уголовного права. Что касается альтернативной (официально не признанной) модели, то её потенциал не исчезал полностью из уголовно-правового пространства, но зачастую использовался либо в процессе толкования и применения уголовно-правовых норм (в том числе расширительного), либо как основа для конструирования специальных уголовно-правовых предписаний (в том числе самостоятельной криминализации пособнических действий).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Императорск. Велич. канцелярии, 1845. – 922 с.

² Уголовное уложение. Высочайше утверждённое 22 марта 1903 г. – СПб. : Сенат. тип., 1903. – 229 с.

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / сост. А. А. Герцензон ; под ред. И. Т. Голякова. – М. : Гос. издат. юрид. лит., 1953. – 464 с.

⁴ Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1963. – С. 178, 418.

⁵ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступления, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» (Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1962. – № 5. – С. 17–19).

⁶ Шубина В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – С. 8.

⁷ Полагаю, что противоречит исторической правде сформулированный в современной науке вывод о том, что перечень способов содействия преступлению на протяжении всего времени был закрытым. См.: Еришов С. А. Пособничество в Общей и особенной частях УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2014. – С. 9.

⁸ Уголовное уложение. Объяснения к Проекту Редакционной комиссии. Т. 1. Глава 1. – СПб. : Гос. тип., 1895. – С. 464–465.

⁹ Там же. – С. 466.

¹⁰ Малахов О. В. Институт соучастия в уголовном праве России 1917–1926 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9–10.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Неклюдов Н. А.* Общая часть уголовного права (конспект). – СПб. : Тип. И. П. Меркульева, 1875. – 192 с.
2. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть. – Разрешённый автором перевод с 12-го перераб. изд. Ф. Ельяшевич ; с предисл. автора и М. В. Духовского. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1903. – 334 с.
3. *Калмыков П. Д.* Учебник уголовного права, изданный А. Любавским. Часть Общая. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. – 535 с.
4. *Фойницкий И. Я.* Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. – 1891. – Т. VII, кн. 1, № 1. – 168 с.
5. *Пионтковский А. А.* Уголовное право РСФСР. Часть Общая. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1924. – 235 с.
6. *Гернет М. Н.* Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном университете Московского общества народных университетов. – Херсон : Изд. Н. А. Ходушина, 1913. – 202 с.
7. *Спасович В.* Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1. – СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. – 178 с.
8. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред.: Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л. : ЛГУ, 1968. – 646 с.
9. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. А. Герцензона, Б. С. Ошеровича, А. А. Пионтковского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 331 с.
10. *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. – 3-е изд. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. – 397 с.
11. *Волков Н. Т.* Новое Уголовное уложение. С сенатскими решениями, разъяснениями и указателями: сравнительными статей с уложением и уставом о наказаниях и предметным (алфавитным). – М. : Склад изд-ва Н. Т. Волкова, 1906. – 344 с.
12. *Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. – СПб. : Изд-во Н. Неклюдова, 1867. – 916 с.
13. *Немировский Э. Я.* Учебник уголовного права. Общая часть. – Одесса : Изд-во Акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1919. – 362 с.
14. *Колоколов Г.* О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). – М. : Имп. Моск. ун-т, 1881. – 210 с.
15. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 244 с.
16. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.
17. *Пикуров О. Н.* Трансформация института пособничества в советском и российском уголовном праве // Lex Russica. – 2018. – № 7. – С. 39–53.
18. *Шарапов Р. Д., Минин Р. В.* Пособничество преступлению: закон, теория, практика // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 6 (104). – С. 140–147.
19. *Шубина В. Ю.* Пособничество в совершении преступления в истории отечественного уголовного законодательства (X в. – начало XX в.) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 2. – С. 46–51.
20. *Баршев С.* Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. В двух разделах. – М. : Университет. тип., 1841. – 250 с.
21. *Будзинский С.* Начала уголовного права. – Варшава : Тип. И. Яворского, 1870. – 362 с.

Информация об авторе

Некоз Сергей Сергеевич – Борзинский транспортный прокурор Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры

Адрес для корреспонденции: 674600, Россия, Забайкальский край, г. Борзя, ул. Железнодорожная, 44

E-mail: nekoz_s@mail.ru

SPIN-код: 2721-2035, Author ID: 1084125

Информация о статье

Дата поступления – 20 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Некоз С. С. Эволюция научных представлений об ответственности за пособничество в совершении преступления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 86–96. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).86-96.

EVOLUTION OF SCIENTIFIC IDEAS ON RESPONSIBILITY FOR AIDING AND ABETTING A CRIME

S.S. Nekoz

The East Siberian Transport Prosecutor's Office, Borzaya, Russia

Introduction. The study of the history of complicity is often carried out outside the context of the general history of criminal law, in this connection, one can find a very arbitrary approach to solving the question of the periodization of the normative history of complicity, which clearly does not contribute to the formation of general and correct ideas about the development of the corresponding criminal legal structure. The history of criminal law provisions on liability for complicity in the commission of a crime makes it possible to better understand the current state of this criminal law institution. In modern science, a typical method of analysis is to study only legal monuments that to some extent reflect the normative ideas about complicity in various historical epochs. In this case, neither available sources from judicial practice nor the provisions of criminal law doctrine are taken into account. This approach to the organization of research is not only incomplete, but also significantly distorts the very principle of historical and legal analysis. **Purpose.** The purpose of the study is to provide a comprehensive analysis of the evolution of scientific concepts of responsibility for aiding and abetting a crime, which will prevent an arbitrary approach to the issue of periodization of the normative history of aiding and abetting. **Methodology.** Various general scientific and special methods of cognition were used in this study. At the same time, the historical and legal method became the key one. **Results.** The study of the main models of criminal law assessment of complicity allows us to make important clarifications and additions to the existing scientific understanding of the genesis of this criminal law structure. First, it allows us to challenge the very categorical ideas formulated in science about the history of complicity, as a gradual transition from "less perfect" and "incorrect" legislative formulations to "more perfect" and "correct" ones. Second, the study calls into question the thesis about the linear development of criminal law science and practice in terms of assessing complicity in the "Soviet" and "pre-Soviet" period, that the development of complicity in the Soviet era followed the path developed by pre-revolutionary theory and practice. Third, the study proves that at all stages of the development of criminal law, the theoretical and normative understanding of complicity assumed the presence of at least two opposite models. Each alternative model assumed, due to the system properties of criminal law, a specific construction of other criminal legal institutions and norms (involvement, forms of complicity, crimes against public safety, stages of crime, rules for sentencing, etc.). **Conclusion.** The study of the main models of criminal-legal assessment of complicity presented in the history of domestic legislation and legal doctrine allows us to make important clarifications and additions to the existing scientific ideas about the genesis of this criminal-legal structure.

Keywords: complicity; commission of a crime; criminal result; model of complicity; complicity; history of complicity; sentencing; form of complicity.

REFERENCES

1. Neklyudov N.A. *General part of criminal law (synopsis)*. Saint Petersburg, I.P. Merkulev's Typ., 1875. 192 p. (In Russ.).
2. List F. *Textbook of criminal law. Common part*, the author's authorized translation from the 12th edition of F. Elyashevich; from the author's Preface and M.V. Dukhovskiy. Moscow, A.I. Mamontov's Typ., 1903. 334 p. (In Russ.).
3. Kalmykov P.D. *Textbook of criminal law, published by A. Lyubavskiy. The General Part*. Saint Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1866. 535 p. (In Russ.).
4. Foynitskiy I.Ya. Criminal-legal doctrine of complicity. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*, 1891, vol. VII, book 1, no. 1, 168 p. (In Russ.).
5. Piontkovskiy A.A. *Criminal law of the RSFSR. Part of the General*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury Publ., 1924. 235 p. (In Russ.).
6. Gernet M.N. *Criminal law. The General Part. Lectures given at the People's University of Moscow society of people's universities*. Kherson, N.A. Khodushin Publ., 1913. 202 p. (In Russ.).
7. Spasovich V. *Textbook of criminal law*. Saint Petersburg, I. Ogrizko Publ., 1863. Vol. 1, iss. 1. 178 p. (In Russ.).
8. Belyaev N.A., Shargorodskiy M.D. (eds.). *Course of Soviet criminal law. Part General*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1968. Vol. 1. 646 p. (In Russ.).
9. Gertsenzon A.A., Osheroich B.S., Piontkovskiy A.A. (eds.). *Criminal law. Common part*, textbook, 2nd ed. Moscow, the USSR People's Commissariat for Justice Legal Publishing House, 1939. 331 p. (In Russ.).
10. Sergeevskiy N.D. *Russian criminal law. Manual for lectures. The General Part*, 3rd ed. Saint Petersburg, M. Stasyulevich Publ., 1896. 397 p. (In Russ.).
11. Volkov N.T. *New Criminal Code. With the Senate's decisions, explanations, and pointers: a comparison of articles the code and the Charter about the punishments and subject (alphabetical)*. Moscow, N.T. Volkov's Publishing House, 1906. 344 p. (In Russ.).

12. Berner A.F. *Textbook of criminal law. The parts are General and Special*, with notes, appendices and additions on the history of Russian law and legislation positive N. Neklyudova. Saint Petersburg, Neklyudov's Publishing House, 1867. 916 p. (In Russ.).
13. Nemirovsky E.Ya. *Textbook of criminal law. Common part*. Odessa, Publishing House of the Joint-stock South Russian society of Printing, 1919. 362 p. (In Russ.).
14. Kolokolov G. *About complicity in a crime (about complicity in General and about incitement in particular)*. Moscow, Moscow University Publ., 1881. 210 p.
15. Kudryavtsev V.N. *Objective side of the crime*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury Publ., 1960. 244 p. (In Russ.).
16. Kuznetsova N.F. *Crime and criminality*. Moscow, Moscow University Publishing House, 1969. 232 p. (In Russ.).
17. Pikurov O.N. Transformation of the Institute of complicity in Soviet and Russian criminal law. *Lex Russica*, 2018, no. 7, pp. 39-53. (In Russ.).
18. Sharapov R.D., Minin R.V. Complicity in crime: law, theory, practice. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*, 2018, no. 6 (104), pp. 140-147. (In Russ.).
19. Shubina V.Y. Aiding and abetting in the Commission of a crime in the history of domestic criminal law (X century – early XX century). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Herald of the Krasnodar University of MIA of Russia*, 2010, no. 2, pp. 46-51. (In Russ.).
20. Barshev S. *General principles of theory and legislation on crimes and punishments*, in two sections. Moscow, University Typ., 1841. 250 p. (In Russ.).
21. Budzinsky S. *The Beginning of criminal law*. Warsaw, I. Yavorsky's Typ., 1870. 362 p. (In Russ.).

About the author

Nekoz Sergey – Borzinsky Transport Prosecutor of the East Siberian Transport Prosecutor's Office

Postal address: 44, Zheleznodorozhnaya ul., Borzya, Zabaykalsky Krai, 674600, Russia

E-mail: nekoz_s@mail.ru

SPIN-code: 2721-2035, Author ID: 1084125

Article info

Received – September 20, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Nekoz S.S. Evolution of Scientific Ideas on Responsibility for Aiding and Abetting a Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 86-96. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).86-96. (In Russ.).

УДК 343

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).97-106

МОШЕННИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И СПОСОБЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

О. А. Шут

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Актуальность статьи обусловлена затянувшейся на годы разработкой правовых норм, регулирующих отношения в социальных сетях. Устаревшая нормативная база не справляется с регулированием отношений в сетях. Поэтому необходима имплементация современных отношений противоправного характера, складывающихся между пользователями в социальных сетях, в нормы действующего Уголовного кодекса, а также разработку классификации способов мошенничества в социальных сетях, выявление их особенностей. **Цель.** Автором поставлена цель рассмотреть особенности правового регулирования мошенничества в уголовном законодательстве, на основе современных научных работ, выделить способы мошенничества в социальных сетях и провести их классификацию. **Методология.** Методом описания фиксировались признаки и особенности рассматриваемых преступлений, чтобы в дальнейшем методами анализа и синтеза сформулировать предложения по совершенствованию правовых норм, регулирующих изучаемые деяния. **Результаты.** Объектом преступлений, совершаемых в социальных сетях, определяется их контент. Вместо понятия «компьютерная» или «электронная» информация автор предлагает использовать понятие «контент наполнения средств компьютерного и телекоммуникационного виртуального общения». Мошенничество в социальных сетях осуществляется двумя путями: это, во-первых, обман либо злоупотребление доверием, направленные непосредственно на завладение чужими средствами, во-вторых, обман либо злоупотребление доверием, направленные на завладение персональными данными, с помощью которых также осуществляется дальнейшее завладение деньгами. Осуществлена пятиступенчатая классификация способов совершения мошенничества в социальных сетях. **Заключение.** Выделяются основные способы совершения мошенничества в социальных сетях: мошенничество под чужим именем; использование актуальной новостной информации; романтические мошенничества; мошенничество в сфере услуг; создание фейковых опросников.

Ключевые слова: социальные сети; компьютерная информация; мошенничество; аккаунт; контент.

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию мошенничества, совершаемому в социальных сетях, чья аудитория, по данным отчёта «Digital 2020», в России на начало 2020 г. составила 70 млн человек¹. Современные социальные сети – это самый посещаемый ресурс в интернете [1].

Представляется весьма актуальным выявить правовые и организационные особенности мошенничества, совершаемого против пользователей социальных сетей, как преступления корыстной направленности в виртуальной реальности, занявшей в последнее десятилетие одно из главных мест в жизни общества, а также классифицировать его способы, выделить их особенности. Как отмечают С. В. Розенко и К. А. Мурзина, «учитывая совершенствование преступных действий

мошенников их познания в современных технологиях, с мошенничеством не только сложно бороться, но и выявить, и предупредить его» [2, с. 113–116].

Специфика совершения преступных деяний в социальных сетях пока не нашла надлежащего отражения в действующем уголовном законодательстве.

Российские правоохранительные органы отмечают рост числа преступлений в социальных сетях, связанных с мошенничеством, однако до настоящего времени число расследований и раскрываемость таких преступлений остаётся по-прежнему низкой, так как требует наличия специальных технических знаний и возможностей от правоохранительной системы, которыми она не располагает. Аналогичная проблематика в западных странах существует уже более двадцати лет [3, с. 1–8].

Некоторые интернет-сервисы, изначально создававшиеся как бизнес-проекты и успешно осуществлявшие свою деятельность, с ростом своей популярности у населения, превратились, по сути, в платформу преступной деятельности.

Зарубежными учёными вопрос совершения преступлений в Сети актуализировался с 1997 г. [4, с. 27–31], а сам термин «социальная сеть» появился в 1954 г. в исследовании Д. Барнса [5, с. 39–58].

2. Методология

С помощью метода описания фиксировались признаки и особенности рассматриваемых преступлений, чтобы в дальнейшем при помощи методов анализа и синтеза сформулировать собственные предложения по совершенствованию правовых норм, регулирующих изучаемые деяния.

3. Особенности правового регулирования мошенничества в уголовном законодательстве

В соответствии с исследованиями В. С. Соловьёва преступления в социальных сетях интернета – это деяния, связанные с организованными при помощи технических средств взаимодействиями человека с человеком [6, с. 60–72].

Отличительными особенностями мошенничества в социальных сетях являются: молодой возраст преступников и их жертв, большой процент несовершеннолетних среди них (по утверждению А. С. Малахова и А. С. Дубинина, «наибольшую криминальную активность проявляют лица от 17 до 35 лет» [7, с. 187–190]); анонимный характер совершения преступлений; масштабность аудитории потенциальных жертв; постоянное обновление способов, методов и видов мошенничества в социальных сетях, чему способствует динамика развития современных технологий; принципы технологического построения социальных сетей, изначально дающих возможность размещения ложной информации, таким образом провоцирующие обман.

А. Л. Осипенко одной из особенностей преступности в Сети выделяет рост её организованности: «...отмечается тенденция объединения хакеров для осуществления преступной деятельности» [8, с. 10–16].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) рассматривает мошен-

ничество только в привязке к компьютерной информации, которое совершается путём её ввода, удаления, блокирования, модификации либо иного вмешательства (ст. 159.6 УК РФ)². Применение данной нормы в отношении мошенничества, совершаемого в социальных сетях, на наш взгляд, некорректно, так как основной целью является получение денежных средств от жертвы путём обмана, злоупотребления доверием или угроз.

Анализируя действующие уголовные нормы о мошенничестве, мы приходим к выводу об условности их применения к преступлениям, совершаемым в социальных сетях, так как назвать контент наполнения социальных сетей компьютерной информацией можно лишь условно. По большей части социальные сети наполнены фотографиями, видео, комментариями, статьями, ссылками, рисунками, музыкой и т. д. Всё это относится к контенту (от англ. *content* – содержание, содержимое). Кроме того, существует мнение о необоснованности криминализации деяний, предусмотренных в ст. 159.6 УК РФ [9, с. 208–220]. Однако другие авторы придерживаются иной точки зрения. Например, Е. Г. Кузнецова [10, с. 87–90] и М. Ф. Мусаян отмечают, что «такая новелла была вызвана, во-первых... разнообразием видов мошеннических уловок, непрекращающимися процессами их видообразования и постоянного приспособления к изменяющейся экономической организации производства и обмена... Во-вторых... общая норма ст. 159 УК РФ не в полной мере учитывала особенности тех или иных экономических отношений, а потому не позволяла должным образом обеспечить защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий» [11, с. 26–30].

А. Ю. Чупрова считает, что «указание на форму представления информации в применении к ст. 272 УК РФ диссонирует с положениями Закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и не учитывает направления развития информационных технологий» [12, с. 131–134].

А. Г. Безверхов считает, что «стоит рассматривать преступление, предусмотренное ст. 159.6 “Мошенничество в сфере компьютерной информации”, как самостоятельный вид имущественного преступления» [13, с. 8–14].

Учёными уже делались попытки внесения изменений в УК РФ. Например, А. Г. Волеводз, Д. А. Волеводз предлагают внести ст. 159.1 «Компьютерное мошенничество», где мошенничеством считается «завладение чужим имуществом путём обмана, злоупотребления доверием, присвоение, растрата либо причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, совершённое с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» [14, с. 37–48].

Ф. Н. Багаутдинов, Л. С. Хафизова выделяют новый квалифицирующий признак мошенничества – «использование средств компьютерной техники, компьютерных сетей, технологий или программного обеспечения» [15]. Нам близка данная позиция, но и она, на наш взгляд, требует доработки применительно к социальным сетям. Подобной точки зрения придерживается А. А. Южин³. Он соглашается отнести информацию как гражданско-правовую категорию к нематериальным благам, имеющим свой правовой режим и требующим законодательного закрепления. С помощью анализа действующего законодательства А. А. Южин делает вывод о целесообразности замены понятия «компьютерная информация» на понятие «электронная информация». Мы считаем, что такие предложения хотя и идут в ногу со временем, тем не менее не учитывают динамику развития современных технологий, следовательно, через 3–4 года вновь потребуют пересмотра. Поэтому мы предлагаем вместо понятия «компьютерная» или «электронная» информация использовать понятие «контент наполнения средств компьютерного и телекоммуникационного виртуального общения».

4. Способы мошенничества в социальных сетях и их классификация

Возможности для распространения мошеннических схем в той или иной социальной сети напрямую зависят от её политики конфиденциальности и анонимности, определённые предпосылки к распространению мошенничества создаются также односторонней сменой правил пользования социальной сетью и интеграцией сервисов друг с другом. Проиллюстрировать это можно примером сети «ВКонтакте», открывшей в одностороннем порядке для общего доступа френд-листы пользователей⁴.

Попытку перечислить способы мошенничества в социальных сетях можно встретить у В. С. Соловьёва. Учёный, упоминая имеющееся в зарубежной литературе деление мошенничества в социальных сетях на финансовое (маркетинговое) [16, с. 114–126] и нефинансовое, приводит собственную структуру способов мошенничества, куда относит: получение обманным путём пароля от электронного кошелька, предложения о лжесвидетельстве за деньги, завладение сотовым телефоном путём обмана, сообщение ложных сведений для завладения деньгами, заведомо ложное предложение помощи в получении услуг, займ денежных средств без намерений возврата, убеждение оформить кредит, ложное предложение об увеличении капитала, просьбу прислать деньги якобы для поездки к жертве, ложное предложение помощи в сдаче экзаменов на водительское удостоверение [6, с. 60–72]. Н. А. Фомина выделяет такие способы, как «взлом страницы; собирание денег на помощь “близким”; переход по ссылке; отправка заражённых файлов; брачные аферы; фишинговые сайты; получение предоплаты за покупку товара; вредоносные сервисы, программы и приложения для поднятия рейтинга и т. п.; отправка от имени организации сайта письма пользователям с просьбой подтвердить путём отправки смс на указанный номер, что они реальные люди, в ином случае их страница будет безвозвратно удалена; предложение “лёгкого” дополнительного заработка» [17, с. 443–453].

На наш взгляд, такое структурирование весьма громоздко, к тому же многообразие схем может быть практически бесконечным, учитывая постоянное появление новых. Поэтому предлагаем несколько обобщить выводы В. С. Соловьёва и Н. А. Фоминой и представим систему способов совершения мошенничества в социальных сетях в следующем виде.

Мошенничество в социальных сетях, на наш взгляд, может осуществляться по двум путям: это, во-первых, обман либо злоупотребление доверием, направленные непосредственно на завладение чужими средствами, во-вторых, обман либо злоупотребление доверием, направленные на завладение персональными данными, с помощью которых также осуществляется дальнейшее завладе-

ние чужими деньгами. Второй путь мы считаем более опасным, так как обладание личными данными сможет обеспечить неоднократно совершения противоправных действий в отношении жертвы.

Способы совершения мошенничества в социальных сетях весьма разнообразны, но при этом, как правило, имеют общий алгоритм действий, именно по этому принципу считаем целесообразным классифицировать их следующим образом.

Первый способ – мошенничество под чужим именем. К этому способу можно отнести, во-первых, создание фейкового аккаунта известной личности и распространение ложной информации от её лица, рассчитанное на неопределённый широкий круг пользователей; во-вторых, предварительный взлом аккаунта и рассылку ложной информации от лица его обладателя по френд-листу. Далее преступник начинает публиковать в социальных сетях сообщения с благовидными предложениями, направленные на то, чтобы выманить деньги у неопределённого круга лиц, случайно ознакомившихся с сообщениями мошенника. Данная схема предполагает охват как можно более широкого круга пользователей. Примером могут служить «нигерийские письма», рассылаемые мошенниками от имени вымышленных принцев, космонавтов и т. д.

Более изощрённая схема мошенничества под чужим именем состоит в предварительном взломе аккаунта пользователя социальной сети и последующей рассылке лицам из его френд-листа просьб об оказании финансовой помощи. Такая схема более опасна для пользователей и выгодна для мошенника, так как информация приходит к жертве от знакомого лица, соответственно уровень доверия к ней высок [18, с. 31].

Мошенники могут воспользоваться чужим именем не только физического лица, но и действовать от имени какой-либо организации, государственного органа, частной компании и т. д., предварительно создав фейковый сайт с размещением ложной информации. Яркий пример – создание фальшивого сайта Федеральной торговой комиссии (Federal Trade Comission) США, автором которого являлся Фонд защиты персональных данных при Американской торговой комиссии (US Trading

Comission)⁵, и последующие публикации в социальных сетях об осуществлении компенсационных выплат по всему миру за утечку личных данных пользователей. Средства выманивались под предлогом покупки временного номера социального страхования (SSN), необходимого для перечисления выплаты.

Второй способ мошенничества в социальных сетях основан на использовании актуальной новостной информации, распространяемой в глобальных масштабах. Способ состоит в размещении фейковых объявлений в социальных сетях о продаже / покупке, оказании услуг, связанных с актуальной новостью (иногда такая новость создаётся самими мошенниками).

С апреля 2020 г. социальные сети наполнены фейковыми объявлениями об услугах диагностики, помощи в возврате денег за не полученные в связи с пандемией услуги (транспортные, досуговые и т. д.), помощи в предоставлении отсрочек по финансовым обязательствам и т. п. Например, китайскими правоохранительными органами выявлены такие схемы мошенничества на новостях о пандемии, как объявления о покупке / продаже масок, где после получения оплаты связь со злоумышленником теряется, и объявления о сборе пожертвований для пострадавших от имени несуществующей благотворительной организации⁶. К настоящему времени силовые структуры ряда государств, включая Россию, также фиксируют использование на своей территории аналогичных схем мошенничества. Например, 13 июля 2020 г. в сети Facebook появился фейковый аккаунт Президента Республики Казахстан, на котором размещена информация о розыгрыше денежного приза для оказания финансовой поддержки населению в условиях карантина. Для получения выигрыша необходимо прислать данные кредитной карты, с которой мошенниками снимаются все средства⁷.

Третий способ – романтические мошенничества. По данным журнала Psychology Today, 20 % знакомств в социальных сетях перерастает в романтические отношения и, согласно прогнозам, к 2040 г. 70 % семейных пар будут начинать свои отношения с онлайн-дейтинга⁸. Например, жители США в 2019 г. потратили на приложения для знакомств сумму вдвое большую, чем годом ра-

нее. Бурный рост интереса к романтическому контенту социальных сетей со стороны пользователей не оставил в стороне и мошенников. Романтические мошенничества обычно происходят путём создания аккаунтов, наполненных информацией из интернета, весьма внешне привлекательной. Затем по объявлениям на сайтах знакомств (такой сайт может быть создан мошенником самостоятельно) происходит знакомство с жертвой и завязываются романтические отношения. Переписка может длиться месяцы, и, убедившись в привязанности жертвы, преступник начинает под различными предлогами просить денег. Жертву романтического мошенничества могут использовать также в качестве «денежного мула», попросив забрать и перевести деньги с целью сокрытия транзакций.

Стоит упомянуть ещё об одном распространённом виде романтического мошенничества: работа ведётся бригадным методом от 20 до 50 человек чаще всего в сети Telegram. Мошенниками («саппортами») сначала создаются фейковые сайты различных увеселительно-досуговых организаций (баров, кафе, кальянных, антикинотеатров и т. д.). Другая группа – «вокеры» назначают свидания жертвам («мамонтам») и убеждают их забронировать место в досуговой организации путём внесения предоплаты, которая поступает на счета мошенников⁹.

К сожалению, последствиями этого способа мошенничества в иных случаях являются не только финансовые потери, но и глубокие психологические травмы, известны также случаи убийств мошенниками своих жертв. По данным FTC (Федеральной торговой комиссии США), зачастую, жертвами романтических мошенничеств становятся люди от 40 до 69 лет¹⁰.

Четвёртый способ – мошенничество в сфере услуг. Данный способ имеет весомую долю среди иных способов мошенничества в социальных сетях, что связано с широкомасштабностью и вариативностью рынка услуг, а также его постоянным развитием. Осуществляя данный способ мошенничества, преступник также создаёт фейковый аккаунт, с которого впоследствии предлагает спектр каких-либо услуг. Например, в сети «ВКонтакте» весьма распространено предложение экстрасенсорных услуг, а также услуг фейковых

интернет-магазинов. В сети LinkedIn распространено мошенничество с вакансиями и сайтами работодателей. Здесь просят оплатить информацию о вакансиях либо предлагают помощь в трудоустройстве за деньги. Мошенники могут также «выплатить» зарплату, которая будет больше оговоренной суммы, спохватившись, попросят вернуть разницу, жертва, как правило, не удостоверившись в зачислении денег на свой счёт, спешит вернуть деньги, позднее убедившись в отсутствии поступлений на собственный счёт.

Очень популярны в социальных сетях предложения о предоставлении услуг кредитования, выгодных инвестициях, финансовых пирамидах. Важно помнить, что любой вид услуг, чем больше он востребован на рынке, тем быстрее становится объектом мошенничества.

Пятый способ мошенничества в социальных сетях – создание фейковых опросников. Данный способ заключается в создании фейковых аккаунтов медийных личностей, якобы проводящих несложный опрос от имени известной компании или организации, с объявленным призовым фондом для победителя по итогам опроса. Для получения приза необходимо внести небольшой «закрепительный» платёж.

Итак, мы рассмотрели способы мошенничества в социальных сетях обычного интернета, но считаем, что стоит также обратить внимание на данный вид противоправных деяний, совершаемых в DarkNet – ресурсе с повышенной анонимностью пользователей. К сожалению, правовые новеллы в Российской Федерации, вводящие массу запретов и ограничений на пользование Всемирной сетью, провоцируют популяризацию таких сервисов, как I2P, VPN, Tor и др., что уводит пользователей из привычной сети интернет в криминализированный DarkNet, возможности блокировки которого также обсуждаются в Госдуме¹¹.

К социальным сетям, находящимся в DarkNet, относятся Oneion, Galaxy, BlackBook, KaliLinux и др. В указанных социальных сетях также возможно осуществление всех перечисленных способов мошенничества. Отличительными особенностями мошенничества в сетях DarkNet являются повышенная степень криминализации и частое

использование специфических средств платежа в виде криптовалют. Мошеннические схемы в социальных сетях DarkNet могут повлечь для жертв уголовное наказание, так как предлагаемые мошенниками услуги изначально противозаконны. Мошенники могут предлагать высокооплачиваемую работу, которая будет заключаться в распространении наркотических средств. Путём обмана мошенники могут получить доступ к ПК жертвы, на который без её ведома устанавливается программа майнинга в пользу мошенника. При обнаружении такого факта правоохранительными органами правонарушителем будет являться пользователь ПК, так как найти настоящего преступника практически невозможно, как и доказать свою непричастность к установке незаконного программного обеспечения.

В целом способы мошенничества в DarkNet и общедоступной сети одинаковы. Различия зависят от цели создания той или иной сети. Например, мошеннические сообщения в Twitter, созданной для публичного обмена короткими сообщениями, отличает порой почти бессвязная краткость текста из-за необходимости вписать в ограниченный 140-символьный объём громоздкую ссылку для перехода на сайт мошенников¹², в сети «Одноклассники» широко используется схема «кви про кво» (от лат. *qui pro quo* – кто вместо кого) с созданием поддельных профилей родных и знакомых жертвы. В сети LinkedIn используют схему CEO fraud, которая заключается в рассылке требований о перечислении денег с поддельной почты руководителя компании¹³. Мошенничество здесь основывается на имидже сети, созданной в качестве профессионального ресурса для топ-менеджеров.

Изучив судебную практику, а также внимательно ознакомившись с научными работами В. С. Соловьёва [6], В. В. Хиллута [19], Д. В. Сынгаевского [20], А. А. Комарова [21], А. А. Мазур [22, 23], Е. Г. Ефимова [24; 25], мы приходим к выводу, что преступнику, совершающему мошенничество в социальных сетях, нельзя приписать какие-то особые черты в сравнении с обычными преступниками. Для совершения преступных деяний в социальных сетях совсем не обязательно иметь глубокие технические знания, совре-

менные технологии позволяют сохранить анонимность, следствием которой является безнаказанность, способствующая латентности данного вида преступности. Глобальные сети предоставляют практически неограниченные возможности для совершения противоправных деяний.

5. Заключение

Отнесение контента социальных сетей к категории «собственность» или «имущество» ставится под сомнение в научных исследованиях, и, на наш взгляд, это правильно, так как в основном пользователями специально выкладывается информация личного характера во всеобщий доступ и никакие средства защиты для неё не предусматриваются – таким образом, она уже не принадлежит лицу, разместившему её, она копируется другими пользователями, пересылается, модифицируется ими.

Проводя анализ выделенных способов мошенничества в социальных сетях, можно отметить, что их общей чертой является первоначальное создание преступником фейкового аккаунта. Считаем, что именно эта особенность является главным отличием мошеннических схем в социальных сетях от подобных схем в интернете, так как в последнем большинство мошеннических действий начинается с создания фейковых сайтов.

Общая классификация способов совершения мошенничества в социальных сетях может быть следующей:

- 1) мошенничество под чужим именем;
- 2) использование актуальной новостной информации;
- 3) романтические мошенничества;
- 4) мошенничество в сфере услуг;
- 5) создание фейковых опросников.

На наш взгляд, назрела необходимость принятия Закона «О виртуальной реальности». Формулируя данное предложение, мы основываемся на масштабности виртуального мира, на цифровизации, которая переводит финансово-экономическую и социальную сферу в набор электронных сигналов.

Уже сейчас мы наблюдаем, как многие сферы повседневной жизни ушли в онлайн, во многом этому способствовал кризис, вызванный пандемией. Из-за масштабности распространения COVID-19 теперь с помощью интернет-технологий осуществляется

обучение, деятельность в области здравоохранения, банковская деятельность, правосудие, торговля, деятельность органов власти и т. д. Столь широкая виртуализация общественных отношений порождает, соответственно, и преступность, трансформирующуюся под реалии жизни. Поэтому считаем нецелесообразной текущую работу законодательских органов над проектом Федерального закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴, которая в основном свелась к комплексу мер по ограничению свободы слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. – URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020> (дата обращения: 20.10.2020).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями 8 июня 2020 г. № 170-ФЗ) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 238 с.

⁴ Мошенничество в социальных сетях: как не стать жертвой? [Электронный ресурс]. – URL: <https://searchinform.ru/blog/2016/07/08> (дата обращения: 20.10.2020).

⁵ Дядя Сэм раздаёт деньги за утечку ваших данных (на самом деле нет) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/data-leak-compensation-scam> (дата обращения: 20.10.2020).

⁶ В Китае рассказали о мошенниках, пытающихся нажиться на коронавирусе [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200206/1564341357.html> (дата обращения: 20.10.2020).

⁷ В Facebook появился фальшивый аккаунт Токаева [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakon.kz/5033985> (дата обращения: 20.10.2020).

⁸ Как обманывают в соцсетях: 5 простых способов украсть ваши деньги [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.goodhouse.ru/home> (дата обращения: 20.10.2020).

⁹ В российских тюрьмах изобрели новую схему обмана пользователей соцсетей [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/society/2019/10/23> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁰ Осторожно, любовь: романтические аферы приносят всё больше денег [Электронный ресурс]. – URL: <https://vctr.media/romance-scams-cost-more-money-15313> (дата обращения: 20.10.2020).

¹¹ В Госдуме предложили провести слушания об угрозах распространения наркотиков в даркнете [Электронный ресурс]. – URL: <https://dailystorm.ru/news> (дата обращения: 20.10.2020).

¹² Мошенничество в интернете: как вас могут обмануть в социальных сетях [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.avtohelp96.com/novosti> (дата обращения: 20.10.2020).

¹³ Мошенники из Европы обманывают казахов через соцсеть LinkedIn [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lenta.inform.kz/> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁴ Проект Федерального закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 145507-7 от 10 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ЛИТЕРАТУРА

1. Qualman E. Socialnomics: How Social Media Transforms the Way We Live and Do Business. – 2nd ed. – 2012. – 316 p.
2. Розенко С. В., Мурзина К. А. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – Вып. 1 (44). – С. 113–116.
3. Carter D. L., Katz A. J. Computer Crime: An Emerging Challenge for Law Enforcement // FBI Law Enforcement Bulletin. – 1996. – Vol. 65, № 12. – P. 1–8.
4. Metchik E. A. A typology of crime on the Internet // Security Journal. – 1997. – Vol. 9, № 1-3. – P. 27–31.
5. Barnes J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. – 1954. – Iss. 7(1). – P. 39–58.
6. Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 60–72. – DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).60-72.
7. Малахов А. С., Дубинин А. С. Некоторые особенности раскрытия и расследования мошенничества в сети интернет // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 9. – С. 187–190.

8. *Осипенко А. Л.* Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 3. – С. 10–16.
9. *Иванченко Р. Б., Малышев А. Н.* Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 208–220.
10. *Кузнецова Е. Г.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: вопросы квалификации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 4 (15). – С. 87–90.
11. *Мусаелян М. Ф.* О некоторых проблемах, связанных с введением в УК РФ специальных составов мошенничества // Российский следователь. – 2016. – № 10. – С. 26–30.
12. *Чупрова А. Ю.* Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 131–134.
13. *Безверхов А. Г.* Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 8–14.
14. *Волеводз А. Г., Волеводз Д. А.* Уголовное законодательство об ответственности за компьютерные преступления: опыт разных стран // Правовые вопросы связи. – 2004. – № 1. – С. 37–48.
15. *Багаутдинов Ф. Н., Хафизова Л. С.* Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). – М. : Юрлитинформ, 2008. – 272 с.
16. *Schelling T. C.* Economic analysis and organized crime // U.S. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task force report: Organized crime. Annotations and consultants paper. – Washington : [s. n.], 1967. – P. 114–126.
17. *Фомина Н. А.* Использование методов социальной инженерии при мошенничестве в социальных сетях // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодёжи // Материалы внутривузовской конференции. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. – 2015. – С. 443–453.
18. *Hentig H.* Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victim // The Journal of Criminal Law and Criminology. – 1941. – № V. – P. 31.
19. *Хиллута В. В.* Угроза и обман как способ завладения имуществом // Уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 42–49.
20. *Сынгаевский Д. В.* Мошенничество в глобальной сети Интернет как объект виктимологического исследования // Современный юрист. – 2013. – № 4. – С. 136–144.
21. *Комаров А. А.* Интернет-мошенничество: проблемы детерминации и предупреждения. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
22. *Мазур А. А.* Социальная сеть Даркнет в глобальной сети интернет как условие совершения преступлений // Актуальные проблемы оптимизации законодательства и практики правоприменения в современной России : сб. ст. Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Чебоксары : Чебокс. кооператив. ин-т (филиал) Рос. ун-та кооперации, 2019. – С. 66–70.
23. *Мазур А. А.* Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // Вестник Российского университета кооперации. – 2018. – № 3 (33). – С. 125–129.
24. *Ефимов Е. Г.* Социальные интернет-сети (методология и практика исследования). – Волгоград : Волгогр. гос. техн. ун-т, 2015. – 169 с.
25. *Ефимов Е. Г.* Молодёжь и социальные интернет-сети: особенности социологических исследований на примере диссертационных исследований США // Научный потенциал регионов на службу модернизации. – 2012. – № 1. – С. 134–137.

Информация об авторе

Шут Оксана Александровна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: shut_oxi@mail.ru
SPIN-код: 5445-7648, Author ID: 1084709

Информация о статье

Дата поступления – 28 сентября 2020 г.
Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Шут О. А. Мошенничество в социальных сетях и способы его осуществления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 97–106. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).97-106.

FRAUD IN SOCIAL NETWORKS AND WAYS TO IMPLEMENT

O. A. Shut

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The relevance of the article is due to the development of legal norms regulating relations in social networks, which has been delayed for years. The outdated regulatory framework does not cope with the regulation of relations in networks. Therefore, it is necessary to implement modern relations of an illegal nature that develop between users in social networks in the norms of the current Criminal Code, as well as to develop a classification of methods of fraud in social networks, and identify their features. **Purpose.** The purpose is to consider the features of legal regulation of fraud in criminal legislation, to identify methods of fraud in social networks on the basis of modern scientific works and to classify them. **Methodology.** The description method recorded the signs and features of the crimes under consideration, in order to further formulate proposals for improving the legal norms governing the acts under study by methods of analysis and synthesis. **Results.** The object of crimes committed in social networks is determined by their content. Instead of the concept of "computer" or "electronic" information, the author suggested using the concept of "content content for computer and telecommunications virtual communication". Fraud in social networks is carried out in two ways: deception or abuse of trust, aimed directly at seizing other people's funds, and secondly, deception or abuse of trust, aimed at seizing personal data, which is also used for further seizing money. The author performed a five-step classification of ways to commit fraud in social networks. **Conclusion.** The main ways of committing fraud in social networks are highlighted: fraud under a false name; using up-to-date news information; romantic scams; fraud in the service sector; creating fake questionnaires.

Keywords: social networks; computer information; fraud; account; content.

REFERENCES

1. Qualman E. *Socialnomics: How Social Media Transforms the Way We Live and Do Business*, 2nd ed., 2012. 316 p.
2. Rozenko S.V., Murzina K.A. Features of fraud qualification under the criminal legislation of the Russian Federation. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Ugra State University*, 2017, iss. 1 (44), pp. 113-116. (In Russ.).
3. Carter D.L., Katz A.J. Computer Crime: An Emerging Challenge for Law Enforcement. *FBI Law Enforcement Bulletin*. 1996, vol. 65, no. 12, pp. 1-8.
4. Metchik E.A. A typology of crime on the Internet. *Security Journal*, 1997, vol. 9, no. 1-3, pp. 27-31.
5. Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish. *Human Relations*, 1954, iss. 7(1), pp. 39-58.
6. Solovyov V.S. Crime in social networks of the Internet (criminological research based on the materials of judicial practice). *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 60-72. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).60-72. (In Russ.).
7. Malakhov A.S., Dubinin A.S. Some features of disclosure and investigation of fraud on the Internet. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2013, no. 9, pp. 187-190. (In Russ.).
8. Osipenko A.L. Organized crime on the Internet. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 3, pp. 10-16. (In Russ.).
9. Ivanchenko R.B., Malyshev A.N. Problems of fraud qualification in the field of computer information. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1, pp. 208-220. (In Russ.).
10. Kuznetsova E.G. Fraud in the field of computer information: questions of qualification. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = LEGAL ORDER: history, theory, practice*, 2017, no. 4 (15), pp. 87-90. (In Russ.).
11. Musaelyan M.F. On some issues related to introduction to the Criminal Code of the Russian Federation of special fraud constituents. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 10, pp. 26-30. (In Russ.).
12. Chuprova A.Yu. The problems of qualification of fraud related to use of information technologies. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2015, no. 5, pp. 131-134. (In Russ.).
13. Bezverkhov A.G. Fraud and its types: issues of legislative regulation and qualification. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2015, no. 5, pp. 8-14. (In Russ.).
14. Volevodz A.G., Volevodz D.A. Criminal legislation on responsibility for computer crimes: experience of different countries. *Pravovye voprosy svyazi = Legal issues of communication*, 2004, no. 1, pp. 37-48. (In Russ.).
15. Bagautdinov F.N., Khafizova L.S. *Financial fraud (criminal law and criminological aspects of counteraction)*. Moscow, Yurлитinform Publ., 2008. 272 p. (In Russ.).

16. Schelling T.C. Economic analysis and organized crime, in: *U.S. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task force report: Organized crime. Annotations and consultants paper*. Washington, 1967, pp. 114-126.
17. Fomina N.A. Use of social engineering methods for fraud in social networks, in: *Information security and issues of prevention of cyberextremism among young people*, materials of the intra-University conference. Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov Publ., 2015, pp. 443-453. (In Russ.).
18. Hentig H. Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victim. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 1941, no. V, p. 31.
19. Khilyuta V.V. Threat and deception as a method of acquiring property. *Ugolovnyi process = Criminal proceedings*, 2017, no. 3, pp. 42-49. (In Russ.).
20. Syngaevsky D.V. Fraud in the global Internet as an object of victimological research. *Sovremennyyi yurist = Modern lawyer*, 2013, no. 4, pp. 136-144. (In Russ.).
21. Komarov A.A. *Internet fraud: problems of determination and prevention*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 184 p. (In Russ.).
22. Mazur A.A. Social network Darknet in the global Internet as a condition for committing crimes, in: *Actual problems of optimizing legislation and law enforcement practice in modern Russia*, collection of articles of the International correspondence scientific and practical conference. Cheboksary, Cheboksary cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation Publ., 2019, pp. 66-70. (In Russ.).
23. Mazur A.A. Actual problems of crime prevention in the social network Darknet. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 3 (33), pp. 125-129. (In Russ.).
24. Efimov E.G. *Social Internet networks (methodology and practice of research)*. Volgograd, Volgograd State Technical University Publ., 2015. 169 p. (In Russ.).
25. Efimov E.G. Youth and social Internet networks: features of sociological research on the example of dissertation research in the USA. *Nauchnyi potentsial regionov na sluzhbu modernizatsii = Scientific potential of regions for the service of modernization*, 2012, no. 1, pp. 134-137. (In Russ.).

About the author

Shut Oksana – Ph.D. student at the Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: shut_oxi@mail.ru
SPIN-code: 5445-7648, Author ID: 1084709

Article info

Received – September 28, 2020
Accepted – October 12, 2020

For citation

Shut O.A. Fraud in Social Networks and Ways to Implement. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 97-106. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).97-106. (In Russ.).

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 107–110.

УДК 347.1

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).107-110

НАУЧНАЯ НОВИЗНА В ДИССЕРТАЦИИ Е. В. КРОВОЙ

Е. Л. Невзгодина, Н. А. Темникова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Е. В. Кротова подготовила диссертационное исследование «Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве», представленное на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». Работа посвящена актуальной в цивилистике проблеме: понятию, юридической природе, видам субсидиарной ответственности на основе анализа современного, постоянно изменяющегося законодательства. **Результаты.** В диссертации содержится решение задачи, имеющей значение для развития гражданско-правовой науки. Оформление диссертации соответствует требованиям, установленным Министерством образования и науки Российской Федерации. Диссертация представляет собой актуальное самостоятельное научное исследование, которое имеет завершённый вид, основано на достаточной эмпирической базе, содержащиеся в ней выводы и предложения обладают научной новизной и практической значимостью. Содержание автореферата соответствует содержанию текста диссертации. Диссертация и автореферат соответствуют требованиям Положения «О присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор анализируемой диссертации заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; гражданско-правовая ответственность.

1. Введение

Диссертационное исследование Кротовой Екатерины Владиславовны выполнено на актуальную тему, посвящённую анализу проблем гражданско-правового регулирования субсидиарной ответственности, которая выступает в качестве правовой формы, гарантирующей обеспечение интересов кредитора в получении исполнения по основному обязательству или при возмещении вреда. Субсидиарную ответственность в юридической литературе традиционно выделяют в качестве специального вида гражданско-правовой ответственности в обязательствах с множественностью лиц, наряду с долевой и солидарной ответственностью, однако это положение не является общепризнанным.

2. Результаты

Конститутивным признаком субсидиарной ответственности является соблюдение порядка, предусмотренного п. 1 ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно обязательное предварительное обращение кредитора к основному должнику и отказ основного должника в удовлетворении требований кредитора или неполучение от него ответа в разумный срок. Приведённые Е. В. Кротовой в диссертации классификации субсидиарной ответственности, построенные в зависимости от наличия (отсутствия) противоправности в действиях субсидиарного должника и в зависимости от правового статуса субсидиарного должника, с очевидностью обладают элементами новиз-

ны, характеризуются теоретической значимостью и, что очень важно, имеют практическое значение.

Обязательным условием применения гражданско-правовой ответственности вообще и субсидиарной ответственности в частности является такое условие, как противоправность, наличие или отсутствие которой может влиять на размер подлежащих возмещению дополнительному должнику от первоначального должника убытков в порядке регресса, а не вина.

Анализируя случаи субсидиарной ответственности, возникающие в частноправовых отношениях, автор делает обоснованный вывод, что для таких случаев преимущественно характерен общий порядок исполнения субсидиарного обязательства, который, согласно ст. 399 ГК РФ, предусматривает предварительное обращение к основному должнику, неполучение от него ответа либо получение отказа в выполнении обязательств и последующее обращение к дополнительному должнику.

Для юридических лиц характерно привлечение к субсидиарной ответственности при недостаточности денежных средств, а для применения внедоговорной субсидиарной ответственности (ответственности родителей по обязательствам детей от 14 до 18 лет) необходимо наличие сразу двух дополнительных условий – отсутствие дохода у несовершеннолетнего причинителя вреда и наличие вины родителей.

Субсидиарная ответственность в частноправовых отношениях в равной степени может выступать в качестве мер ответственности и мер защиты. Исключением является ответственность родителей по обязательствам детей в возрасте от 14 до 18 лет, которая всегда является мерой ответственности, и субсидиарная ответственность в отношениях по поручительству, которая, в свою очередь, всегда выступает в качестве меры защиты.

Интерес представляет выделение автором материальных и процедурных особенностей, заключающихся в наличии дополнительных условий (отсутствие денежных средств, имущества у первоначального должника, банкротство основного должника, вызванное собственником имущества) и порядке привлечения к субсидиарной ответственности только

после обязательного предъявления в суд требования к основному должнику.

Не все случаи, названные в законе как субсидиарная ответственность, можно отнести к случаям субсидиарной ответственности, к которым применимы нормы ст. 399 ГК РФ о предварительном обращении к первоначальному должнику, о возможности возложения на него регрессной ответственности и других правил привлечения к субсидиарной ответственности, установленных ст. 399 ГК РФ. Е. В. Кротова вполне обоснованно к таким случаям относит дополнительную ответственность государства по обязательствам Пенсионного фонда, субсидиарную ответственность субъекта РФ (в отношениях, связанных с долевым строительством) по обязательствам регионального оператора, указывая, что по своей сути они не являются субсидиарной ответственностью.

Вместе с тем, отмечая достоинства диссертации, следует отметить, что в работе содержатся некоторые спорные моменты, которые нуждаются в дополнительном пояснении и уточнении и которые могли бы стать предметом дискуссии при защите диссертации.

1. Автор полагает, что субсидиарное обязательство как мера защиты выступает в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательства в связи с тем, что оно имеет своей целью обеспечить имущественные интересы кредитора в случае нарушения обязательства основным должником и поэтому создаёт дополнительные гарантии защиты прав кредитора. Не оспаривая в целом вывод автора о том, что субсидиарное обязательство может выступать в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательства, необходимо отметить, что приведённой аргументации недостаточно для такого утверждения. Представляется, что следовало бы установить общие признаки способов обеспечения, в том числе и непоименованных, и субсидиарного обязательства, позволяющие отнести последнее к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств.

2. По мнению, отстаиваемому автором в диссертации, последствием привлечения к субсидиарной ответственности может быть не только регресс, но и суброгация. Думается, однако, что и суброгация, и регресс явля-

ются последствиями не привлечения к субсидиарной ответственности, а исполнения основного обязательства дополнительным должником. Представляется, что именно факт исполнения обязательства дополнительным должником за основного обуславливает возможность предъявления регрессного требования или требования, вытекающего из суброгации.

3. Е. В. Кротова вполне обоснованно утверждает, что субсидиарное обязательство не относится к обязательствам с множественностью лиц, а далее указывает, что оно является обусловленным обязательством, поскольку его возникновение является следствием не совершения одной из сторон обязательства (основным должником) действий по исполнению основного обязательства. Однако представляется, что можно было бы более развёрнуто аргументировать свою позицию. Обусловленное обязательство – новое явление в российском гражданском праве, которое появилось в отечественном законодательстве сравнительно недавно, а потому нуждается в дополнительном исследовании, которое автору целесообразно было бы провести для обоснования отнесения субсидиарных обязательств к обусловленным обязательствам.

4. Автор, анализируя субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве, приходит к выводу, что конструкции субсидиарной ответственности, которые закреплены в Федеральном законе

«О несостоятельности (банкротстве)», не соответствуют конструкции субсидиарной ответственности, закреплённой в общей части ГК РФ, так как виновное лицо отвечает не перед кредитором, а перед конкурсной массой должника и фактически возмещает убытки за вред, который был им причинён лицу, признанному банкротом. Но нужно учитывать, что в конечном итоге всё имущество, поступившее в конкурсную массу, подлежит распределению между кредиторами должника, поэтому представляется, что субсидиарный должник всё-таки в окончательном варианте отвечает перед кредиторами, а поэтому следует учитывать субсидиарный характер такой ответственности.

3. Заключение

Отмеченные недостатки ни в коей мере не влияют на общее положительное впечатление от диссертационной работы Е. В. Кротовой и не снижают научную и практическую значимость диссертации, поскольку имеют дискуссионный характер, и анализируемая диссертация, безусловно, является самостоятельным научно-квалификационным исследованием, содержащим решение научной задачи, имеющей значение для развития обязательственного права, обладающим несомненной актуальностью, должной научной новизной, существенной теоретической и практической значимостью, т. е. полностью отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата юридических наук.

Информация об авторах

Невзгодина Елена Львовна – заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kaf_GP_302@mail.ru

SPIN-код: 3790-3180, AuthorID: 549703

Темникова Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Информация о статье

Дата поступления – 17 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Для цитирования

Невзгодина Е. Л., Темникова Н. А. Научная новизна в диссертации Е. В. Кротовой // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 107–110. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).107-110.

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: nat_temnikova@mail.ru

SPIN-код: 3675-5504, Author ID: 540047

SCIENTIFIC NOVELTY IN THE DISSERTATION BY E.V. KROTOVA

E.L. Nevzgodina, N.A. Temnikova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. E. V. Krotova prepared a dissertation research "Subsidiary Liability in Russian Civil Law" submitted for the degree of candidate of legal sciences in the specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law". The work is devoted to an actual problem in civil law: the concept, legal nature, types of subsidiary liability based on the analysis of modern, constantly changing legislation. **Results.** The dissertation contains a solution to a problem that is important for the development of civil law science. The design of the dissertation meets the requirements established by the Ministry of education and science of the Russian Federation. The dissertation is an actual independent scientific research, which has a complete form, is based on a sufficient empirical base, the conclusions and proposals contained in it have scientific novelty and practical significance. The content of the abstract corresponds to the content of the dissertation text. The dissertation and abstract meet the requirements of the Regulations "On awarding academic degrees", approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 842 of September 24, 2013. The author of the dissertation under analysis deserves the award of the required academic degree of candidate of legal sciences in the specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law".

Keywords: subsidiary liability; civil liability.

About the authors

Nevzgodina Elena – Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science, Honored Professor of Dostoevsky Omsk State University, Ph.D. in Law, Head of the Department of Civil Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: kaf_GP_302@mail.ru

SPIN-code: 3790-3180, Author ID: 549703

Article info

Received – September 17, 2020

Accepted – October 12, 2020

For citation

Nevzgodina E.L., Temnikova N.A. Scientific Novelty in the Dissertation by E.V. Krotova. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* = *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 107-110. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).107-110. (In Russ.).

Temnikova Natalia – Ph.D. in Law, Docent, Associate Professor of the Department of Civil Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: nat_temnikova@mail.ru

SPIN-code: 3675-5504, Author ID: 540047

УДК 343

DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).111-113

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Р. Г. АРДАШЕВА, Н. Н. КИТАЕВА

В. А. Азаров, Н. И. Ревенко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. В работе отражены результаты рецензирования монографии Р. Г. Ардашева, Н. Н. Китаева «Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования» (Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 216 с.). **Результаты.** Авторами проанализированы и подтверждены актуальность и научная новизна предложенной в работе методики расследования убийств, сопряжённых с последующим суицидом преступника, типовых следственных ситуаций в зависимости от времени совершения посткриминального суицида. Освещены типичные следственные версии и алгоритмы действий следователя по их проверке, включающие комплекс следственных и иных мероприятий. Проанализированы тактические особенности производства осмотра места происшествия и допроса, соответствующих криминалистических экспертиз, обозначена необходимость применения различных методов патолого-анатомических и антропологических исследований. В рецензии дана высокая оценка практической значимости монографического исследования, содержащего соответствующее информационно-методическое сопровождение расследования преступлений данной категории.

Ключевые слова: суицид; преступник; возбуждение уголовного дела; алгоритм действия следователя; судебно-медицинская экспертиза.

1. Введение

В России и в других странах мира в последнее время участились случаи посткриминальных самоубийств, совершаемых как после серийных, массовых убийств, так и после единичных преступлений. Точное количество таких деяний в России установить невозможно из-за отсутствия соответствующей статистики. Как показывает практика, при обнаружении трупа убийцы с признаками самоубийства, следователи, как правило, принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого либо, в случае совершения преступления, вызвавшего большой общественный резонанс, возбуждают уголовное дело. По данной категории уголовных дел считается возможным не проводить всестороннее, полное и объективное расследование, которое как раз таки может привести к установлению истинных обстоятельств гибели лица, например инсценировки суицида или воздействия подстрекателей.

Расследование убийств, сопряжённых с последующим суицидом преступника, требует от следователя качественной и весьма

специфической профессиональной подготовки. Однако в настоящее время отсутствует соответствующее информационно-методическое сопровождение расследования убийств, сопряжённых с последующим суицидом преступников. Сказанное позволяет высоко оценить актуальность избранной авторами темы.

2. Анализ структуры и содержания монографии

Представляется весьма содержательным раздел монографии, посвящённый типовым следственным ситуациям в зависимости от времени совершения посткриминального суицида. Авторы выделяют шесть таких ситуаций, возникающих на первоначальном и последующем этапах расследования. Для каждой следственной ситуации предлагаются типичные следственные версии и алгоритмы действий следователя по их проверке, включающие комплекс следственных и иных мероприятий.

Вызывают несомненный интерес положения работы, посвящённые анализу результатов производства осмотра места происшествия и трупа. В частности, авторы указывают на важную задачу, которую следователь дол-

жен решить в ходе данного следственного действия по делам об убийствах, сопряжённых с посткриминальным суицидом правонарушителя, – выдвинуть и проверить следственные версии как до осмотра, так и в ходе него (например, о возможности инсценировки суицида убийцы). В работе делается акцент на правильное определение границ осмотра места происшествия, приводятся обстоятельства, которые при этом должны быть учтены.

Изучая тактику допроса по уголовным делам данной категории, авторы монографии выделили следующие её особенности: оперативность; сбор обширного ретроспективного (свидетельского) материала о личности правонарушителя; получение показаний от убийц, которые затем совершили покушение на суицид путём самоповешения, но остались в живых. Отдельно в книге идёт речь о тактике допроса тех подозреваемых, которые склонны к совершению суицида в ходе подготовки или при производстве следственного действия. Делается акцент на особенностях допроса малолетних, которые нередко становятся очевидцами преступления. Авторы справедливо утверждают, что таких свидетелей «...необходимо допрашивать всегда, когда для этого существует возможность».

Рассматривая вопрос об использовании потенциала судебно-медицинских экспертиз при расследовании убийств, сопряжённых с суицидом правонарушителя, Р. Г. Ардашев и Н. Н. Китаев делают обоснованные выводы о специфике экспертной диагностики самоповешения, об исследовании биологических следов, изъятых и хранящихся по делам о нераскрытых преступлениях, о привлечении различных методов патолого-анатомических, антропологических исследований. Среди криминалистических экспертиз, рекомендуемых к назначению по данной категории уголовных дел, авторы справедливо отмечают трасологическую (дактилоскопическую, следов ног, целого по частям, узлов и др.), баллистическую, холодного оружия,

узлов, почерковедческую, микрочастиц. Для доказывания факта того, что суицид преступника обусловлен совершённым им убийством, в работе обосновывается настоятельная необходимость назначения и проведения посмертных судебно-психиатрических, судебно-психологических экспертиз.

Особого внимания заслуживает предложенная авторами классификация посткриминального суицида серийных и массовых убийц в зависимости от времени его совершения.

В рецензируемой работе сделан акцент на исследовании недостатков в расследовании убийств медицинских работников, сопряжённых с посткриминальным суицидом подозреваемых, а также на актуальных вопросах установления обстоятельств посткриминального суицида лиц, заключённых под стражу, и суицидов пилотов самолётов как способа совершения преступления.

Теоретические выводы авторов подтверждены конкретными примерами из уголовных дел, расследуемых в различных субъектах РФ, содержанием результатов анкетирования следователей Следственного комитета РФ, оперативных сотрудников уголовного розыска, интервьюирования руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз и структур уголовного розыска.

3. Заключение

Монография, подготовленная Р. Г. Ардашевым и Н. Н. Китаевым, является оригинальным комплексным научным исследованием, выполненным на высоком теоретическом и методологическом уровне. Работа, продланная известными авторами при подготовке монографии, представляет важный этап развития методики расследования посткриминального суицида убийц во взаимосвязи криминалистики, судебной экспертологии и суицидологии и, безусловно, будет востребована практическими сотрудниками, а также преподавателями, аспирантами и студентами юридических вузов.

Информация об авторах

Азаров Владимир Александрович – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Информация о статье

Дата поступления – 28 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать – 12 октября 2020 г.

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: kafprokrim@mail.ru
SPIN-код: 1073-2621, Author ID: 709162

Для цитирования

Азаров В. А., Ревенко Н. И. Рецензия на монографию Р. Г. Ардашева, Н. Н. Китаева // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 111–113. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).111-113.

Ревенко Наталья Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: revenko.ni@mail.ru
SPIN-код: 7710-0834, Author ID: 549708

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY R.G. ARDASHEV, N.N. KITAEV

V.A. Azarov, N.I. Revenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The paper reflects the results of reviewing the monograph by R.G. Ardashev and N.N. Kitaev "Post-Criminal Suicide of Murderers: Forensic Support of Investigation" (Ulan-Ude, The Publishing House of Buryat State University, 2020. 216 p.). **Results.** The authors analyzed and confirmed the relevance and scientific novelty of the proposed methodology for investigating murders associated with subsequent suicide of the criminal, typical investigative situations depending on the time of post-criminal suicide. Typical investigative versions and algorithms of the investigator's actions for their verification, including a set of investigative and other measures, are highlighted. The article analyzes the tactical features of conducting an examination of the scene of an accident and interrogation, as well as relevant forensic examinations, and indicates the need to use various methods of pathological, anatomical, and anthropological research. The review gives a high assessment of the practical significance of the monographic research, which contains appropriate information and methodological support for the investigation of crimes of this category.

Keywords: suicide; criminal; initiation of a criminal case; algorithm of the investigator's actions; forensic medical examination.

About the authors

Azarov Vladimir – Honored Lawyer of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: kafprokrim@mail.ru
SPIN-code: 1073-2621, Author ID: 709162

Revenko Natalya – Ph.D. in Law, Docent, Associate Professor at the Department of the Criminal Procedure and Criminalistics
Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: revenko.ni@mail.ru
SPIN-code: 7710-0834, Author ID: 549708

Article info

Received – September 28, 2020
Accepted – October 12, 2020

For citation

Azarov V.A., Revenko N.I. Review of the Monograph by R.G. Ardashev, N.N. Kitaev. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 111-113. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).111-113. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Омского университета. Серия «Право»» выходит 4 раза в год объёмом до 300 страниц.

Разделы журнала определяются для каждого номера в зависимости от тематики поступивших и публикуемых материалов.

Точки зрения авторов публикуемых в журнале статей и редколлегии могут не совпадать. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также за корректность использования материалов из других источников несёт автор.

Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию рукописей не взимается. Премущество при публикации имеют подписчики журнала.

Рецензирование. Каждая статья проходит обязательное рецензирование двумя специалистами той отрасли знания, по которой предложена. Рецензентами являются доктора и кандидаты наук из ведущих научных центров и вузов России. Соискатели, аспиранты обязаны получить и представить в редакцию рекомендацию к публикации научного руководителя.

Правила подачи рукописей. Статьи сдаются или присылаются на бумажном и электронном носителях по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55а, ОмГУ, юридический факультет, редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия «Право»», главному редактору Е. Л. Невзгодиной или пересылаются по электронной почте: omgu-vestnikpravo@mail.ru. Тел.: 8 (3812) 63-21-20. Факс: 8 (3812) 64-20-80.

Статья должна быть подписана автором. На отдельном листе приводятся сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, полные имя и отчество, учёное звание и степень, почётные звания; должность и место работы, полный рабочий адрес (с указанием почтового индекса), контактные телефоны, E-mail.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Обращаем внимание наших авторов на **обновленные требования к статьям**, публикуемым в журнале «Вестник Омского университета. Серия «Право»».

Отступления в оформлении рукописи от указанных требований и большое количество технических погрешностей и ошибок позволяют редколлегии принять решение об отклонении статьи или переносе её публикации в следующий номер.

УСЛОВИЯ РАССМОТРЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Статья должна быть оригинальным (ранее не опубликованным и не представленным к печати в других изданиях), логически завершенным научным произведением, представляющим основные результаты самостоятельного исследования актуальной проблемы (темы); характеризоваться новизной изложенных идей (подходов), практической значимостью и соответствовать предметно-тематической направленности журнала «Вестник Омского университета. Серия «Право»», его целям и задачам.

2. К рассмотрению и публикации принимаются рукописи следующих жанров:

Оригинальная научная статья (*Research Paper*) – развёрнутое представление результатов логически завершенного научного (теоретического или эмпирического) исследования.

Краткое сообщение (*Short Communication*) – краткое представление отдельных (наиболее значимых, уникальных, требующих оперативного информирования других учёных) результатов логически завершенного научного исследования.

Обзорная статья (*Review Paper*) – обобщение информации по определённой исследовательской теме или научной проблеме, полученной в результате отбора, анализа и систематизации сведений из первоисточников, опубликованных за определённый период времени.

Рецензия на книгу (*Book Review Note*) – краткий отзыв о недавно вышедшем в свет научном издании.

Заметка (*Conferences Review Note*) – краткое сообщение о значимом научном или научно-практическом мероприятии (конференции, работе круглого стола и т. п.).

Обращаем внимание авторов, что два последних вида публикации (рецензии и заметки) во многих базах данных (в том числе в *Scopus*) не индексируются.

3. Статья должна быть подготовлена в соответствии с требованиями журнала.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Формат. Принимаются статьи, подготовленные в Microsoft Word; шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт.; интервал – 1,5; полужирным шрифтом выделяются заголовки и подзаголовки; курсив и полужирный курсив используются для внутритекстовых выделений (ключевых понятий, положений и т. п.); нумерация страниц обязательна.

Объём:

- *оригинальная научная статья* – от 20 тыс. до 40 тыс. знаков (включая пробелы), количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – 5–8, в списке литературы не менее 15 источников;
- *краткое сообщение* – не более 12 тыс. знаков (включая пробелы), количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – не более 2; в списке литературы не менее 5 источников;
- *обзорная статья* – от 25 до 40 тыс. знаков (включая пробелы); количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – от 5 и более; в списке литературы не менее 30 источников;
- *рецензия на книгу* – не более 10 тыс. знаков (включая пробелы);
- *заметка* – не более 8 тыс. знаков (включая пробелы).

Структура статьи:

Элемент	Требования и рекомендации
УДК	Классификационный индекс указывается по Универсальной десятичной системе с учётом тематики статьи
Заглавие статьи	• Приводится на русском и английском языках; • включает не более 10 слов; • не содержит аббревиатур и авторских сокращений; • отражает предмет исследования, содержит основные ключевые слова
Автор(-ы) и аффилиация	• Приводятся на русском и английском языках; • содержит Ф.И.О. авторов и их аффилиации (указываются организация, город, страна); • очередность упоминания авторов зависит от их вклада в исследование; • Ф.И.О. авторов приводятся на русском языке и в романском алфавите (транслитерация); • в аффилиации указывается только одна организация, название которой позволяет точно идентифицировать автора (полный перечень организаций, в которых работает автор, приводится после текста статьи); • в аффилиации даётся официальное (без сокращений, аббревиатур) название организации (на русском и английском языках), закреплённое в Уставе и/или на официальном сайте организации, однако принадлежность ведомству, форма собственности, статус (Федеральное государственное унитарное предприятие; Национальный исследовательский; ФГБОУ ВПО и т. п.) не указываются; • непереводимые на английский язык наименования фирм даются в транслитерации; • при написании названий организаций на английском языке все значимые слова (кроме артиклей и предлогов) должны начинаться с прописной буквы

Аннотация (авторское резюме)	• Приводится на русском и английском языках; • состоит не менее чем из 100 слов; • не содержит авторских сокращений, ссылок на список литературы, цифр и таблиц; использование аббревиатур возможно только при наличии расшифровки: сначала дается полное наименование, затем – сокращённое (в круглых скобках)
Ключевые слова	• Приводятся на русском и английском языках (<i>практический совет</i>: корректность переведённых терминов можно проверить так: заключите их в кавычки и запустите в поисковую систему Google, обращая внимание на то, используются ли они в таком виде в англоязычной научной литературе); • включают 5–10 слов и словосочетаний (основных терминов), позволяющих восстановить содержание статьи; • в составном термине (словосочетании) на английском языке основное существительное, как правило, ставится в конец, а зависимые существительные, выступающие в роли определений, предшествуют ему (например, <i>соглашение о платежах – payment agreement NOT agreement about payment; система государственной власти – state power system NOT system of state power</i>)
Таблицы, рисунки (схемы, диаграммы и т. п.)	• Все таблицы и рисунки (графики, схемы, диаграммы) должны обязательно иметь заголовки, выделенные полужирным шрифтом. Если в тексте статьи две и более таблиц или рисунков, они также имеют и нумерационные заголовки (нумерация сквозная): <i>Таблица 1, Таблица 2</i> и т. д. Заголовки в головке таблицы должны точно соответствовать содержанию граф. Заголовки приводятся на русском и английском языках. • Все ячейки таблицы должны быть заполнены данными (в цифровой или словесной форме) либо иметь внутри прочерк, означающий отсутствие таких данных. • <i>Авторские</i> таблицы, рисунки (графики, схемы, диаграммы) должны предусматривать возможность редактирования, быть выполненными в программах из пакета Microsoft Office. • <i>Заимствованные</i> из других изданий иллюстративные материалы (сканированные рисунки, таблицы, графики, схемы, фотографии), представленные в форматах *.jpeg, *.tiff и не подлежащие редактированию, должны быть только высокого качества (разрешение не менее 300 dpi), в чёрно-белом изображении, и обязательно прилагаться отдельным файлом соответствующего формата. • Указание на источник заимствования обязательно
Примечания	• Содержат дополнительные сведения – разного рода авторские пояснения, оценки, существенные фактические данные, которые сделали бы текст статьи слишком громоздким. Здесь указываются источники исследования (нормативная, справочная, учебно-методическая литература, архивные материалы, публицистические материалы из газет и интернет-изданий, диссертации и авторефераты), которые не принято включать в раздел «Литература». • Тексты примечаний располагаются после текста статьи (под заголовком «Примечания») и имеют сквозную нумерацию. Связь затекстовых примечаний с текстом статьи осуществляется с помощью цифр-номеров, оформленных в виде верхнего индекса: перед текстом примечания ставится тот же номер (¹ Текст примечания), что и в основном тексте (...поясняемый в статье элемент¹).

Список литературы и ссылки	• Должен включать только упоминаемые в статье источники академического характера (статьи из научных журналов и сборников, монографии и т. п.), которые были опубликованы или приняты к публикации. • НЕ включаются в список: – нормативные источники, в том числе опубликованные в сборниках, отдельных брошюрах или размещенные в информационных системах («Гарант», «КонсультантПлюс» и т. п.) законодательные акты: конституции, законы, постановления, концепции, программы и др.; – статистические справочники; – архивные документы; – авторефераты и диссертации (публикуются на правах рукописи); – публицистические материалы из газет и интернет-изданий; – учебно-методические издания; – анонимные (не авторские) публикации, в том числе описания веб-сайтов, порталов, справочно-правовых систем. Перечисленные выше источники, как и разного рода авторские пояснения (комментарии), должны быть упомянуты либо непосредственно в тексте статьи (в виде внутритекстовых ссылок и комментариев-вставок) либо сразу после статьи в разделе «Примечания». • Источники в списке указываются в порядке их упоминания в тексте. • Каждый источник в списке указывается только один раз и имеет только один порядковый номер. В случае неоднократной ссылки на него в тексте всякий раз указывается только этот номер. • В списке литературы даётся только библиографическое описание источников согласно представленным ниже правилам, при этом НЕ допускаются указания «Там же», «Он же», «Его же», «Цит. по», «См., например» и т. п. • В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для книг указывается общее количество страниц. • Ссылки в тексте статьи оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер и страницы цитируемого источника: [4, с. 32–35], (см., например: [1, с. 144]), (цит. по: [8, с. 68]). Ссылка на несколько источников оформляется так: [4, с. 30; 14, с. 46; 20, с. 78–79]. Если ссылка даётся на работу в целом, то в страницы не указываются: [18]. • Список литературы в обязательном порядке должен включать: – современные источники (не старше трёх лет на момент опубликования статьи) – желательно не менее 25 %; – зарубежные публикации на иностранном языке – желательно не менее 25%; – статьи из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования Scopus, Web of Science – желательно не менее 25 %, например: Russian Law Journal; Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law; Yale Law Journal; International Journal of Law and Management; British Journal of Criminology, Administrative Law Review; UrbanLawer; American Journal of Comparative Law; Theoretical Criminology; Social & Legal Studies и др. Проверить, индексируется ли журнал в Scopus (с показателями цитируемости журнала), можно здесь: http://www.scimagojr.com/journalsearch.php; перечень журналов, индексируемых в Web of Science (без показателей цитируемости журнала), см. здесь: http://mjl.clarivate.com/.
--	--

	• Допустимый объём самоцитирования – не более 20 % от общего количества источников в списке литературы. • Список источников оформляется в двух вариантах: – под заголовком «ЛИТЕРАТУРА» – в соответствии с российскими издательскими стандартами; – под заголовком «REFERENCES» – в соответствии с зарубежными издательскими стандартами (образцы см. ниже)
Полные данные об авторе(-ах)	• Приводятся на русском и английском языках; • для каждого автора указывается фамилия, имя (полностью) и отчество (полностью, если есть), учёная степень, учёное звание, должность, место(-а) работы (полное название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес, контактные телефоны; идентификаторы автора (исследователя): SPIN-код и Author ID в системе Science Index (РИНЦ); IDORCID; Researcher ID (при наличии)
Сведения о финансировании и благодарности	• Приводятся на русском и английском языках (1–2 фразы); • выражение благодарности лицам, организациям, оказавшим помощь в процессе исследования и подготовки статьи; • даётся краткая информация об источниках финансирования исследования (научном фонде, гранте, номере проекта)

ОФОРМЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ В РАЗДЕЛАХ «ЛИТЕРАТУРА» / REFERENCES

ЛИТЕРАТУРА

Книга на русском или иностранном языке:

1. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 491 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. – М. : Вердикт, 1994. – 316 с.
3. Четвёртый Трудовой кодекс России : сб. науч. ст. / сост. В. Н. Скобелкин. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2002. – 295 с.
4. Animal Rights: Current Debates and New Directions / eds.: C. R. Sunstein, M. C. Nussbaum. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 352 p.

Фрагмент (глава) книги (тома):

5. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 151–414.

Статья из журнала на русском или иностранном языке:

6. Малько А. В., Маркунин Р. С. Современные пути борьбы с проявлениями коррупции в системе органов публичной власти // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 678–688. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).678-688.
7. Fontana C., Lagutin I. Tourist Taxes in Italy and Russia // Russian Law Journal. – 2018. – Vol. 6, № 1. – P. 83–99. – DOI: 10.17589/2309-8678-2018-6-1-83-99.

Статья из сборника статей или материалов конференции:

8. Щедрин Н. В. О «теории относительности» уголовного наказания и её экспериментальной проверке (статья) // Преступление и наказание в современном мире : тез. участников 14-й Международной Балтийской конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 24–26 июня 2011 г.). – СПб. : РГПУ, 2011. – С. 134–139.
9. Котюргин С. И. О понятии административного процесса // Сб. ст. адъюнктов и соискателей. – М. : Изд-во ВШ МООН СССР, 1966. – С. 3–14.

Электронный ресурс – авторская публикация на русском или иностранном языке:

10. Денисов С. А. Опыт Соединённых Штатов Америки в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] // Чиновник. – 2004. – № 4. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docid=1196375> (дата обращения: 12.11.2017).
11. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс] / под ред. О. В. Исаенковой. – 2008. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Baron D. The Legendary English-Only Vote of 1795 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.english.illinois.edu/-peo-ple/faculty/debaron/essays/legend.htm> (accessed 12 November 2017).

REFERENCES

Книга на русском или иностранном языке:

1. Gorelik A.V., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 491 p. (In Russ.).
2. Radchenko V.I. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Verdikt Publ., 1994. 316 p. (In Russ.).
3. Skobelkin V.N. (comp.). *The forth Labour Code of the Russian Federation*, collection of scientific articles. Omsk, Omsk State University Publ., 2002. 295 p. (In Russ.).
4. Sunstein C.R., Nussbaum M.C. (eds.). *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 352 p.

Фрагмент (глава) книги (тома):

5. П'ин И.А. About essence of legal consciousness, in: П'ин И.А. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Vol. 4, pp. 151-414. (In Russ.).

Статья из журнала на русском или иностранном языке:

6. Malko A.V., Markunin R.S. Modern ways of combating corruption in the system of public authorities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 678-688. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).678-688. (In Russ.).
7. Fontana C., Lagutin I. Tourist Taxes in Italy and Russia. *Russian Law Journal*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 83-99. DOI: 10.17589/2309-8678-2018-6-1-83-99.

Статья из сборника статей или материалов конференции:

8. Shchedrin N.V. On the “theory of relativity” of criminal punishment and its experimental verification (article), in: *Crime and Punishment in today's world*, proceedings of the 14th International Baltic conference (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 24-26 June 2011). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2011, pp. 134-139. (In Russ.).
9. Kotyurgin S.I. On the concept of administrative process, in: *Collection of articles of adjuncts and applicants*. Moscow, Higher School of MOOP of the USSR Publ., 1966, pp. 3-14. (In Russ.).

Электронный ресурс – авторская публикация на русском или иностранном языке:

10. Denisov S.A. The US experience in combating corruption. *Chinovnik = Civil Servant*, 2004, no. 4. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docid=1196375> (accessed 12 November 2017). (In Russ.).
11. Isaenkova O.V. (ed.). Commentary to the Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007 “On Enforcement Proceedings”. 2008. Available at “Garant” System. (In Russ.).
12. Baron D. *The Legendary English-Only Vote of 1795*. Available at: <http://www.english.illinois.edu/-people-/faculty/debaron/essays/legend.htm> (accessed 12 November 2017).

Пояснения:

- Если статья имеет DOI (см. оригинал статьи на сайте соответствующего журнала или eLibrary.ru), обязательно укажите его в конце статьи.

- Ф.И.О. автора на латинице, переводной заголовок русскоязычной статьи, переводное название журнала для REFERENCES следует взять из оригинала цитируемой статьи (используйте сайт соответствующего журнала или eLibrary.ru), и только в случае отсутствия этих данных (как правило, в старых выпусках журналов) самостоятельно переведите заголовок на английский язык, а Ф.И.О. автора дайте в транслитерации.
- Пожалуйста, придерживайтесь единой *системы транслитерации по стандарту BSI*, принятой в нашем журнале, а именно: ж – zh; и – i; й – i; х – kh; ц – ts; ч – ch; ш – sh; щ – shch; ы – y; ь – ‘; э – e; ю – u; я – ya. Данное требование неприменимо к фамилиям авторов, которые последовательно используют «свой» вариант транслитерации во всех статьях и различных базах данных.

Индексирование и присутствие журнала «Вестник ОмГУ. Серия “Право”» в базах данных

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

Международная регистрационная база данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»

ЖДЁМ ВАШИ МАТЕРИАЛЫ!

INFORMATION FOR AUTHORS

The academic periodical *Herald of Omsk University, series "Law"* is published four times a year up to 300 pages.

The periodical sections are determined for each issue depending on the subject matter of the received and published materials.

The opinion of the authors of publications may not coincide with the opinion of the editorial board. The author himself is responsible for the accuracy of the facts and statistics, as well as for the correct use of materials from other sources.

The academic periodical has no page charges. The periodical subscribers have an advantage when publishing.

Review. Each article is subject to mandatory review by two experts of the branch of knowledge for which it has been proposed. The reviewers are Doctors of sciences and Ph.D in sciences from leading Russian research centers and universities. Applicants and graduate students are obliged to receive and submit to the editorial board a recommendation for the publication from their research supervisor.

The rules of submitting manuscripts. Papers are handed in or sent on paper and electronic media to the following address: Editor-in-Chief E.L. Nevzgodina, editorial board of Herald of Omsk University, series "Law", Law Department, Omsk State University, 55a, Mira pr., Omsk, 644077, or sent by e-mail: omgu-vestnikpravo@mail.ru. Tel.: 8 (3812) 63-21-20. Fax: 8 (3812) 64-20-80.

The article should be signed by its author. The information about the author in Russian and English including his surname, name and patronymic, academic title and degree, honorary titles; position and place of work, full working address (with zip code), contact telephone numbers, e-mail is given on a separate sheet.

Submitted manuscripts and electronic media are not returned to the authors.

Please, pay attention to **the updated requirements for the articles** published in the periodical *Herald of Omsk University, series "Law"*.

Deviations in the design of the manuscript from these requirements and numerous technical errors give the editorial board the right to decide whether to reject the article or postpone its publication to the next issue.

TERMS OF THE CONSIDERATION AND PUBLICATION OF THE ARTICLE

1. The article should be original (not previously published and not presented for publication in other editions), logically completed scientific paper, representing the main results of an independent study of the urgent problem (topic); it should be characterized by the novelty of the ideas (approaches) presented, have practical significance and conform to the subject-specific focus of the periodical "Herald of Omsk University, series "Law" ", its goals and objectives.

2. Manuscripts of the following genres are accepted for review and publication:

Research Paper – a detailed presentation of the results of a logically completed scientific (theoretical or empirical) study.

Short Communication – a brief presentation of individual (most significant, unique, requiring prompt informing of other scientists) results of a logically completed scientific study.

Review Paper – compilation of information on a specific research topic or scientific problem, obtained as a result of the selection, analysis and systematization of information from original sources published over a certain period of time.

Book Review Note – a brief review of a recent scientific publication.

Conferences Review Note – a brief report on a significant scientific or scientific-practical event (conference, round table, etc.).

Please, pay attention to the fact that last two types of publications (book review notes and conferences review notes) are not indexed in many databases including Scopus.

3. The article should follow the requirements of the periodical.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE

Format. Accepted articles are in Microsoft Word; Times New Roman type, size – 12 pt; interval – 1.5; headings and subheadings are in bold; italics and bold italics are used for inline textual notions (key concepts, provisions, etc.); pagination is required.

Size:

- *research paper* – 20 000 – 40 000 characters including spaces, the number of tables or figures (graphs, charts, etc.) – 5–8, minimum 15 sources in the bibliography;
- *short communication* – up to 12 000 characters including spaces, the number of tables or figures (graphs, charts, etc.) – not more than 2, minimum 5 sources in the bibliography;
- *review paper* – 25 000 – 40 000 characters including spaces, the number of tables or figures (graphs, charts, etc.) – 5 or more, minimum 30 sources in the bibliography;
- *book review note* – up to 10 000 characters including spaces;
- *conference review note* – up to 8 000 characters including spaces.

The structure of the article:

<i>Component</i>	<i>Requirements and recommendations</i>
UDC	Classification index is indicated according to the Universal Decimal System, taking into account the subject of the article.
Title of the article	• given in both Russian and English; • consists of up to 10 words; • does not include any abbreviations or acronyms; • reflects the subject of the study, contains main keywords
Author(s) and affiliation	• given in both Russian and English; • contains the authors' full names and their affiliations (the names of the organisation, city, country are to be given); • the order the authors are listed depends on their contribution to the study; • the authors' full names are to be given in Russian and transliterated; • the affiliation includes only the name of one organization which makes it possible to identify the author (the full list of organizations the author works for is to be given after the text of the paper); • the affiliation includes the official name of the organization (without acronyms and abbreviations) (both in Russian and English), regularized in Regulations and/ or on the official site of the organization, however, the affiliation to the department, form of ownership, status (Federal State Unitary Enterprise; National Research; Federal State Budgetary Higher Professional Education, etc.) are not indicated; • untranslatable into English the names of the companies are to be transliterated; • in the names of organizations given in English all notional words (except articles and prepositions) are to be written with the capital letter
Abstract	• given in both Russian and English; • contains minimum 100 words; • does not contain acronyms, references to bibliography, statistics and tables; abbreviations are used only with their expansions: first the full name is given, then its abbreviation (in parentheses)

Keywords	• given in Russian and English (<i>practical tip</i>: the correctness of the terms given can be easily checked in the following way: place them in quotation marks and search for them in Google, paying attention if they are used in research literature in); • include 5-10 words and word combinations (main terms), that allow to understand the contents of the paper; • in a compound term (word combination) in English the main noun as a rule is placed the last, while dependent nouns defining it precede (e.g., <i>соглашение о платежах</i> – <i>payment agreement</i> NOT <i>agreement about payment</i>; <i>система государственной власти</i> – <i>state power system</i> NOT <i>system of state power</i>)
Tables, figures (graphs, charts, etc.)	• All tables and figures (diagrams, graphs, charts) are to have headings in semibold type. If the text contains two or more tables or figures they have numbering headings as well (numbered consecutively): <i>Table 1</i>, <i>Table 2</i> etc. Headings in the head of the table are to correspond with the contents of the column. The headings are given in Russian and English. • All table cells are to contain data in numbers or words or to have a line inside showing the absence of any. • <i>Original</i> tables, figures (diagrams, graphs, charts) are to be created in Microsoft Office programmes and be editable. • Non-editable illustrative materials (scanned figures, tables, diagrams, graphs, photos) in *.jpeg, *.tiff formats <i>borrowed</i> from other editions are to be of high quality (with resolution of minimum 300 dpi), black and white, and attached as a separate file of a corresponding format. • The source of borrowing is to be named.
Notes	• Include extra information – different author's explanations, opinions, substantial factual data that might make the text of the paper massive. Here the sources of the research which are not usually included in the bibliography are noted (regulations, reference literature, educational literature, archive materials, journalistic materials from newspapers and online publications, theses and abstracts). • The texts of the notes are placed under the body text (entitled "Notes") and are consecutively numbered. The connection of the text notes with the text of the article is through digits-numbers in the form of a superscript: the text of the note is preceded by the same number (¹ Text of the note) as in the main text (... the element explained in the article¹).
Bibliography and references	• Only the sources of academic nature mentioned in the paper (publications from academic periodicals and collected volumes, monographs etc.) which have been published or accepted for publication are to be enlisted here. • ARE NOT listed in bibliography: – regulations, including those published in collected volumes, separate brochures or uploaded to different information systems ("Garant", "ConsultantPlus" etc.), legislative acts: constitutions, laws, statements, concepts, programs, etc.; – statistical reference books; – archive documents; – abstracts and theses (published as a manuscript); – journalistic materials from newspapers and online publications; – educational and methodical publications; – anonymous publications, including descriptions of websites, portals, reference and legal systems.

	The sources listed above, as well as various author's explanations (comments), are to be mentioned either directly in the text of the article (in the form of inline links and inserted comments) or immediately after the article in the section "Notes". • Sources are listed in the order they are mentioned in the text. • Each source is listed once and has only one ordinal number. In case of repeated reference to it only this number is indicated in the text. • Bibliography includes only a bibliographic description of the sources according to the rules below, ARE NOT possible the instructions "Ibid", "He", "His", "Cit. by ", " See, for example ", etc. • In the bibliography for articles, the first and the last pages in a journal or in a collection volume are to be given, for books the total number of pages is indicated. • References in the text of the article are in square brackets, they contain the ordinal number and pages of the quoted source: [4, p. 32-35], (see, for example: [1, p. 144]), (cit. by: [8, p. 68]). A link to several sources is made as follows: [4, p. 30; 14, p. 46; 20, p. 78–79]. If the link is given to work as a whole, then the pages are not included: [18]. • Bibliography is to include: - contemporary sources (published less than three years agos at the time of publication of the article) - preferably minimum 25 %; - foreign publications in a foreign language - preferably minimum 25 %; - articles from scientific journals included in the global citation indexes Scopus, Web of Science - preferably minimum 25 %, for example: Russian Law Journal; Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law; Yale Law Journal; International Journal of Law and Management; British Journal of Criminology, Administrative Law Review; UrbanLawyer; American Journal of Comparative Law; Theoretical Criminology; Social & Legal Studies et al. Check if the journal is indexed in Scopus (with journal citation indicators), here: http://www.scimagojr.com/journalsearch.php; for a list of journals indexed in the Web of Science (without journal citation indicators), see here: http://mjl.clarivate.com/. • The amount of self-citations is limited by 20 % of the total number of sources in the bibliography. The list of sources is made under the heading "REFERENCES" in accordance with certain publishing standards (see samples below)
Full information about author(s)	• given both in Russian and English; • for each author his full surname, name and patronymic (if any) are written, as well as his academic degree, title, position, place(s) of work (full title of the organization, its postal address and zip-code), e-mail, telephone number; SPIN-code and Author ID in the system of Science Index (RSCI); IDORCID; Researcher ID (if any)
Acknowledgements	• Given both in Russian and English (1-2 phrases); • gratitude to individuals, organizations for their help in the process of research and preparation of the article; • brief information about financing of the research (science fund, grant, project number)

ARRANGEMENT OF SOURCES IN SECTION “REFERENCES”

- **For books:**

Bercusson B. *European Labour Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 752 p.

Gorelik A.V., Lobanova L.V. *Crimes against justice*. Saint Petersburg, Yuridicheskiitsentr Press Publ., 2005. 491 p. (In Russ.).

Guangjun Chen (ed.). *Criminal Procedure Law*. Beijing, 2009. 420 p. (In Chin.).

Sunstein C.R., Nussbaum M.C. (eds.). *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 352 p.

- **For book chapter:**

Il'in I.A. About essence of legal consciousness, in: Il'in I.A. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Russkayakniga Publ., 1994. Vol. 4, pp. 151-414. (In Russ.).

- **For journal articles:**

Fontana C., Lagutin I. Tourist Taxes in Italy and Russia. *Russian Law Journal*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 83-99. DOI: 10.17589/2309-8678-2018-6-1-83-99.

- **For articles from conference proceedings:**

Shchedrin N.V. On the “theory of relativity” of criminal punishment and its experimental verification (article), in: *Crime and Punishment in today's world*, proceedings of the 14th International Baltic conference (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 24-26 June 2011). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2011, pp. 134-139. (In Russ.).

- **For electronic sources (authored):**

Denisov S.A. The US experience in combating corruption. *Chinovnik = Civil Servant*, 2004, no. 4. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docid=1196375> (accessed 12 November 2017). (In Russ.).

Baron D. *The Legendary English-Only Vote of 1795*. Available at: <http://www.english.illinois.edu/-people-/faculty/debaron/essays/legend.htm> (accessed 12 November 2017).

Ckarifications:

- If the paper has a DOI (see the original paper on the site of a corresponding periodical or eLibrary.ru), it is to be given at the end of the paper.
- The author's full name in Latin characters, the translated title of the paper in Russian, the translated name of the periodical for REFERENCES are to be taken from the original paper cited (use the site of a corresponding periodical or eLibrary.ru), only when there are no such data (as a rule, it refers to the old issues of the periodical) the title of the paper is to be translated into English and the author's full name is to be given using transliteration.
- Please, follow the unified *transliteration system according to the BSI standard*, accepted in the periodical, namely: ж – zh; и – i; й – i; х – kh; ц – ts; ч – ch; ш – sh; щ – shch; ы – y; ь – ‘; э – e; ю – yu; я – ya. This requirement does not apply to the names of authors who consistently use "their" version of transliteration in all articles and various databases.

**Indexing and presence of the periodical
“Herald of Omsk University, series “Law” ” in databases**

Russian science citation index (RSCI):
Scientific electronic library eLIBRARY.RU

International bibliographic database
Ulrich's Periodicals Directory

Scientific electronic library
«Cyberleninka»

WE ARE WAITING FOR YOUR MATERIALS!